

Стипендия

Алиса Сенева

Алиса Огнева

Стипендия

<https://litres.ru/74541203>

Аннотация

Меня зовут Лера. Я приехала в элитную Академию фигурного катания по президентской квоте — для талантов из бедных семей. Для них я мусор. У меня штопаная форма, коньки б/у и нет ни тренера, ни связей. Но я катаюсь так, что они кусают локти. Мой главный враг — лидер сборной, наследник стальной империи. Он возглавляет травлю стипендиатов. Но однажды ночью я застаю его на пустом катке, падающего снова и снова... и показываю ему ошибку. Один момент меняет всё. Теперь мы тайные союзники. Но его отец уже приготовил для меня контракт, который спасёт мою семью. Цена? Я должна исчезнуть из жизни Максима перед Олимпиадой. И мне предстоит выбрать: спасти родных или остаться с тем, кого полюбила.

Содержание

ГЛАВА 1. ПОПАДАНКА.	4
ГЛАВА 2. ПЕРЕМИРИЕ.	27
ГЛАВА 3. ПЕРВЫЙ ТУРНИР.	47
ГЛАВА 4. СОЮЗНИКИ.	65
ГЛАВА 5. ОТКРЫТАЯ ИГРА	89
ГЛАВА 6. ПЕРЕД БОЕМ	109
ГЛАВА 7. ЭХО	121
ГЛАВА 8. ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО	138
ГЛАВА 9. ПРЕДЕЛ	156
ГЛАВА 10. ВОЗВРАЩЕНИЕ	174
ГЛАВА 11. МЕЖДУНАРОДНЫЙ СТАРТ	193
ГЛАВА 12. ЧЕМПИОНАТ РОССИИ	208
ГЛАВА 13. ПРОИЗВОЛЬНАЯ	224
ГЛАВА 14. ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА	239
ГЛАВА 15. ОЛИМПИЙСКАЯ КОМАНДА	255
ГЛАВА 16. ОЛИМПИАДА. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ	270
ГЛАВА 17. ОЛИМПИАДА. ПРОИЗВОЛЬНАЯ	287
Конец ознакомительного фрагмента.	290

ГЛАВА 1. ПОПАДАНКА.

Автобусная остановка у ворот Академии встречает запахом хвои и свежего асфальта. Сентябрьское утро холодное, пальцы немеют. Сжимаю ручку чемодана — он потёртый, серый, с заедающей молнией. Мать замотала его жёлтым скотчем, чтобы не развалился в дороге. Весь автобус смотрел, когда выходила.

Стеклянные корпуса взлетают из соснового леса, как инопланетные корабли. Стекло, бетон, металл — всё сверкает на утреннем солнце. Пропасть между моим миром и этим разверзается под ногами. В ушах голос матери: «Терпи, дочка». Сжимаю челюсть, делаю шаг. Второй. Третий.

— Стоять.

Из будки выходит широкий мужчина в тёмно-синей форме, на рукаве нашивка: «Айс Палас». Смотрит на меня, на чемодан, на штопаную куртку, джинсы с потёртостями.

— Ты кто?

— Валерия Соболева. Стипендиатка.

Хмыкает. Достает планшет, водит пальцем по экрану. Медленно. Слишком медленно. Кровь приливает к щекам.

— Нет тебя в списке.

Внутри всё сжимается в ледяной ком. Лезу в карман, достаю распечатанное письмо — мятое, сложенное вчетверо, с пятном от кофе на уголке. Протягиваю.

— Президентская квота. Приказ.

Берёт, разворачивает, читает. Губы кривятся. Кивает, отступает, открывая проход.

— Стипендиатка, значит. Иди, там тебе покажут.

Слово плюёт на асфальт.

Прохожу турникет. Металлический лязг, потом тишина холла — такая плотная, что шаги по полированному полу отдаются эхом от стеклянных стен. В холле светло, просторно, пахнет чистящим средством и цветами. Слева стойка из белого камня с вазой орхидей, справа мягкие диваны, журнальные столики. Всё блестит.

Иду к стойке, но замираю — из бокового коридора вываливается компания. Четверо. В форме Академии: белоснежные куртки с логотипом, чёрные лосины, идеальные пучки. Идут, смеются, не смотрят под ноги.

Впереди блондинка. Высокая, платиновые волосы собраны в гладкий пучок, на шее тонкая золотая цепочка. Взгляд скользит по моей куртке, по чемодану, по обуви. Останавливается.

— О, — голос громкий, с нотками удивления. — А нам и правда мусор возят.

Свита хихикает. Мышцы спины напрягаются. Сжимаю ручку чемодана, скотч трещит. Молчу. Смотрю в пол, на свои ношенные кроссовки, на их идеальные белые шнурки.

— Стипендиатка? — наклоняет голову, рассматривает, как экспонат. — И чего ты тут забыла? Коньки, поди, в се-

конд-хенде брала?

Кто-то из парней обходит меня по кругу, свистит.

— Глянь, форма штопаная. Реальность, да?

Пальцы сжимаются в кулаки. Ногти впиваются в ладони.

Молчать. Терпи.

Блондинка подходит ближе. От неё пахнет духами — сладкими, тяжёлыми. Наклоняется к уху.

— Тебя здесь сожрут, стипендиатка.

Отходит, машет рукой своим. Они исчезают в коридоре.

Смех стихает.

Руки дрожат. Делаю глубокий вдох, иду к стойке.

— Соболева. Стипендиатка.

Женщина поднимает глаза, кивает. Протягивает ключ с брелком.

— Корпус малый, третий этаж, комната тринадцать.

Тринадцать.

Выхожу в стеклянный переход. За стёклами сосны, иголки кажутся чёрными на фоне серого неба. Ветер качает ветки, и кажется, что лес дышит.

Корпус — серый бетон, без окон на первом этаже. Дверь тяжёлая, металлическая, краска облупилась у ручки. Внутри воняет сыростью и хлоркой. Стены бледно-зелёные, местами краска вздулась. Пол бетонный, холод просачивается сквозь подошву.

Лестница узкая, ступени стёрты. Поднимаюсь на третий этаж. Коридор длинный, двери через каждые два метра, кра-

шенные тёмно-серым. Лампы мерцают, выхватывая трещины на стенах. Комната тринадцать. Дверь приоткрыта. Толкаю — отходит с протяжным скрипом.

Четыре кровати, двухъярусные, металлические, краска облупилась. Матрасы тонкие, в пятнах. Шкаф один на всех, дверца висит на одной петле. Стол из ДСП, покрытие вздулось, на нём чьи-то учебники. Окно маленькое, выходит на глухую стену соседнего корпуса, сквозь мутное стекло пробивается серый свет.

На нижней койке у окна сидит девушка. Читает. Очки в толстой чёрной оправе, волосы собраны в жидкий хвост, серая кофта с катышками. Поднимает глаза на скрип двери, смотрит секунду и снова утыкается в книгу.

Ставлю чемодан на свободную нижнюю койку.

— Привет. Лера.

Тишина. Гудит вентиляция.

— Диана, — голос тихий, почти шёпот. — Ты стипендиатка?

— Да.

Кивает, словно подтверждая себе, и снова утыкается в книгу.

Ложусь. Пружины впиваются в спину. В голове: охранник, блондинка, «мусор возят». Желудок сжимается.

Закрываю глаза. Мать на перроне, кутается в старую шаль, улыбается, но глаза мокрые. Терпи, дочка. Мы справимся. Брат машет рукой, такой маленький, в куртке на три размера

больше.

Надо найти столовую. Коридоры петляют. Иду по запаху — едой пахнет, но синтетическим, стерильным. Стеклянная галерея выводит в большое помещение.

Столовая. Светлая, панорамные окна выходят в сосновый лес. Пол — светлый ламинат, стулья с мягкими сиденьями, на столах живые цветы. Уют. Чистота. Потом замечаю перегородку из матового стекла.

С одной стороны — шведский стол. Мраморная стойка, повара в белых колпаках. На подносах мясо, рыба, овощи, фрукты, выпечка. Там сидят блондинка с подругами, смеются, едят стейки. С другой — узкая стойка из нержавеющей стали. Пластиковые столы, жёсткие стулья. Никого.

Подхожу. Женщина в синем халате смотрит сквозь меня. — Стипендиаты там, — кивает за перегородку.

Беру поднос. Гречка. Овощи. Компот. Иду к пластиковому столу, сажусь спиной к золотой зоне. Гречка пресная, овощи без соли, компот слишком сладкий. Руки дрожат от голода.

— Гляньте, нищенка пришла.

Голос блондинки — сквозь перегородку. Не оборачиваюсь. Жую. Гречка скользит по горлу комом.

— У неё даже формы нормальной нет. Стипендия, видите ли.

Щёки пылают. Смотрю в тарелку, считаю до десяти. Терпи.

В золотой зоне стихает. Кто-то смотрит. Чувствую взгляды на затылке. Быстро доедаю, уношу поднос.

Возвращаюсь в комнату. Диана на своей койке, в той же позе. Ложусь. Тишина.

— Она будет травить тебя, — вдруг говорит Диана. Голос такой тихий, что приходится напрягаться, чтобы расслышать. — Алиса. У неё уже план. Они стипендиатов всегда травят. Не высовывайся, — шепчет. — Не давай повода.

— А ты? — спрашиваю в темноту. — Ты давно здесь? Молчание.

— Второй год. Научилась быть незаметной.

— Как ты выживаешь?

— Ничего не замечаю. Не высовываюсь. Становлюсь мебелью. — Пауза. — Они не трогают мебель.

Закрываю глаза. Мать, брат, гречка без соли, смех за перегородкой.

— Если я сломаюсь сейчас, — говорю, — мать умрёт. Брат останется один.

Диана молчит.

— Значит, надо стать незаменимой, — говорю. — Чтобы они не могли меня выгнать. Чтобы нужны были больше, чем их золотые дети.

— Как?

— На льду. Единственный способ — стать лучше всех.

Диана смотрит, долго. Потом отворачивается к стене.

— Тогда тебе нужны не сорок минут в день, — тихо го-

ворит она. — Малый каток ночью никто не запирает. Ключ под ковриком у запасного выхода.

Смотрю на неё. Она не оборачивается.

— Откуда знаешь?

— Я много чего знаю, — голос глухой, в стену. — Когда ты мебель, всё слышишь.

Утром иду на первую тренировку. Раздевалка элитной группы — светлая, просторная, пахнет дорогой косметикой и кофе. Моё место у батареи, мне его указали, когда я спросила, где переодеваться. Батарея горячая, но тепло не пробивает штопаную ткань формы.

Развязываю шнурки, достаю коньки. Бэушные, кожаные, с разношенной колодкой под чужую ногу. На левом ботинке потёкшая строчка, на правом — потёртость на мыске. Лезвия точила сама перед отъездом, три часа, пока рука не перестала дрожать.

— О, смотрите.

Алиса стоит в проходе между кабинками, в руках телефон. Рядом подруги.

— Это что за антиквариат? — она наклоняется, разглядывает коньки. — Такие ещё существуют?

Пальцы замирают на шнурках. Не поднимаю головы.

— Дай-ка сфоткаю, — она наводит телефон. — «Стипендиатка века», так и назову.

Вспышка бьёт по глазам. Подруги смеются.

Что-то щёлкает внутри. Поднимаю голову, смотрю прямо на неё. Взгляд тяжёлый, немигающий. Алиса моргает первой, улыбка сползает.

— Чего уставилась? Коньки свои позорные спрячь.

Забираю коньки, засовываю в пакет. Выхожу. Спина прямая, хотя внутри всё дрожит.

— Скоро вылетишь, стипендиатка.

В коридоре делаю вдох. Воздух холодный, с хлором. На стенах — фотографии чемпионов в серебряных рамах.

Лёд главной арены встречает гулом холодильных установок и запахом машинного масла. Купол уходит вверх, свет льётся ровный, без теней. Трибуны пустые, только тренеры на бортике. В центре — он.

Максим Воронцов.

Четверной тулуп, каскад, ещё прыжок. Всё идеально, как под копирку. Форма белоснежная, коньки ручной работы, каждое движение выверено. Техника безупречная. Холодная. Как у робота.

Тренер Олег Николаевич стоит у бортика, в старомодном свитере с косами, что-то записывает. Когда музыка стихает, поднимает голову, замечает меня.

— Стипендиаты? — голос хриплый, прокуренный. — Вам на малый каток. Здесь элита.

— Мне сказали, первый выход, — говорю.

Он окидывает меня взглядом, останавливается на коньках в пакете, на форме.

— Резервная группа. Утренняя смена. Там тренер покажет.

Отворачивается к Максиму. Тот подъехал к бортику, вытирает лицо. Смотрит на меня мельком, без интереса. Алиса выскальзывает на лёд, что-то шепчет ему на ухо. Он хмурится, кивает.

Отхожу к дальней скамейке. Надеваю коньки. Затягиваю шнурки туго, чтобы нога не болталась в разношенном ботинке. Выхожу на лёд.

Малый каток — бетонный корпус без окон. Внутри серо, потолок низкий, лампы мерцают. Лёд скользкий, с трещинами, борта пластиковые, потёртые. В углу тренер с усталым лицом.

— Соболева? Первая смена. Разминка, прыжки. Сорок минут.

Сорок минут. Против трёх часов у элиты.

На льду ещё пятеро. У всех форма штопаная, коньки бэушные. Катаемся по кругу, разминаемся. Лёд под ногами непривычный, чувствую каждую трещину.

— Давай, новенькая, покажи класс, — бросает парень в синей куртке, проносясь мимо.

Разгоняюсь для прыжка. В этот момент меня подрезают. Лезвие проходит в сантиметре от ноги, ухожу в сторону, теряю равновесие. Падаю. Колено встречается со льдом, искры из глаз.

Надо мной — элитный парень. Антон, кажется. Усмеха-

ется, уезжает. Стипендиаты замерли. Тренер поднимает голову, молчит.

Колено пульсирует. Встаю, стряхиваю крошку льда. Делаю круг, разгоняюсь. Стипендиаты затихают.

Вхожу в прыжок. Тройной риттбергер. Мать учила меня на замёрзшей реке, когда я падала в снег и вставала, падала и вставала. Тело помнит. Отталкивание, ось, вращение, приземление.

Чисто.

Лезвие режет лёд ровно, без скольжения. Тишина на катке становится плотной, как вода. Тренер оторвал взгляд от планшета. Антон обернулся.

Не смотрю на них. Продолжаю кататься.

После тренировки захожу в коридор, задираю штанину. Колено распухло, синеватый отёк расплзается под кожей.

Из-за угла голоса. Тренер Олег Николаевич и Алиса.

— Она будет проблемой, — голос Алисы капризный, настойчивый. — Вы видели этот прыжок?

— Видел, — сухо. — Любительский уровень.

— Она стипендиатка! Ей здесь не место.

Пауза.

— Разберитесь с ней, — голос тренера спокойный, будничный. — До турнира. Чтобы не лезла.

Шаги удаляются.

Сажу на скамейке, заматываю колено эластичным бинтом. Пальцы дрожат. Война объявлена.

Из медпункта выхожу с перевязанным коленом. Бинт эластичный, тугой, под формой не заметно. Главное — не хромать. Шагаю по коридору малого корпуса. Ступени стёрты, перила шатаются. Лампы дневного света мерцают, выхватывая из темноты облупившуюся краску на стенах.

На лестнице, между вторым и третьим этажом, их голоса слышу раньше, чем вижу.

— Стипендиатка наша.

Алиса стоит на площадке, перекрывая проход. Сзади двое парней — те, что были с ней в холле. Третий поднимается снизу, зажимает меня с другой стороны. Пятеро. Пальцы сжимают пакет с формой. Колено пульсирует.

— Не узнаёшь? — Алиса наклоняет голову, улыбается. Такая открытая, светлая улыбка. Если бы не глаза. — Мы в столовой виделись. Ты там гречку ела, помнишь?

Молчу. Смотрю прямо.

— Стипендиатка, — растягивает слово. — По президентской квоте, да? Из провинции. С папой-шахтёром и мамой-алкашкой.

— Мама не алкашка, — говорю. Голос ровный, хотя внутри всё закипает.

— О, заговорила, — Алиса делает шаг вперёд. — А кто? Нищенка? Ты посмотри на себя. Форма штопаная, коньки из секунд-хенда. Ты вообще понимаешь, где ты?

Понимаю. В Академии, где такие, как я, — мусор.

— Тебя сюда по благу взяли? — продолжает она. — Или мамочка ноги перед кем раздвинула?

Кулаки сжимаются сами. Ногти впиваются в ладони.

— Не лезь не в своё дело, стипендиатка, — голос Алисы становится тихим, вкрадчивым. — Будешь кататься в своей резервной группе, жрать свою гречку и не отсвечивать. Поняла?

Молчу. Смотрю. Она отводит взгляд первой, оборачивается к парням.

— Чего встали?

Один из них, тот, что за спиной, дёргает пакет у меня из рук. Ткань выскальзывает, падает на ступени, растекается серым пятном.

— Ой, — говорит Алиса. — Какая жалость.

Кто-то смеётся. Кровь приливает к лицу, щёки горят. Смотреть в пол. Терпи.

— А ты ничего, — Алиса подходит ближе, почти вплотную. От неё пахнет духами — сладкими, тяжёлыми, приторными. — Злая. Но злость тут не помогает. У нас свои правила. Будешь высовываться — сотрём в порошок. Поняла?

Смотрю на неё. В глаза. Долго. Моргаю первой — специально, медленно, чтобы видела, что это не страх. Она напрягается, но не отступает.

— Поняла, — говорю.

Алиса улыбается, но улыбка не доходит до глаз. Она разворачивается, машет своим, и они начинают спускаться. Па-

рень, который выхватил пакет, пинает форму носком ботинка, сбрасывает на ступень ниже.

— Мусор, — бросает через плечо.

Гул шагов затихает. Остаюсь одна на лестнице.

Собираю форму. Куртка выпачкана в серой пыли, на штанине тёмное пятно — то ли масло, то ли грязь. Страхиваю, складываю. Руки дрожат, но не от страха. От злости.

Поднимаюсь в комнату. Диана сидит на койке, поджав ноги. Лицо бледное, губы сжаты.

— Ты слышала, — говорю. Не вопрос.

Она кивает.

— Боялась выйти.

— Не надо ввязываться, — говорю. — Ты предупредила. Этого достаточно.

— Они не отстанут, — шепчет. — Алиса сказала, что у неё есть план. Пока тебя не выгонят или пока сама не сломаешься.

— Я не сломаюсь.

Диана молчит.

— Я не умею драться, — говорит тихо. — Я вообще ничего не умею. Если я ввязусь, они и меня...

— Не надо ввязываться, — повторяю. — Ты права: надо быть незаметной. Но я не умею.

Сажусь на койку, смотрю в окно на глухую стену.

— Если я сломаюсь сейчас, мать умрёт. Брат останется один, — говорю. — Значит, надо стать незаменимой. Чтобы

они не могли меня выгнать.

Диана молчит долго. Потом тихо:

— Тогда тебе нужны не сорок минут в день. Малый каток ночью никто не запирает. Ключ под ковриком у запасного выхода.

— Откуда знаешь?

— Я много чего знаю, — голос глухой, в стену. — Когда ты мебель, всё слышишь.

Не спится. Ворочаюсь на койке, пружины скрипят при каждом движении. Диана дышит ровно. Колено ноет, под бинтом пульсирует. Сорок минут утренней смены — этого мало. Спускаюсь с койки бесшумно. Диана не просыпается. Натягиваю куртку поверх формы, коньки в пакет, затягиваю шнурки на кроссовках.

В коридоре лампы горят вполнакала. Запасной выход открывается без скрипа, петли смазаны — кто-то пользовался до меня.

На улице ветер, сосны шумят, иголки кажутся чёрными на фоне неба. Иду не к малому корпусу. Иду к главной арене. Стекланный купол светится изнутри — ночное освещение, синие аварийные лампы. Толкаю служебную дверь. Не заперто.

Внутри тишина, только гул холодильных установок под льдом. Прожекторы не горят, только синий свет по периметру, от него лёд кажется глубоким, тёмным, как вода в озере.

Трибуны пустые, кресла тёмно-синие, почти чёрные. Иду к бортику, ставлю сумку.

И вдруг слышу. Удар. Металл об лёд. Глухое падение. Тишина. Снова удар, скольжение, опять падение. И мат — чёткий, злой, сквозь зубы. Замираю. Кто-то есть на льду. Прячусь за трибуной, выглядываю из-за кресел.

Он. Максим Воронцов. На нём тренировочная форма, тёмная, без логотипов, волосы мокрые, прилипли ко лбу. Он один. Разгоняется, входит в прыжок. Четверной тулуп. Падение. Бьёт кулаком по льду, встаёт, трёт колено. Снова разгон. Снова прыжок. Снова падение. Считаю. Шестой раз. Он не доворачивает корпус. Я вижу это с трибуны, замечаю, как ось уходит вправо, как он падает на бок, потому что плечо опаздывает. Техника идеальная, безупречная — и всё равно не идёт. Он падает седьмой раз, остаётся лежать, смотрит в потолок. Дышит тяжело, хрипло. Потом закрывает лицо руками.

Я должна уйти. Это не моё дело. Он из тех, кто травил меня сегодня. Он из «золотых». Если он узнает, что я здесь, что видела его таким...

Выхожу из-за трибуны. Иду к бортику. Надеваю коньки, затягиваю шнурки. Выхожу на лёд. Лезвия режут тишину.

Он поднимает голову. Смотрит. Лица не видно в синем свете, только силуэт — широкие плечи, длинные ноги, сжатые кулаки. Встаёт.

— Ты что здесь делаешь? — голос низкий, хриплый. Не

спрашивает — требует.

— Катаюсь, — выдавливаю. Голос ровный, хотя внутри всё колотится.

— Ночью? — он делает шаг ко мне. Агрессия сквозит в каждом движении. — Тебя кто пустил?

— Дверь была открыта.

— Уходи.

— Твой корпус опаздывает, — роняю.

Он замирает.

— Что?

— Корпус. В тулупе. Ты доворачиваешь плечо слишком поздно, поэтому ось уходит. Плечо должно идти за бедром, а у тебя бедро обгоняет.

Молчит. Сжимает кулаки.

— Ты кто вообще?

— Стипендиатка, — бросаю. — Та, которую сегодня твои друзья на лестнице зажимали.

Он напрягается. Челюсть сжимается.

— Уходи, — повторяет. — Пока я не позвал охрану.

— Позови, — не двигаюсь с места. — Расскажешь, что ты делаешь на катке в три часа ночи, когда завтра у тебя тренировка в восемь.

Он делает шаг вперёд. Быстрый, резкий. Я не отступаю. Стоим друг напротив друга. В синем свете его глаза кажутся чёрными.

— Ты понимаешь, что я могу тебя уничтожить? — голос

тихий, в нём злость. — Слово скажу — и тебя выгонят завтра же.

— Уничтожай, — цежу. — Но сначала сделай прыжок, про который я тебе рассказала.

Молчит. Долго. Потом отворачивается, отъезжает к центру. Встаёт в стартовую позицию. Вижу, как он работает плечами, пробует сместить центр тяжести так, как я сказала. Разгон. Прыжок. Чисто. Приземление ровное, без скольжения. Он выезжает, тормозит, оборачивается. Смотрит на меня.

— Ещё раз, — выдаю.

Он делает ещё раз. Чисто. Третий. Тоже чисто.

Подъезжает к бортику, останавливается напротив меня. Дышит тяжело. Пот с лица капает на лёд.

— Откуда ты знаешь? — спрашивает. — Это техника моего тренера. Он никогда не...

— Это не техника твоего тренера, — обрываю. — Это техника моей матери. Она была фигуристкой. Пока ей не сломали колено.

Он молчит. Смотрит долго, тяжело.

— Чего ты хочешь? — голос уже без злости. Усталый.

— Чтобы меня не трогали, — поясняю. — И дали кататься.

Молчит. Кивает.

— Договорились.

Разворачивается, съезжает со льда. Снимает коньки, ста-

вит в сумку, идёт к выходу. У самой двери останавливается.
— Никому не говори, что видел, — бросаю ему в спину.
Он оборачивается.

— Это ты никому не говори, — голос сухой. — Иначе тебя не спасут даже твои прыжки.

Дверь закрывается. Гул шагов затихает. Остаюсь одна на синем льду. Сажусь на лёд, прислоняюсь спиной к бортику. Руки дрожат. Всё тело дрожит. Только что я разговаривала с Воронцовым. Только что я учила его делать прыжок. Только что я поставила на кон всё.

Стягиваю коньки, бросаю в сумку. Выхожу. Дверь закрываю бесшумно. На улице ветер, сосны шумят. Небо светлеет с краю, скоро рассвет.

Утром в столовой пахнет кофе и выпечкой. Сворачиваю к узкой стойке из нержавеющей стали. Беру поднос. Гречка. Овощи. Компот. Иду к пластиковому столу, сажусь спиной к стеклянной перегородке. Гречка пресная, овощи без соли, компот слишком сладкий. Есть хочется так, что руки дрожат, но я жую медленно, смотрю в тарелку.

За перегородкой голос Алисы — громкий, нарочито беззаботный. Она что-то рассказывает подругам, смеётся. Смех обрывается. Слышу шаги. Тяжёлые, быстрые. Не оборачиваюсь.

Передо мной на стол опускается тарелка. Стейк. Овощи. Свежий хлеб. Рядом стакан сока. Поднимаю глаза.

Максим Воронцов стоит напротив. Лицо спокойное, непроницаемое. За перегородкой тишина. Вся столовая смотрит на нас.

— Что это? — голос хриплый после ночи.

— Ешь, — он садится напротив, кладёт локти на стол.

— Я не просила.

— Я знаю.

Смотрю на тарелку. Мясо горячее, пар поднимается. Желудок сводит, но я не притрагиваюсь.

— Чего ты хочешь? — тихо, чтобы не слышали за перегородкой.

— Ничего, — он берёт стакан с моим компотом, делает глоток. — Нейтралитет. Ты меня не трогаешь, я тебя.

— Твои друзья уже меня тронули.

— Я не отвечаю за них.

— Ты их лидер. Они смотрят на тебя.

Молчит. Обводит взглядом столовую. Кто-то отводит глаза, кто-то смотрит в открытую.

— Договор, — он смотрит на меня. — Я не участвую в травле. Остальное — не моя проблема.

— Этого достаточно.

— Тогда ешь.

Беру вилку. Мясо тает на языке, я не чувствую вкуса — только голод, который не могу показать. Ем медленно, хотя хочется проглотить всё сразу. Он сидит напротив, пьёт мой компот, смотрит в окно. Не на меня. Но и не на них.

Алиса встаёт из-за стола, идёт к выходу. На проходе задевает плечом наш стол, стакан качается, сок расплёскивается.

— Извините, — бросает, не глядя.

Максим не реагирует.

— Она не отстанет, — замечаю.

— Это не моя проблема.

— Ты сказал.

Он встаёт, убирает руки в карманы.

— Вечером на катке. Разберём тулуп.

— Я не твой тренер.

— Ты единственная, кто может мне помочь, — смотрит прямо. — А я единственный, кто может дать тебе спокойно кататься.

Смотрю на него. Под глазами тени, лицо бледное после бессонной ночи.

— Сегодня в полночь, — киваю.

Он уходит. Я остаюсь одна за столом, перед пустой тарелкой. Стипендиаты смотрят на меня с другого конца зала. Диана — из-за своей книги. Не знаю, что они видят. Свою? Предательницу? Или ту, которая нашла способ выжить.

Кабинет отца Максима погружён в полумрак. Шторы опущены, на столе горит настольная лампа с зелёным абажуром. Андрей Вячеславович Воронцов сидит в кожаном кресле, пальцы сложены домиком. Напротив — тренер Олег Николаевич, в старомодном свитере, с блокнотом на коленях.

— Вы сказали, он стал показывать результаты, — голос Воронцова спокойный, бесстрастный.

— Так точно. Техника тулупа улучшилась за ночь. Я не понимаю...

— Мне плевать, что вы понимаете, — Воронцов снимает очки, протирает стёкла. — До Олимпиады два года. Никаких отвлекающих факторов. Никаких связей, тем более с мусором.

— Но результаты...

— Результаты будут, — надевает очки, смотрит поверх оправы. — Разберитесь с этой девочкой. Я не хочу, чтобы мой сын видел в ней что-то, кроме конкурента. Если надо — сделайте так, чтобы она ушла сама.

Тренер молчит. Кивает. Выходит.

Возвращаюсь в комнату. Диана на своей койке, книгу не открыла — ждёт.

— Вся академия говорит, — голос тихий, в нём суеверный страх. — Воронцов сел с тобой. При всех.

— Сел и ушёл.

— Он защищал тебя.

— Он заключил сделку.

Диана молчит.

— Ты доверяешь ему? — осторожно.

— Нет, — снимаю куртку, вешаю на спинку стула. — Но он нужен мне.

— Алиса в бешенстве. Ходит по коридорам, говорит, что ты его охмурила, что ты...

— Что я — мусор, который лезет не в своё дело, — заканчиваю за неё. — Я знаю.

Диана сжимает пальцы, комкает край одеяла.

— Она тебя уничтожит. Не одна, у неё связи, отец спонсор, она может...

— Я не боюсь Алису, — ложусь на койку, смотрю в потолок. — Я боюсь проиграть.

Диана не отвечает.

Вечером выхожу на пробежку. Сосны шумят, воздух холодный, колено ноет, но я бегу. За главным корпусом, на скамейке, Саша. В худи сборной, капюшон натянут, руки в карманах.

— Слышал новости, — он идёт рядом. — Воронцов за тебя заступился.

— Он заключил сделку.

— Он из стаи Воронцовых, — голос Саши жёсткий. — Они всех нас сожрут. Тебя — первой.

— Я знаю.

— И ты всё равно идёшь на это?

Останавливаюсь.

— Если я не найду союзника, меня сожрут завтра, — говорю. — С ним у меня есть шанс.

— Или он тебя продаст, когда станет невыгодно.

— Возможно.

Саша смотрит долго. Вздыхает.

— Ты всегда была упрямой, — пинает камень носком кроссовки. — Если что — я рядом.

— Знаю.

— Иди уже, беги. Завтра тренировка.

Разворачивается, уходит к хоккейному корпусу.

Бегу дальше. Колено ноет, лёгкие горят. Сегодня в полночь я выйду на лёд. К Воронцову. К тому, кто сегодня пил мой компот и смотрел в окно, потому что не мог смотреть на меня.

Обещала Саше быть осторожной. Уже нарушила в ту секунду, когда вышла из-за трибуны. Когда сказала: «Твой корпус опаздывает». Когда не отвела взгляд.

ГЛАВА 2. ПЕРЕМИРИЕ.

Утром иду на разминку по коридорам малого корпуса. Лампы всё так же мерцают, пол бетонный, холодный. Вчерашняя встреча на лестнице оставила след — внутри всё ещё горит, но я не показываю. Вчерашняя ночь на главном катке — другое. Там, в синем свете, я перешла черту. Он не ударил. Не позвал охрану. Послушал.

В раздевалке элитной группы пусто. Моё место у батареи — здесь сухо, но тепло не пробивает штопаную ткань. Открываю шкафчик.

Форма разбросана по полу. Куртка в луже, штаны спутаны, лежат у ножек. Коньки — те самые, бэушные, с разношенной колодкой — перевёрнуты. На левом лезвии кто-то нацарапал что-то острым. Подношу к свету. Одно слово: «мусор».

Пальцы сжимаются. Вдох. Выдох.

Собираю вещи. Куртку встряхиваю — вода не въелась, успею высушить. Штаны складываю. Коньки беру в руки, рассматриваю царапину. Лезвия целы, точилка не задела. Надпись останется. Я её не закрасшу.

Диана сидит на скамейке у входа, сжимает лямку рюкзака. Лицо бледное, губы в нитку.

— Ты видела, — говорю. Не спрашиваю.

Кивает.

— Они пришли утром. Я слышала шаги, но... — голос срывается.

— Не надо было ввязываться, — заканчиваю за неё.

Она смотрит с благодарностью и стыдом. Я не осуждаю. Сама бы испугалась.

— Последи за шкафчиком, — прошу. — Если увидят, что я знаю, сделают хуже.

Диана кивает, быстро, испуганно.

На малом катке уже собрались стипендиаты. Пятеро. Смотрят на меня, на коньки в руке, на пятно на куртке. Я не прячу. Затягиваю шнурки, выхожу на лёд. Лёд скользкий, с трещинами, но ноги помнят. Делаю круг, второй. Тело разогревается, колено пульсирует, но терпимо.

Тренер — женщина с усталым лицом — поднимает голову от планшета.

— Соболева, — зовёт. — К Олегу Николаевичу после тренировки.

Внутри всё обрывается.

После занятий иду в главный корпус. Кабинет тренера элитной группы на втором этаже, дверь из матового стекла, табличка с фамилией. Стучу. Голос изнутри: «Войдите».

Олег Николаевич сидит за столом, в старомодном свитере с косами, пальцы сцеплены. Перед ним — планшет, на экране стоп-кадр. Мой вчерашний прыжок на малом катке.

— Соболева, — он смотрит поверх очков. — Откуда техника?

— Мать учила. Она фигуристка.

— Любительский уровень, — бросает, но в голосе нет прежней уверенности.

Молчу.

— Покажете на следующей тренировке. В полную силу. Я посмотрю.

— Да.

Выхожу. В коридоре сталкиваюсь с Максимом. Он идёт к кабинету тренера, на ходу застёгивает куртку. Замечает меня, замедляется.

— Ты чего здесь?

— Тренер вызвал, — бросаю, прохожу мимо.

Он хватает за локоть. Рывком, жёстко. Я замираю.

— Ты не расскажешь про ночь, — голос тихий, в нём угроза.

— А ты не расскажешь, что я учу тебя прыгать, — смотрю на его пальцы. — Отпусти.

Разжимает. Отступает на шаг.

— Вечером, — говорит.

— Знаю.

Ухожу, чувствую его взгляд на затылке. В груди колотится, но я не оборачиваюсь.

Вечером, перед ужином, нахожу Диану в библиотеке. Она сидит в дальнем углу, разбирает конспекты. Рядом стопка книг по психологии.

— Хочешь быть психологом? — сажусь напротив.

— Мечта, — она поправляет очки. — Но у стипендиатов не бывает таких мечт.

— Бывают.

Она смотрит, не понимает.

— Ты предупредила меня о плане Алисы. Ты дала ключ от катка. Ты не мебель, Диана.

Краснеет, прячет глаза.

— Я сегодня в корпусе «золотых» книгу забыла, — голос тихий, почти шёпот. — Поднялась, а у Алисы дверь приоткрыта. Она по телефону говорила. Я остановилась, не специально... — пальцы сжимают край стола. — Она сказала: «Мы должны избавиться от этой девчонки, пока она не разрушила всё». И назвала его «Андрей Вячеславович». Не по имени-отчеству. Как будто они знакомы давно.

Холод пробегает по спине.

— Спасибо, — встаю. — Ты молодец.

Диана улыбается — впервые робко, неуверенно.

На ужин иду в столовую. Беру поднос, гречку, овощи, сажусь на своё место — спиной к золотой зоне. Жую, смотрю в тарелку. За перегородкой смеются. Я не оборачиваюсь.

Максим входит, когда я почти закончила. Он идёт не к своему столу. Подходит ко мне, садится напротив. Молчит. Кладет локти на стол, смотрит в сторону. Не приносит тарелку, не ставит передо мной еду — просто садится, как будто это теперь норма.

Золотая зона затихает.

— Зачем ты здесь? — тихо спрашиваю.

— Хочу, чтобы они видели, — голос ровный, спокойный.

Поднимаю глаза. В его взгляде — не дружба, не симпатия. Расчёт. Чистый, холодный. Он не защищает меня. Он страхует свой актив.

— Договорились, — киваю.

Он уходит. Золотая зона оживает, голоса становятся громче. Я доедаю гречку, уношу поднос. Выхожу в коридор.

Саша ждёт у стены, сложив руки на груди.

— Видел, — он хмурится. — Воронцов снова с тобой.

— Он нужен мне.

— Ты нужна ему. Это разные вещи.

— Я знаю.

Саша вздыхает, трёт переносицу.

— Будь осторожна. Он не из наших. Если что — бросит, не оглянется.

— Я тоже не из ваших, — тихо. — Я вообще ниоткуда.

Он смотрит долго, потом кивает.

— Завтра у тебя первый выход на главном катке. Я приду.

— Ты хоккеист, тебя не пустят.

— Пустят, если я скажу, что ты моя девушка.

Смотрю на него. Он улыбается — криво, по-свойски.

— Шучу. Скажу, что пришёл форму потерянную искать. Удачи, Лера.

Уходит, не дожидаясь ответа.

Возвращаюсь в комнату. Диана уже легла, свернулась ка-

лачиком. Ложусь на свою койку. Пружины скрипят.

— Завтра я буду болеть за тебя, — тихо говорит она в темноту.

— Ты же не ходишь на трибуны.

— Завтра пойду.

Закрываю глаза. Завтра я выйду на главный лёд. При тренере. При Алисе. При нём. Завтра всё начнётся.

Ночью пробираюсь на главную арену. Дверь не заперта — он оставил для меня. Внутри темно, только синий аварийный свет по периметру. Гул холодильных установок подо льдом давит на уши, тишина здесь плотная, тяжёлая. На льду его силуэт. Он уже здесь. Не спрашивает, почему пришла. Просто кивает.

Выхожу на лёд. Коньки режут тишину, лезвия оставляют следы на серой поверхности. Он стоит в центре, ждёт. Подъезжаю. Пот с его лица высох, но под глазами тени — не спал. Как и я.

— Показывай, — голос глухой, без злости.

Начинаю. Объясняю механику тулупа. Говорю без тренерского пафоса, как учила мать: «Плечо идёт за бедром, не обгоняй. Чувствуй ось, она у тебя в груди, не в ногах». Он слушает. Молчит. Потом пробует.

Срывается. Падение — глухое, тяжёлое, лёд вздрагивает. Бьёт кулаком по льду. Встаёт. Снова разгон. Снова прыжок. Падение. Мат сквозь зубы — злой, хриплый. Считаю про се-

бя. Пятый. Шестой.

— Не так, — подъезжаю ближе. — Ты думаешь о прыжке. Не надо думать. Тело должно помнить.

— Моё тело ничего не помнит, — цедит сквозь зубы. — Оно делает то, что я ему говорю.

— Вот поэтому и падаешь.

Смотрит зло. Глаза в темноте кажутся чёрными, тяжёлыми. Я не отвожу взгляд. Он отворачивается первым. Разговаривается. Прыжок. Чисто. Лезвие режет лёд ровно, без скольжения. Останавливается, дышит тяжело. Пар изо рта вырывается густо, в синем свете кажется дымом.

— Почему ты мне помогаешь? — поворачивается ко мне. Голос уже не злой, усталый.

— Потому что ты нужен мне на льду, — говорю. — Сильный партнёр. С тобой меня не выгонят.

— А если выгонят?

— Значит, я ошиблась.

Он усмехается — впервые не надменно, а устало. Смотрит на свои руки, на разбитые костяшки.

— Ты вообще боишься чего-нибудь?

— Потерять семью, — отвечаю. Слова выходят сухими, но внутри всё сжимается, когда говорю это вслух.

Молчит. Отворачивается, смотрит в потолок, на синие лампы.

— Моя мать умерла, когда мне было семь, — голос глухой, ровный, будто не про себя говорит. — Отец сказал, что

я должен быть сильным. С тех пор я не знаю, что значит бояться.

Смотрю на его спину. Широкие плечи, напряжённая линия позвоночника. Руки сжаты в кулаки. Он врёт. Я знаю.

— Ты врёшь, — тихо. — Ты боишься отца. Боишься ошибиться. Боишься быть слабым. Поэтому ты здесь ночью. Один.

Молчит долго. Так долго, что я слышу, как колотится моё сердце. Потом разворачивается. Взгляд тяжёлый, но не злой.

— Показывай ещё раз.

Катаемся до рассвета. Он не просит остановиться, я не предлагаю. Только лёд, прыжки, тишина. Я считаю его удачные заходы, он считает мои. Между нами возникает ритм — я объясняю, он пробует, падает, встаёт, пробует снова. Потом, когда сил уже нет, просто катаемся по кругу, молча. Лёд скользит под лезвиями, вентиляция гудит где-то внизу, за бортиками. В синем свете его лицо кажется другим — не тем, каким он ходит по академии днём. Без маски.

Когда небо за окнами начинает светлеть, съезжаем к бортику. Снимаю коньки, пальцы дрожат от усталости.

— Завтра, — говорит. Не спрашивает — утверждает.

— Завтра, — киваю.

Выхожу из арены. На улице ветер, сосны шумят. Иду к малому корпусу, ноги гудят, колено ноет, но внутри — странная лёгкость. В комнате Диана спит. Ложусь на койку, смотрю в потолок. Руки помнят, как поправляла его стойку, при-

косновение к плечу, напряжение мышц под пальцами. Запах хвои и пота, тяжёлое дыхание, взгляд — злой, потом усталый, потом... не знаю, как назвать.

Закрываю глаза. Не смотрю на это. Не имею права.

Засыпаю под гул вентиляции.

Так проходят несколько дней. Ночью — главная арена, синий свет, прыжки, тишина. Днём — малый каток, сорок минут, косые взгляды стипендиатов, пустой шкафчик с царапиной на лезвии. Между этими мирами я существую в каком-то странном трансе. Он не заговаривает первым, я тоже молчу. Но между нами возникает что-то, чего я не могу назвать. Не доверие. Не дружба. Понимание? На льду мы синхронны, я чувствую его дыхание за спиной, он чувствует мой разгон. Мы не обсуждаем это. Никто не должен знать.

Через несколько дней академия гудит — внутренний турнир через неделю. Все обсуждают, кто выступит, кто фаворит, кто провалится. Я не слушаю. У меня есть ночь. Этого достаточно.

Списки участников вывешивают в холле главного корпуса в среду, после вечерней тренировки. Иду туда с сумкой через плечо, коньки звякают при каждом шаге. В холле уже толпятся — человек двадцать, все тянут шеи, тычут пальцами. Пробираюсь ближе, чувствую локти, спины, чужое дыхание. Кто-то оборачивается, смотрит, отходит. Стипендиатка. Мусор. Диана жмётся сзади, её почти не видно за моей спиной.

Лист бумаги приколот к стенду, угол загнут, кто-то уже читал. Водя пальцем по строчкам. Первая группа, вторая, третья. Моей фамилии нет. Вместо меня — Алиса Теплова. Смотрю на буквы, они расплываются, собираются снова. Алиса Теплова. Теплова. Не Соболева.

— Они не имеют права, — голос Дианы сзади тихий, дрожит. — Ты выиграла отбор.

— Имеют, — разворачиваюсь. В груди жжёт, но я держу лицо. — Они всё имеют.

Выхожу из толпы. Шаги громкие, пол под ногами скользкий, полированный. Диана догоняет, хватает за рукав.

— Ты куда?

— К тренеру.

— Может, не надо? Они...

— Не надо молчать, — обрываю.

Кабинет Олега Николаевича на втором этаже главного корпуса. Дверь из матового стекла, табличка с фамилией. Стучу. Не жду ответа — вхожу.

Он сидит за столом, в старомодном свитере с косами, пьёт кофе из синей кружки. На столе планшет, стопка бумаг, ручка — он грызёт колпачки, это видно по следам зубов. Поднимает глаза, когда дверь хлопает. Не удивлён.

— Почему меня нет в списках? — голос ровный, хотя внутри всё кипит. Пальцы сжимают лямку сумки.

— Вы не готовы, — отставляет кружку. — Техника хромает, программа не поставлена.

— Я выступала на региональных соревнованиях. Занимала призовые места.

— Это не регион, — смотрит поверх очков. Стекло блестит, глаз не видно, только блики. — Это Академия.

— Дайте показательный прокат. Я докажу.

Молчит. Долго. Кружка стынет, пар перестаёт идти. Я не дышу.

— Завтра. В шесть утра. На малом катке.

— Придёте?

— Приду, — берёт ручку, что-то помечает в блокноте. — Выходите.

В коридоре делаю вдох. Воздух сухой, пахнет бумагой и лаком для пола. Стены белые, ровные, под потолком лампы горят ровно — не мерцают, как в малом корпусе. Здесь всё по-другому. Здесь мир «золотых».

Навстречу идёт Максим. Волосы мокрые после душа, на плече сумка, форма расстёгнута. Замечает меня, замедляется.

— Ты чего здесь?

— Меня сняли с турнира.

Он хмурится. Брови сходятся к переносице, челюсть сжимается — желваки играют.

— Алиса?

— Она в списке вместо меня.

Молчит. Смотрит в сторону, на дверь кабинета, потом на меня.

— Я поговорю с отцом.

— Не надо, — голос срывается громче, чем хотела. — Я сама.

— Если я надавлю, тебя поставят.

— Если ты надавишь, они скажут, что я прошла по блату. Я не хочу так.

Смотрит долго. В свете коридора его глаза кажутся чёрными. Отводит взгляд первым.

— Шесть утра. Я приду.

— Зачем?

— Посмотреть, — разворачивается, идёт к кабинету. Дверь открывается, закрывается. Стекло матовое, силуэт садится на стул напротив тренера.

Возвращаюсь в комнату. Диана сидит на койке, поджав ноги, руки обхватили колени. Лицо бледное, губы в нитку.

— Ты справишься, — голос тихий, почти шёпот.

— Знаю.

Ложусь. Пружины впиваются в спину. В окно пробивается серый свет — фонари со стоянки. Вентиляция гудит монотонно, тяжело. Закрываю глаза. Завтра я выйду на лёд. И никто не сможет закрыть мне рот.

Будильник срывает с койки в пять. Диана не просыпается. Натягиваю форму, затягиваю шнурки на кроссовках, коньки в сумку. В коридорах никого, лампы горят вполнакала. Запасной выход открывается без скрипа — я уже знаю, как на-

давить, чтобы петли не выли.

На улице темно, звёзды ещё не погасли. Сосны стоят чёрными стенами, ветер несёт холод с реки. Иду к малому корпусу, дыхание вырывается густым паром. В груди колотится, но не от холода.

Малый каток встречает запахом машинного масла и сырого льда. Аварийные лампы не горят — только те, над трибуной, тусклые, жёлтые. Лёд серый, в трещинах, но я его чувствую — сегодня он будет слушаться. В углу на скамейке плеер, я поставила его вчера вечером, чтобы не забыть. Батареи хватит на час.

На трибуне тренер. Сидит на нижней ступеньке, блокнот на коленях, пальцы сцеплены. Не смотрит на меня. В дальнем углу, у входа, он. Максим. Стоит, скрестив руки на груди, капюшон натянут, лица не видно.

Выхожу на лёд. Лезвия режут тишину, звук разносится по пустому катку, бьётся о бетонные стены. Встаю в центр. Включаю плеер. Сначала шипение — кассетный шум, который я помню с детства. Мать переписала эту запись с пластинки на кассету, когда мне было семь. Я переписала с кассеты на флешку в двенадцать, сидя на кухне, пока она спала в соседней комнате. Качество плохое, звук царапает, но я знаю каждую ноту, каждый треск, каждый провал плёнки.

Музыка начинается. Рахманинов. Второй концерт. Мать говорила: «Здесь нельзя ошибиться, дочка. Музыка не прощает». Я не ошибусь.

Начинаю. Первый прыжок — тройной флип. Отталкивание, ось, вращение. Приземление. Чисто. Лезвие режет лёд ровно, без скольжения. Дыхание вырывается, сердце стучит где-то в горле. Не останавливаюсь. Каскад — тройной тулуп, двойной тулуп. Чисто. Дорожка шагов — ноги сами помнят, мать заставляла повторять до кровавых мозолей, на реке, когда пальцы немели от холода, а она стояла на берегу и кричала: «Ещё раз!»

Вкладываю в каждое движение всё. Злость на тренера, на Алису, на отца Максима. Боль — мать на перроне, брат в куртке на три размера больше. Голод — не тот, от еды, а тот, от желания доказать. Страх — что не справлюсь, что меня выгонят, что мать умрёт, пока я здесь танцую. И музыка держит. Рахманинов всегда держал. Мать говорила: «Он писал это, когда не мог поднять руку. Потом научился играть снова. Понимаешь, дочка?»

Понимаю.

Лёд принимает. Я чувствую, как он держит, как скользит под лезвиями, как трещины проходят под коньками, но не мешают. Я его знаю. Он мой.

Финал — каскад из трёх прыжков. Вхожу в первый. Отталкивание, ось, вращение. Приземление. Чисто. Второй. Чисто. Третий. В воздухе чувствую, как ось уходит — слишком сильно оттолкнулась, не соберу. Но тело помнит. Мать учила меня падать так, чтобы вставать. Группируюсь, приземляюсь на ребро, лезвие ловит лёд, я выезжаю.

Чисто.

Замираю. Дышу тяжело, пот заливает глаза, форма прилипла к спине. Плеер шипит, потом замолкает. Тишина — такая плотная, что звенит в ушах. Только сердце колотится где-то в горле и лёд дышит под ногами.

Тренер спускается к бортику. Идёт медленно, ступенька за ступенькой. Останавливается напротив меня. Молчит. Долго. Я не дышу.

— Программа слабая в хореографии, — голос сухой, ровный. — Но прыжки... неплохо. Я подумаю о вашем участии.

Разворачивается, уходит. Шаги глухнут, потом хлопает дверь. Я остаюсь одна.

— Ты... это было сильно.

Голос Максима. Он стоит у бортика, капюшон сброшен, лицо бледное, глаза тёмные, тяжёлые. Смотрит не насмешливо — серьёзно.

— Тебе нужен партнёр, — говорит. — Для показательных. Я свободен.

— Зачем тебе стипендиатка?

— Ты сильная, — пауза. — И мне нужен кто-то, кто не боится мне сказать, что я делаю не так.

— Твой тренер тебе говорит.

— Мой тренер говорит то, что я хочу слышать.

Смотрю на него. В жёлтом свете аварийных ламп его лицо кажется вырезанным из камня. Но глаза — живые.

— Парное катание. Ты серьёзно?

— Серьёзно.

— Твой отец не позволит.

— Мой отец не будет знать.

Молчу. В голове щёлкает. С ним я сильнее. С ним меня не выгонят. С ним у меня есть шанс.

— Договорились, — киваю.

— Завтра в семь. На главном катке.

Он уходит. Я остаюсь на льду. Плеер молчит. Снимаю коньки, пальцы дрожат. Иду к выходу, светлеет, небо на востоке розовеет. В комнате Диана уже не спит — сидит на койке, смотрит на дверь.

— Поставят?

— Не знаю.

— А Максим? Он зачем приходил?

— Партнёрство. Показательные.

Диана смотрит долго, потом отворачивается к стене.

— Будь осторожна, — тихо.

Ложусь. Закрываю глаза. Перед ними — его взгляд, тяжёлый, тёмный, незнакомый.

На следующий день моё имя появляется в списках участников. Алиса проходит мимо в столовой, лицо белое, губы сжаты. Не смотрит на меня. Я смотрю на неё. Она отворачивается первой.

Мы начинаем готовить парный номер. Главный каток в семь утра — время, когда никого нет. Охранник на вхо-

де поднимает бровь, но Максим кивает, и нас пропускают. Внутри светло, солнце бьёт в стеклянный купол, лёд сверкает, белый, чистый. Не такой, как на малом катке. Не мой.

Он ждёт у бортика, в тренировочной форме, без логотипов. Волосы ещё мокрые после душа. Выхожу на лёд. Коньки новые — он принёс их сегодня утром, поставил у шкафчика. Свои, бэушные, я оставила в комнате. В новых нога чувствует себя чужой, но лезвия острые, держат хорошо.

— Показывай, что умеешь, — бросает.

— Сам покажи.

Усмехается. Отъезжает, разгоняется. Поддержка — простая, базовая, я ловлю ритм, подхожу. Его руки поднимают меня. В воздухе чувствую: он сильный, держит уверенно, пальцы впиваются в талию, но не больно. Я боюсь. Тело напряжено, мышцы зажаты, я не доверяю.

— Расслабься, — командует.

— Не могу.

— Упадёшь — поймаю.

— Слова.

— Дело.

Опускает. Смотрю на него. В глазах нет насмешки — только холодное, тяжёлое терпение.

— Ещё раз.

Повторяем. Снова. Ещё раз. Я падаю на пятом — соскальзываю, лечу вниз, успеваю сгруппироваться, но он ловит, подхватывает до того, как колено встречается со льдом. Дер-

жит. Секунда. Две. Дыхание рядом, руки на талии.

— Я же сказал — поймаю.

— Повезло.

— Нет. — Опускает на лёд. — Я умею держать.

На десятый раз я закрываю глаза. Взмах, рывок — и я лежу. Его руки держат, я чувствую каждое движение, каждый сантиметр, где наши тела соприкасаются. Расслабляюсь. Он чувствует, опускает медленно, плавно.

— Так лучше, — голос тихий.

Отъезжаю, дышу тяжело. Сердце колотится где-то в горле.

— Ты когда-нибудь падал в поддержке?

— Нет, — усмехается. — Но если начну, предупрежу.

Катаемся до восьми. Потом он уходит на свою тренировку, я — на малый каток. Вечером снова встречаемся. Работаем над программой. Он не задаёт лишних вопросов, я не рассказываю. Между нами — только лёд, музыка, движения.

Через несколько дней он замечает, что я хромаю. Колено опухло, бинт намотан слишком туго, но я не показываю.

— Что с ногой?

— Ничего.

— Врёшь.

— Не твоё дело.

Он молчит. Вечером у шкафчика меня ждёт новый эластичный бинт и мазь. Ни записки, ни объяснений. Я смотрю на них долго, потом прячу в сумку.

Через неделю после того, как меня поставили в список, ко

мне подходит женщина в строгом костюме. Секретарь отца Максима.

— Вас ждут в офисе. Голос ровный, без эмоций.

Внутри всё обрывается. Иду. Кабинет на третьем этаже главного корпуса. Дверь открыта. Вхожу.

Андрей Вячеславович Воронцов сидит за столом. Перед ним бумаги. Не поднимает головы.

— Соболева, — голос холодный. — Стипендиатка.

Молчу. Подошвы прилипают к полу. Сердце колотится, но я держу лицо.

— Мой сын тратит на вас время. Это меня не устраивает.

— Он просил меня помочь.

— Он просит много глупостей. — Поднимает глаза. Смотрит поверх очков. — Я предлагаю вам контракт. Полное покрытие лечения матери. Стипендия для брата. Квартира в столице.

В груди холодеет. Пальцы сжимаются.

— Что я должна сделать?

— Исчезнуть. Из жизни Максима. Не участвовать в парном катании. Не общаться. Не появляться на глаза.

Молчу. Думаю о матери. О том, как она лежит в больнице, трубки, капельницы, запах лекарств. О брате — он донашивает чужие вещи, ботинки жмут, но он не жалуется.

— Я не продаюсь, — голос ровный.

— Все продаются. Просто не все знают свою цену. — Он откидывается в кресле. — У вас есть время подумать. Но

помните: ваша мать может не дожидаться.

Выхожу. Ноги не слушаются, пол плывёт под ногами. Сажусь на скамейку в коридоре, сжимаю телефон. Звонок. Мать.

— Как дела, дочка?

— Всё хорошо, — голос не дрожит. — Я завтра выступаю.

— Я буду смотреть. Я горжусь тобой.

Сбрасываю. Сажу, смотрю в пол, на серый ковролин, на свои кроссовки.

— Он звал тебя?

Голос Максима. Он стоит напротив, лицо бледное, кулаки сжаты.

— Что предлагал?

— Деньги. За то, чтобы я исчезла.

Он бледнеет. Сжимает челюсть так, что желваки играют.

— Я не позволю ему тебя купить.

— Он не купит.

Максим уходит. Слышу, как хлопает дверь в кабинете отца. Остаюсь одна.

Возвращаюсь в комнату. Диана уже спит. Ложусь на койку, смотрю в потолок. Завтра я выйду на лёд. На турнир. При нём. При его отце. При всех, кто хочет меня выгнать.

Не отдам им этот лёд. Не отдам ему себя.

ГЛАВА 3. ПЕРВЫЙ ТУРНИР.

Просыпаюсь за час до будильника. Сердце колотится где-то в горле, в висках стучит, пальцы мёртвой хваткой вцепляются в одеяло. Комната серая, свет с улицы едва пробивается сквозь мутное стекло окна — там ещё темно, фонари горят ровным жёлтым. Диана спит на соседней койке, свернувшись калачиком, её дыхание ровное, тихое. Я не двигаюсь, боюсь разбудить. Боюсь пошевелиться — вдруг это сон, вдруг сегодня не турнир, вдруг я снова на малом катке с сорока минутами, а всё остальное — просто ночная игра воображения.

Сажусь на койке. Пружины скрипят, Диана вздрагивает, но не просыпается. Смотрю на коньки — они стоят у изголовья, лезвия блестят в сером свете. На левом, там, где царапина, свет падает иначе — царапина осталась, я не стала её закрашивать. Надпись «мусор» теперь часть меня. Напоминание.

Натягиваю форму. Штаны, куртка, волосы в пучок. Пальцы дрожат, когда завязываю шнурки на кроссовках. Коньки в сумку, сумку на плечо. Диана открывает глаза, смотрит мутно, спросонья.

— Удачи, — шепчет.

Киваю. Не спорю. Выхожу в коридор. Лампы горят вполнакала, пол бетонный, холод просачивается сквозь подошву.

Иду к столовой. Надо есть, но в горле ком, желудок скру-

тило, каждый глоток даётся с трудом. Беру поднос, гречку, компот. Сажусь за пластиковый стол, спиной к золотой зоне. Там уже голоса — Алиса, её подруги, смех. Я не оборачиваюсь. Жую. Гречка скользит по горлу, не чувствую вкуса.

Максим садится напротив, как теперь всегда. Молчит. Потом говорит:

— Готова?

— Да.

— Отец будет в зале.

Киваю. Сжимаю пальцы в кулак, разжимаю.

— Мне плевать.

— Правильно, — он встаёт. — Выходим через десять минут. У раздевалки.

Уходит. Я остаюсь одна. Достāju телефон, смотрю на экран. Мать не звонила — она спит, ей нужен отдых. Пишу сообщение: «Я сегодня выступаю. Смотри трансляцию». Отправляю. Ответ приходит через секунду: «Я всегда смотрю. Я горжусь тобой». Сжимаю телефон, убираю в карман.

В раздевалке стипендиатов пусто. Все уже на своих местах, у тренеров, на разминке. А мне разрешили переодеться здесь — не в золотой раздевалке, не в той, где Алиса, а здесь, где пахнет сыростью, где пол бетонный, холодный, где мой шкафчик с царапиной на лезвии. Снимаю чехлы с коньков. Лезвия блестят. Точила вчера, три часа, пока пальцы не онемели. Затягиваю шнурки. Туго, до хруста. Нога привычно уходит в ботинок, колено ноет, под бинтом пульсирует.

Закрываю глаза. В ушах голос матери: «Терпи, дочка». Открываю. Выхожу.

В коридоре уже ждёт Максим. Рядом с ним — его тренер, Олег Николаевич. Тот самый, который сказал «разберитесь с ней». Смотрит на меня, на коньки, на штопаную форму. Молчит.

— Идём, — говорит Максим.

Идём по стеклянному переходу. За стёклами сосны, ветер качает ветки, небо серое, низкое. В груди колотится, но я не показываю. Рядом слышу его дыхание — ровное, спокойное. Как у робота. Или у человека, который привык не показывать страх.

Главная арена встречает гулом. Трибуны заполнены — люди, флаги, голоса. Свет заливают лёд, ровный, яркий, без теней. Купол уходит вверх, стеклянный, в нём отражаются фигуры. Я чувствую себя муравьём в огромном мире.

На разминке Алиса пролетает мимо, не смотрит. Её партнёр что-то шепчет, она кивает. Я смотрю на них, потом на лёд. Лёд здесь другой — ровный, гладкий, сверкающий. Не серый, как на малом катке. Не мой.

— Не смотри на них, — голос Максима рядом. — Смотри на лёд.

Киваю. Выхожу на разминку. Прыжки получаются чисто, но я чувствую, как лёд скользит иначе, как лезвия режут по-другому. Колено ноет, но я не сбавляю.

Алиса нарочно подрезает меня на повороте. Лезвие про-

ходит в сантиметре от ноги, я ухожу в сторону, не падаю. Она усмехается, отъезжает. Максим смотрит на неё, потом на меня.

— Не обращай внимания.

— Я и не обращаю.

Разминка заканчивается. Объявляют первую группу. Мы во второй. Ухожу за борт, Диана подаёт воду.

— Ты справишься, — голос тихий, но твёрдый.

— Знаю.

Смотрю в зал. В первом ряду, в ложе почётных гостей, сидит отец Максима. Рядом с ним — мужчина в тёмном костюме, который что-то записывает в блокнот. Алиса стоит чуть в стороне, улыбается, поправляет платиновый локон. Я смотрю на них, потом на лёд. Делаю глубокий вдох. Выдох.

Сейчас я выйду. И никто не сможет меня остановить.

Выхожу на лёд. Свет заливает арену, трибуны полны — люди, флаги, камеры. Лёд под коньками скользкий, чужой, не такой, как на малом катке, но я не думаю об этом. Становлюсь в стартовую позицию. Руки подняты, голова чуть назад. Замираю. Тишина давит на уши, я слышу, как колотится сердце, как кровь шумит в висках.

Музыка начинается. Первый аккорд врезается в тишину, и я начинаю движение. Решаю рискнуть — беру прыжки в полную силу, не сбавляя. Первый — тройной флип. Отталкивание, ось, вращение. Приземление. Лезвие режет лёд, но я чувствую — лёд «плывёт», под лезвием какая-то мягкость,

вязкость. Не тот лёд, на котором тренировалась. Чувствую, как уходит скорость. Но я удерживаюсь. Чисто.

Второй прыжок — каскад. Тройной тулуп, двойной тулуп. Вхожу в первый. Отталкивание, ось, вращение. Приземление — касаюсь льда рукой, левая ладонь скользит по поверхности, я теряю равновесие на секунду, но удерживаюсь, не падаю. Добираю второй прыжок. Чисто.

За кулисами, там, где выход на лёд, кто-то смеётся. Голос Алисы — я его узнаю, хотя музыка орёт, хотя лёд шумит под лезвиями. Она что-то говорит подругам, но слов не разобрать. Смех пробивается сквозь музыку, сквозь гул трибун. Не смотрю туда. Смотрю вперёд.

Вкладываю в программу всё. Злость — на неё, на тренера, на отца Максима. Боль — мать на перроне, брат в куртке на три размера больше. Любовь — к матери, к льду, к той девочке, которая каталась на замёрзшей реке и не знала, что такое страх. Лёд под коньками уходит, скользит, не слушается, но я держу.

Финальная дорожка шагов. Иду на пределе, дыхание сбивается, ноги гудят, колено пульсирует, но я не сбавляю. Каждое движение — как удар. Каждый шаг — как крик.

Заканчиваю. Финальная поза — руки вверх, голова поднята. Музыка стихает. Тишина — такая плотная, что звенит в ушах. Потом зал взрывается аплодисментами. Не бурными, но искренними. Я слышу их, но не верю.

Смотрю на табло. Цифры складываются. Третье место.

Третье промежуточное место. Из шести. Сдерживаю слёзы — горло сдавливают, глаза щиплет, но я не плачу. Не здесь. Не сейчас.

Выхожу со льда. Ноги ватные, колено не слушается, но я иду ровно. Тренер Олег Николаевич стоит у бортика, в старомодном свитере, руки скрещены. Смотрит вверх очков.

— Неплохо, — голос сухой, ровный. — Завтра покажешь, на что способна.

Не отвечаю. Прохожу мимо.

Максим ждёт в коридоре, у входа в раздевалку. Лицо бледное, губы сжаты.

— Отец в зале, — говорит.

Киваю. Внутри всё обрывается, но я держу лицо.

— Я знаю.

— Он будет следить за тобой. За произвольной.

— Знаю.

— Но я всё равно буду с тобой кататься, — голос тихий, твёрдый. — Плевать.

Смотрю на него. В его глазах — что-то, чего я не могу назвать. Не жалость. Не дружба. Что-то другое. Отвожу взгляд первой.

— Завтра, — говорю.

— Завтра, — кивает.

Ухожу в раздевалку. Снимаю коньки, пальцы дрожат, шнурки не слушаются. Возвращаюсь в комнату. Диана уже спит, свернувшись калачиком. Ложусь на свою койку, смотрю

рю в потолок. В голове прокручиваю завтрашнюю программу. Каждый прыжок, каждую поддержку, каждый шаг. Отец Максима сделает всё, чтобы я провалилась. Я знаю. Но я сделаю всё, чтобы выиграть.

Выхожу на лёд. Свет бьёт в глаза, трибуны гудят, но я слышу только своё дыхание. В первом ряду, в ложе почётных гостей, отец Максима. Сидит прямо, руки на подлокотниках, лицо каменное. Рядом с ним — тот же мужчина в тёмном костюме, который что-то шепчет ему на ухо. Алиса не на своём месте — пришла смотреть, как я буду падать. Она улыбается, поправляет платиновый локон. Чувствую, как желваки сжимаются. Это не соревнование. Это битва.

Максим уже на позиции, ждёт. Подъезжаю, встаю рядом. Он смотрит на меня, коротко кивает.

— Не смотри на них, — голос тихий, ровный.

— Не смотрю.

Лгу. Я смотрела.

Музыка начинается. Первый аккорд — и тело идёт в движение. Начало программы чисто. Тройной флип — приземление ровно, без скольжения. Поддержка — он поднимает меня, я чувствую его руки, его дыхание, доверяюсь. Каскад — чисто. Лёд поддаётся, принимает, я чувствую, как лезвия режут его ровно, как он скользит, как дышит вместе со мной. На секунду забываю, где я. Забываю про отца, про Алису, про всё.

Потом слышу. Голос с трибун — мужской, резкий, он пе-

рекрывает музыку, перекрывает гул зала: «Мать твоя в больнице, а ты тут пляшешь!» Краем глаза замечаю — мужчина в тёмном костюме, тот, что сидел рядом с отцом Максима, встал, что-то кричит, но я не разбираю слов. А потом этот голос — чужой, грубый, бьющий по ушам.

Внутри всё обрывается. Лезвия скользят, я теряю ось. Прыжок — тот, что делала тысячу раз, на замёрзшей реке, на малом катке, на этой арене утром на разминке, — не собираюсь. Падаю. Колено встречается со льдом, боль вспышкой — от колена к затылку, темнеет в глазах. Смех. Алиса смеётся — я слышу, хотя музыка орёт, хотя лёд шумит под лезвиями. Смех её, её голос, её победа.

Лежу. Лёд холодный, жёсткий, под щекой крошка, колено пульсирует. Хочется закрыть глаза, не вставать, сдаться. Внутри голос: «Всё равно проиграла. Они правы. Ты здесь мусор». На секунду — на одну секунду — я верю.

Смотрю за борт. Там Максим. Он уже подъехал к бортику, смотрит на меня. Лицо белое, кулаки сжаты. И жест — рука вверх, ладонь раскрыта. Прожекторы выхватывают его силуэт, свет обводит каждый палец. «Вставай». Не кричит, не шевелит губами. Просто смотрит. Я вспоминаю его слова: «Смотри на лёд». Не на них. На лёд.

Встаю. Колено не держит, под бинтом что-то мокрое, тёплое. Кровь. Не смотрю. Стираю крошку льда с щеки, поправляю пучок. Выхожу на позицию. Музыка продолжается — я пропустила несколько тактов, но догоняю. Вкладываю в

каждое движение всё. Злость на Алису, на отца, на того, кто крикнул про мать. Боль — от колена, от страха, от того, что мать там одна. И что-то ещё — холодное, тягучее, что не даёт мне сдаться.

Финальная часть — каскад. Три прыжка подряд. Вхожу в первый. Отталкивание, ось, вращение. Приземление. Чисто. Второй. Чисто. Третий — тройной риттбергер. Тело помнит. Мать учила меня на замёрзшей реке, когда я падала в снег и вставала, падала и вставала. Отталкивание, ось, вращение. Приземление. Лезвие режет лёд ровно, без скольжения. Чисто.

Замираю. Музыка стихает. Тишина — на секунду, на две. Потом зал взрывается аплодисментами. Громче, чем вчера. Намного громче. Я слышу их, но не верю. Смотрю на табло. Цифры складываются. Четвёртое место. Вне призов. Но выше многих элитных спортсменов. Выше, чем те, у кого есть деньги, тренеры, связи. Выше.

Тренер Олег Николаевич подходит к бортику. Молчит. Потом кивает. Один раз. Коротко. Для него это высшая похвала.

Схожу со льда. Ноги ватные, колено не гнётся, под бинтом всё пропиталось кровью. Максим ждёт у выхода, подаёт руку. Пальцы у него горячие, сухие. Сжимает сильно.

— Ты сделала это, — голос хриплый.

— Четвёртое место.

— Ты не сдалась.

Не отвечаю. Иду в раздевалку.

Вечером после турнира иду в медпункт. Колено разболелось, бинт намотан слишком туго, пальцы онемели. В коридоре пусто, лампы горят ровно, пахнет лекарствами и спиртом. Толкаю дверь.

В медпункте никого. Сажусь на кушетку, задираю штанину. Бинт пропитался кровью, колено распухло, синеватый отёк расплзается под кожей. Разматываю — пальцы дрожат, бинт прилипает к ране. В дверь стучат.

— Войдите.

Входит отец Максима. В дорогом костюме, без галстука, седина на висках. Смотрит на меня, на колено, на окровавленный бинт в руках.

— Соболева, — голос холодный, ровный. — Нам нужно поговорить.

— Я перевяжусь и выйду.

— Машина ждёт, — не спрашивает, констатирует.

Молчу. Заматываю колено новым бинтом, быстро, туго, не глядя на него. Встаю. Бинт белый, чистый, на штанине осталось тёмное пятно. Смотрю на отца Максима. В груди холодеет.

— Выхожу.

Выхожу из медпункта. В коридоре никого, лампы горят ровно, пахнет лекарствами. У выхода из главного корпуса стоит чёрный внедорожник. Двигатель работает, из выхлопной трубы валит белый пар, смешивается с холодным возду-

хом. Водитель в тёмной форме открывает заднюю дверь. Сажусь. Кожа сиденья холодная, гладкая, пахнет дорогим деревом и чем-то стерильным, как в операционной. Двигатель гудит ровно, и этот звук отрезает меня от всего мира. Водитель захлопывает дверь, отгораживает нас перегородкой. Тишина становится плотной, давит на уши.

Отец Максима сидит напротив. Смотрит на меня, как на товар. Взгляд скользит по лицу, по форме, по конькам в сумке, по белому бинту на колене. Останавливается на царапине на лезвии. Не спрашивает. Я не объясняю.

— Вы талантливы, — голос холодный, ровный. — Но талант без ресурсов — это ничто.

Молчу. Пальцы сжимают лямку сумки.

— Я предлагаю вам контракт. Полное покрытие лечения матери. Стипендия для брата. Квартира в столице.

В груди холодеет. Сердце колотится где-то в горле. Он знает. Всё знает. Про мать, про брата, про больницу, про то, что мы живём в хрущёвке на окраине, где окна выходят на мусорные баки.

— Что я должна сделать? — голос ровный, хотя внутри всё дрожит.

— Исчезнуть, — он снимает очки, протирает стёкла. — Из жизни Максима. Не участвовать в парном катании. Не общаться. Не появляться на глазах. Вы умная девушка. Понимаете, что это лучший вариант для всех.

Молчу. Думаю о матери. Она лежит в больнице, трубки,

капельницы, запах лекарств. Врач сказал: если не сделать операцию в ближайшие полгода, будет поздно. Думаю о брате. Он донашивает чужие вещи, ботинки жмут, но он не жалуется. Он машет рукой на перроне, такой маленький, в куртке на три размера больше.

Почти говорю «да». Открываю рот — и вспоминаю ночи на катке. Синий свет, лёд, его силуэт в темноте. Он падает, встаёт, падает снова. Потом прыжок — чисто. Поворачивается ко мне, смотрит. В его взгляде нет презрения. Вспоминаю его слова: «Я не уроню». Когда я закрыла глаза и прыгнула в его руки. Он держал.

— Я не продаюсь, — голос твёрдый.

Отец Максима усмехается. Коротко, сухо, без веселья.

— Все продаются, — он надевает очки, смотрит поверх оправы. — Просто не все знают свою цену. Я даю вам время подумать. Неделю. Но помните: ваша мать может не дождаться.

Выхожу из машины. Ноги подкашиваются, хватаюсь за дверь, чтобы не упасть. Водитель закрывает её за мной, обходит, садится за руль. Внедорожник уезжает, задние фонари тают в темноте. Остаюсь одна на пустой парковке. Ветер бьёт в лицо, сосны шумят, небо чёрное, звёзд не видно.

Сажусь на скамейку у входа в главный корпус. Скамейка холодная, металлическая, холод просачивается сквозь штаны. Сжимаю телефон. Пальцы дрожат, экран дрожит. Звонок. Мать.

— Как дела, дочка?

— Всё хорошо, — голос не дрожит. — Я заняла четвёртое место.

— Четвёртое? — пауза. — Ты была прекрасна. Я смотрела. Ты не сдалась.

— Я упала.

— Ты встала. Это главное.

Сжимаю телефон. В глазах щиплет, но я не плачу.

— Я горжусь тобой, — голос матери тёплый, тихий. — Ты слышишь? Я горжусь.

— Слышу.

— Ложись спать. Завтра новый день.

— Мам...

— Что?

— Всё будет хорошо.

— Знаю, дочка. Знаю.

Сбрасываю. Сажу, смотрю на телефон. Экран гаснет. На скамейку падает тень. Поднимаю голову.

Максим стоит напротив. Лицо бледное, кулаки сжаты. В глазах — что-то, чего я раньше не видела. Не злость. Страх.

— Ты ждал? — голос хриплый.

— Он звал тебя, — говорит. — Я видел, как ты садилась в машину.

Молчу.

— Что он предлагал?

— Деньги. Лечение матери. Квартиру.

— А взамен?

— Я должна исчезнуть. Из твоей жизни. Не кататься с тобой. Не появляться.

Максим бледнеет ещё сильнее. Челюсть сжимается, щеки играют. Кулаки сжимаются, разжимаются. Я думаю, сейчас он ударит стену, закричит, побежит к отцу. Но он молчит. Долго. Потом говорит:

— Я не позволю ему тебя купить.

Голос тихий, твёрдый. Не злой. Спокойный.

— Ты не сможешь ему помешать.

— Смогу.

— Как?

Не отвечает. Смотрит на меня, потом на главный корпус, на окна, где горит свет. Там, на третьем этаже, кабинет его отца.

— Сегодня, — говорит. — Я пойду к нему сейчас.

— Максим...

— Не надо, — он делает шаг назад. — Иди в комнату. Спи. Завтра тренировка.

Разворачивается, идёт к главному корпусу. Шаги быстрые, тяжёлые. Дверь открывается, закрывается. Стекло отражает свет, я вижу его силуэт — он идёт по коридору, поднимается по лестнице. Потом исчезает.

Остаюсь на скамейке. Ветер стих, сосны замерли, небо прояснилось, звёзды высыпали мелкие, колючие. Сажу, смотрю на окна третьего этажа. Свет горит ровно, без мер-

цания. Потом — хлопок. Дверь в кабинете. Я не слышу, но знаю. Он вошёл.

Встаю. Ноги не слушаются, колено ноет, но я иду. К малому корпусу, к своей комнате, к Диане, которая спит, свернувшись калачиком. Завтра будет новый день. И я буду на льду. Не продалась. Не сдалась.

Максим врывается в кабинет отца без стука. Дверь бьётся о стену, ручка оставляет вмятину на белой краске. Андрей Вячеславович поднимает глаза от бумаг. Лицо спокойное, только бровь приподнята — не удивление, не гнев. Вопрос.

— Ты что-то хотел, Максим? — голос ровный, как всегда.

Максим стоит на пороге, тяжело дышит. Пальцы сжаты в кулаки, костяшки белые. Он только что с улицы, щёки покраснелись от ветра, но внутри всё горит. Смотрит на отца. На стол из цельного куска венге, на стакан для ручек из чёрного металла, на дипломы в строгих рамках. Ни одной семейной фотографии.

— Ты говорил с ней, — не спрашивает. Утверждает.

Андрей Вячеславович откладывает ручку, сцепляет пальцы на столе. Смотрит на сына без выражения.

— Я сделал ей предложение. Разумное предложение.

— Ты предложил ей деньги, чтобы она ушла.

— Я предложил ей будущее. Её семье — безопасность, лечение, стабильность. Всё, чего она не может получить здесь, — пауза. — Ты для неё — временное увлечение. Она для

тебя — ошибка, которую я исправляю.

Максим сжимает челюсть так, что зубы скрипят. Желваки играют под кожей.

— Она не игрушка, — голос срывается на крик. Впервые в жизни он повышает голос на отца. Стёкла в шкафу дрожат, лампа с зелёным абажуром качается. — Она человек! Если ты тронешь её, если тронешь её семью, я уйду из спорта. Я брошу всё. Завтра же.

Андрей Вячеславович усмехается. Коротко, сухо. Снимает очки, протирает стёкла платком, не торопясь.

— Ты никуда не уйдёшь, — надевает очки, смотрит поверх оправы. — Ты — мой проект. Я вложил в тебя двадцать лет. Твои победы — мои победы. Твоё будущее — моё будущее. Ты не имеешь права это бросить. Ты не сможешь.

Максим смотрит на отца. Долго. В кабинете тихо, только часы на стене тикают, мерно, тяжело. Потом он разворачивается, идёт к двери. Берётся за ручку.

— Я не ты, — бросает через плечо. — Я не продаю людей. Дверь хлопает так, что стены дрожат. В коридоре пусто, лампы горят ровно. Максим идёт к выходу, шаги гулкие, тяжёлые. На лестнице, на полпути к выходу, из тени выходит Алиса. Она стояла там, прижавшись к стене, подслушивала. Лицо бледное, губы накрашены ярко, но краска размазана — она кусала их, пока ждала.

— Максим, — голос тихий, почти жалкий. — Не надо. Он прав. Она не твоего круга. Ты же знаешь.

Максим останавливается. Смотрит на неё. Взгляд тяжёлый, чёрный, без единого проблеска света. Алиса делает шаг назад, потом ещё один. В её глазах — страх. Она не привыкла бояться.

— Если ты хоть слово скажешь про Леру, — голос тихий, ровный, страшный своей спокойностью, — я уничтожу твою карьеру. Ясно?

Алиса отшатывается. Спиной упирается в стену, ладони прижаты к холодной поверхности. Молчит. Кивает.

Максим разворачивается, идёт дальше. Дверь главного корпуса открывается, впускает ночной холод. На улице темно, сосны стоят чёрными стенами, звёзды колючие, яркие. Он идёт к малому корпусу, к скамейке, где оставил её.

Лера сидит на том же месте. Не ушла. Колено перевязано, сумка с коньками стоит рядом, руки сложены на коленях. Смотрит на него, когда он подходит. Лицо бледное, глаза спокойные. Она ждала.

Максим садится рядом. Скамейка холодная, металлическая, холод просачивается сквозь джинсы, но он не чувствует. Молчит. Она молчит. Ветер стих, сосны замерли, только где-то далеко гудит вентиляция малого катка.

— Я не знаю, что будет, — голос хриплый, тихий. Он смотрит вперёд, на тёмные корпуса, на светящийся купол главной арены. — Но я выбираю тебя.

Лера поворачивает голову. Смотрит на его профиль — твёрдую челюсть, сломанную переносицу, родинку под ле-

вым глазом, которую он ненавидит. Руки сжаты в кулаки, лежат на коленях. Она протягивает свою. Пальцы касаются его костяшек — холодные, шершавые. Он разжимает кулак, переплетает пальцы.

Так и сидят. Молча. Смотрят на звёзды. Не обнимаются, не целуются. Просто держатся за руки. Внутри Леры борются страх и надежда. Она знает: теперь игра идёт по-крупному. Он бросил вызов отцу. Она отказалась от сделки. Назад дороги нет.

— Что теперь? — голос тихий, почти шёпот.

— Теперь мы будем бороться, — он сжимает её руку. — Вместе.

Звёзды мерцают. Где-то за корпусами начинается новый день — небо на востоке светлеет, розовеет, разгоняет тьму. Лера смотрит на него, потом вперёд, на тёмные стены Академии. Завтра всё изменится. Она должна найти способ защитить семью, не теряя себя. Помощь придёт оттуда, откуда она не ждала. От Дианы. Но это будет завтра. А сейчас — только тишина, холод и его рука в её руке.

ГЛАВА 4. СОЮЗНИКИ.

Просыпаюсь от того, что Диана трясёт меня за плечо. В комнате ещё темно, в окно едва пробивается серый свет, вентиляция гудит ровно, монотонно. Диана стоит на коленях на своей койке, перегнулась через проход, лицо бледное, глаза широкие, испуганные. Пальцы у неё холодные, впиваются в плечо.

— Лера, вставай, — голос тихий, срывается на шёпот. — Я видела. Ночью.

Сажусь. Сердце колотится, в голове ещё тяжесть сна, но она трясёт, не отпускает.

— Что случилось?

— Алиса, — Диана оглядывается на дверь, будто та может открыться в любую секунду. — Она собирается подать жалобу на тебя. За неспортивное поведение. Говорит, ты подкупила судей на турнире.

— Что? — выдыхаю. Смешно. Я, у которой нет денег даже на новые коньки, подкупила судей. — Это бред.

— У них есть документы, — Диана сжимает моё плечо, пальцы дрожат. — Поддельные, я знаю. Я видела их. Вчера вечером я заходила в комнату к Алисе — книгу забыла, а она вышла, папка на столе лежала открытая. Там были бумаги с печатями, подписи. И фотография твоя. Я не хотела подглядывать, но... они выглядят как настоящие. Тебя отчислят

через неделю.

Внутри всё холодеет. Смотрю на Диану. Она не врёт. Она вообще не умеет врать — краснеет, глаза прячет, голос дрожит. Сейчас не прячет.

— Ты уверена?

— Я видела, — повторяет. — Там были цифры, сумма какая-то. И подпись судьи. Я запомнила фамилию — Кравцов.

Встаю с койки. Ноги ватные, колено ноет после вчерашнего падения, но я не обращаю внимания. Натягиваю кроссовки, хватаю куртку.

— Ты куда? — голос Дианы испуганный.

— К Максиму.

— Лера...

— Если он узнает первым, сможет помочь.

Выхожу в коридор. Лампы мерцают, пол бетонный, холодный. Бегу к главному корпусу, ступени стёрты, перила шатаются. На улице ветер, сосны шумят, небо серое, низкое. Стучу в дверь его комнаты — знаю, где она, хотя никогда не была здесь. Третий этаж, крыло элиты, дверь из массива дуба. Стучу громко, не скрываясь.

Дверь открывается. Он стоит на пороге, волосы мокрые после душа, в одной футболке, босиком. Смотрит на меня, хмурится.

— Ты чего?

— Алиса подала жалобу, — говорю. — Говорит, я подкупила судей. У них поддельные документы. Диана видела их

вчера у Алисы в комнате.

Максим бледнеет. Отступает, пропуская в комнату. Внут-
ри светло, просторно, пахнет деревом и чистотой. Но я не
смотрю по сторонам. Стою у порога, жду.

— Я знаю, — голос глухой. — Отец мне сказал утром.

В груди всё обрывается.

— Он за этим стоит, — продолжает Максим. — Хочет
дискредитировать тебя. Заставить уйти.

— Я не уйду.

— Я знаю.

— Ты можешь выступить в мою защиту, — говорю. —
Если ты скажешь, что это ложь...

— Если я выступлю, отец разозлится ещё больше, — пе-
ребивает. — Он сделает так, что тебя выгонят завтра же. Без
объяснений.

Смотрю на него. Он смотрит на меня.

— Не надо, — говорю. — Не вмешивайся. Я сама.

— Как?

— Найду способ.

Выхожу из комнаты. Иду по коридору, мимо дверей из
массива дуба, мимо мягких ковров, мимо картин в серебря-
ных рамах. Здесь пахнет деньгами. Здесь пахнет властью. Я
здесь чужая.

Возвращаюсь в комнату. Диана сидит на моей койке, под-
жав ноги. Лицо бледное, губы сжаты. Рядом — моя сумка
раскрыта, вещи вывалены на пол. Коньки, бинты, запасная

форма, старые записи матери, книги.

— Ты что делаешь? — голос срывается. Злость накрывает с головой, я не могу её сдержать. — Ты что, на них работаешь?

Диана вскидывает голову. Глаза красные, на щеках слёзы.

— Я искала, — голос дрожит. — Ты говорила, у тебя есть записи тренировок. На флешке. С датами, временем. Если ты покажешь, что не могла встречаться с судьями, их документы рассыплются. Я нашла.

Протягивает руку. На ладони — старая флешка, чёрная, с потёртостями. Мать дала мне её перед отъездом. «Записывай каждую тренировку, — сказала. — Если что — будет доказательство». Я записывала. Каждый день. На малом катке, на главной арене, даже на замёрзшей реке.

Смотрю на Диану. На её заплаканное лицо, на дрожащие пальцы.

— Ты... ты поэтому рылась в моих вещах?

— Я хотела помочь, — голос срывается на всхлип. — Я не знала, как сказать. Боялась, что ты подумаешь...

— Что я подумала, — обрываю. Сажусь рядом. Беру флешку, сжимаю в кулаке. — Прости.

— Ничего, — вытирает слёзы тыльной стороной ладони. — Ты правильно подумала. Я всегда боюсь. Но я хочу помочь.

— Поможешь, — встаю. — Пойдём.

— Куда?

— К тренеру. Ты пойдёшь со мной. Расскажешь, что видела. Про документы.

Диана бледнеет.

— Я не могу, — шепчет. — Они узнают. Они...

— Они узнают в любом случае, — перебиваю. — Если я проиграю, тебя следующую выгонят. Ты же знаешь.

Она смотрит на меня. Долго. Потом кивает.

Кабинет Олега Николаевича на втором этаже главного корпуса. Стучу. Вхожу, Диана за моей спиной, жмётся к стене. Тренер сидит за столом, пьёт кофе. Поднимает глаза.

— Соболева. Что случилось?

— На меня подали жалобу, — кладу флешку на стол. — Якобы я подкупила судей на турнире. Это ложь. Здесь записи моих тренировок за последний месяц. Даты, время. Видно, что я не могла встречаться с судьями, не могла договариваться. Я была на катке.

Олег Николаевич берёт флешку, крутит в пальцах. Смотрит на меня, на Диану.

— Это ваша соседка?

— Диана, — она делает шаг вперёд. Голос дрожит, но она смотрит прямо. — Я видела документы. Вчера вечером в комнате Алисы. Они лежали на столе, папка была открыта. Там стояла подпись судьи Кравцова и печать. Я готова это подтвердить.

Тренер молчит. Долго. Потом суёт флешку в карман сви-

тера.

— Я разберусь, — голос сухой. — Идите.

Выходим в коридор. Диана дрожит, я беру её за руку — пальцы ледяные.

— Ты молодец, — говорю.

— Они меня теперь ненавидят, — шепчет.

— Пусть.

Оставляю её у комнаты, сама иду в коридор. Нужно подумать. Сесть. Просто сесть и подумать. Сажусь на скамейку у запасного выхода. Пол бетонный, холодный, сквозь стены слышно, как гудит вентиляция.

— Лера.

Поднимаю голову. Саша. Стоит напротив, в худи сборной, капюшон натянут, лицо серьёзное.

— Слышал, — говорит. — Про жалобу.

— Откуда?

— Уши есть, — садится рядом. — Алиса не скрывает. Ходит по коридорам, рассказывает всем, что тебя выгонят.

— Не выгонят.

— Знаю. — Он смотрит на меня. — Если что — у меня есть знакомые в спортивной прессе. Они могут опубликовать правду. Если Академия попытается замять дело.

Смотрю на него. Рыжий, конопатый, сломанный зуб. Свой.

— Спасибо, — говорю. — Но пока не надо. Подождём.

— Как скажешь, — он встаёт. — Но если что — обращай-

ся.

Уходит. Остаюсь одна. Достāju телефон. Нажимаю вызов. Гудки. Раз, два, три.

— Алло? — голос матери, сонный, тихий.

— Мам, — говорю. — Всё хорошо. Просто соскучилась.

— Что-то случилось? — она знает. Всегда знает.

— Ничего. Правда. Я на турнире четвёртое место заняла. Помнишь?

— Помню, — голос теплеет. — Я тобой горжусь.

— Я скоро приеду. Скоро всё закончится.

— Что закончится, дочка?

— Всё, — говорю. — Не волнуйся.

— Я не волнуюсь, — врёт. — Ты у меня сильная.

Сбрасываю. Сижу, смотрю на телефон. Экран гаснет. Мать там, одна. Брат там, маленький, в куртке на три размера больше. Они — моя главная уязвимость. Они — моя главная сила.

Встаю. Иду в комнату. Диана уже спит, свернулась калачиком, лицо бледное, под глазами круги. Ложусь на свою койку, смотрю в потолок.

Через два дня меня вызовут на дисциплинарную комиссию. Я пойду. И буду бороться. Не одна. С ними. С теми, кто поверил.

Зал заседаний находится на втором этаже главного корпуса. Я никогда здесь не была. Дверь тяжёлая, деревянная,

с блестящей латунной ручкой. Внутри пахнет лаком и бумагой. Длинный стол, накрытый зелёным сукном, за ним — лица. Тренеры, администрация, чиновники из федерации. В центре — отец Максима. Смотрит поверх очков, руки сложены на столе. Рядом с ним — юрист в тёмном костюме, перед ним стопка бумаг. Мои бумаги. Поддельные.

Вхожу. Шаги глохнут в толстом ковре. Свет направлен на стул для обвиняемого — яркий, режущий глаза. За столом лица в полумраке, я не вижу их выражения. Только он. Его лицо я вижу.

— Садитесь, — голос председателя комиссии, женщины в строгом костюме, безразличный.

Сажусь. Стул жёсткий, спинка прямая. Руки кладу на колени, пальцы сцепляю, чтобы не дрожали.

— Валерия Соболева, — председатель раскрывает папку. — Вам предъявляется обвинение в попытке подкупа судей на внутреннем турнире Академии, состоявшемся... Она называет дату. Я её помню. День, когда я упала. День, когда встала.

— Это ложь, — голос ровный. Смотрю на отца Максима. Он не моргает.

— У нас есть доказательства, — председатель кивает юристу. Тот разворачивает бумаги, поднимает, показывает. Листы с печатями, подписями, цифрами. Сумма, которой у меня нет. Дата, когда я была на льду. Время, когда я спала в своей комнате, потому что на следующее утро была трени-

ровка.

— Деньги, — продолжает председатель. — Переведены с вашего счёта на счёт судьи Кравцова за день до турнира.

— У меня нет счёта, — говорю. — У меня есть карта матери, на которую приходит пособие. На ней три тысячи рублей. Этого не хватит даже на новые коньки.

Кто-то за столом хмыкает. Не отец Максима. Он сидит неподвижно, как изваяние.

— Документы подделаны, — продолжаю. — Мои результаты на турнире — четвёртое место. Если бы я подкупала судей, я бы заняла первое. Или второе. Или вообще не падала бы.

В зале тишина. Слышу, как скрипит стул председателя.

— Вы обвиняете Академию в подделке документов?

— Я обвиняю человека, который сидит напротив, в том, что он пытается меня выгнать, — смотрю на отца Максима. — Потому что я отказалась от его предложения. Уйти из жизни его сына в обмен на деньги.

Отец Максима не меняет лица. Только снимает очки, начинает протирать стёкла. Медленно. Спокойно.

— У нас есть показания свидетелей, — голос председателя становится жёстче. — Вы подтверждаете, что встречались с судьёй Кравцовым накануне турнира?

— Я не знаю, кто это, — говорю. — Я ни с кем не встречалась. Я была на катке. Весь день. Весь вечер. Всю ночь до турнира. У меня есть записи.

— Записи?

— Видео. Каждый день. Мать просила меня записывать тренировки. На флешке есть дата и время. Видно, что я не могла ни с кем встречаться.

Председатель смотрит на отца Максима. Тот пожимает плечами.

— Мы можем вызвать свидетеля? — спрашиваю.

— Кого?

— Диану Власову. Она принесёт флешку.

За дверью, в коридоре, Максим стоит, прижавшись к стене. Дверь приоткрыта — он слышит каждое слово. Её голос. Спокойный, ровный, не дрожит. Отец молчит. За столом кто-то шуршит бумагами. Он рвётся войти, сделать хоть что-то. Рука уже на ручке.

— Стой, — голос Саши рядом, тихий, жёсткий. Максим не заметил, когда он подошёл. — Если ты сейчас войдёшь, ты её убьёшь.

— Я должен...

— Они скажут, что вы сговорились. Что она подкупила судей, а ты прикрываешь. Всё, что она говорит, потеряет смысл.

Максим сжимает кулаки. Смотрит на дверь. Её голос — тихий, но твёрдый. Она не сдаётся. Он не имеет права её подставить. Отходит от двери. Саша рядом, смотрит. Молчит.

В зал входит Диана. Лицо бледное, губы сжаты, пальцы сжимают флешку. Идёт медленно, смотрит прямо перед собой. Садится на стул для свидетелей.

— Диана Власова, — председатель смотрит на неё. — Вы утверждаете, что у вас есть доказательства невиновности обвиняемой?

— Да, — голос тихий, но твёрдый. — На флешке записи тренировок Леры за последний месяц. Там есть дата и время. Видно, что она не могла встречаться с судьями. Она была на катке.

— Вы уверены в подлинности этих записей?

— Я сама видела, как она их делала. Каждый день. На малом катке.

Председатель берёт флешку, передаёт техническому специалисту. Тот вставляет в ноутбук, смотрит. Кивает.

— Дата и время совпадают. Подлинность не вызывает сомнений.

В зале тишина. Отец Максима снимает очки, снова надевает. Смотрит на тренера Олега Николаевича. Тот сидит в конце стола, в старомодном свитере, пальцы сцеплены. Молчит.

— Вы подтверждаете, — голос отца Максима, холодный, ровный, — что эти записи сделаны на оборудовании Академии?

— Нет, — тренер поднимает глаза. — Они сделаны на личную камеру Соболевой. На малом катке. Внеурочное

время.

— То есть вы не можете подтвердить, что в это время она действительно была на катке, а не встречалась с судьями?

— Могу, — голос тренера спокойный. — Я проверял камеры малого катка. В указанное время Соболева была на льду. Одна.

Отец Максима замирает. Впервые его лицо меняется. Только на секунду, но я вижу. Удивление. Потом гнев. Быстро взял себя в руки, но я видела.

— Обвинения необоснованны, — тренер смотрит на председателя. — У Академии нет оснований отчислять спортсменку. Тем более такую талантливую.

Слова повисают в воздухе. Я смотрю на него. Он смотрит на меня. Один раз кивает. Коротко.

Председатель переглядывается с членами комиссии. Шёпот, шуршание бумаг. Потом:

— Обвинения в адрес Валерии Соболевой признаны необоснованными. Дело закрыто.

Выхожу из зала. Ноги ватные, пол под ними плывёт. В коридоре — Максим. Стоит у стены, кулаки сжаты, лицо бледное. Рядом Саша.

Максим делает шаг ко мне. Я вижу, как он хочет обнять меня. Как руки тянутся. Но он останавливается. Опускает руки.

— Молодец, — говорит Саша. Только и всего. Но в его голосе — всё.

Киваю. Не могу говорить. В горле ком.

— Иди, — Максим отворачивается. — Отдыхай.

Иду. Не оборачиваюсь. В спину смотрю.

Война не окончена. Отец Максима не проигрывает — он перегруппировывается. Я чувствую это кожей, когда выхожу из главного корпуса на холодный ветер. Сосны шумят, небо серое, низкое. Завтра будет новый день. И новая битва. Но сегодня — я выиграла.

Вечером того же дня меня вызывают в кабинет Олега Николаевича. Стучу. Вхожу. Он сидит за столом, в старомодном свитере с косами, пальцы сцеплены. Перед ним — пустая кружка, ручка с обгрызанным колпачком. Смотрит на меня. Не сквозь, как раньше. На меня.

— Садись, — кивает на стул.

Сажусь. Спина прямая, руки на коленях. Жду.

— Я поддержал тебя не из симпатии, — голос сухой, ровный. — Ты лучшая из резерва. Академия не может позволить себе скандал. Потерять талантливую спортсменку из-за слухов. Это будет стоить нам спонсоров. Репутации.

— Я понимаю.

— Не перебивай, — он снимает очки, трёт переносицу. — Я предлагаю тебе перейти в мою группу. Основную. Нормальный лёд, нормальное расписание. Шанс на соревнования.

Внутри всё замирает. Основная группа. Тот самый лёд,

который я видела только издалека. Тренировки не в сорок минут, а в полную силу. С тренером, который знает, что делает.

— Но есть условие, — он надевает очки, смотрит поверх оправы. — Ты оформляешь парное катание с Максимом официально. Как спортивный проект. Никаких романтических отвлечений.

Киваю. Слишком быстро. Он усмехается.

— Я согласна, — говорю.

— Ты понимаешь, что я имею в виду? — голос жёсткий. — Ваши чувства — ваше дело. Но если они станут известны, если это повлияет на тренировки, на результаты — я вас выгоню. Обоих. Поняла?

— Поняла, — смотрю прямо. — Но... если их увидят? Если кто-то узнает?

— Я не слепой, — он берёт ручку, крутит в пальцах. — Я вижу, что между вами происходит. Но пока вы приносите результат, мне всё равно. Плевать, что вы делаете в свободное время. Но на льду — вы спортсмены. Не влюблённые идиоты.

— Спасибо, — встаю.

— Не благодари, — он уже смотрит в бумаги. — Докажи, что я не ошибся.

Выхожу из кабинета. В коридоре пусто, лампы горят ровно. Иду к выходу, к малому корпусу, к своей комнате. Но ноги несут не туда. Несу к главной арене.

Он уже там. Стоит у бортика, коньки на льду, сумка брошена на скамейку. Смотрит на меня, когда я вхожу. Не спрашивает, почему пришла. Ждёт.

— Я перехожу в основную группу, — говорю, подходя ближе. — К Олегу Николаевичу. Мы будем кататься официально. Как пара.

Максим смотрит. Молчит. Потом улыбается. Впервые — по-настоящему. Не усмешка, не кривая ухмылка. Улыбка. Тёплая, открытая. У него даже ямочки на щеках, я не замечала раньше.

— Ну наконец-то, — говорит. — Я уже думал, он тебя в резерве держать будет до конца сезона.

— Ты знал?

— Я просил его перевести тебя. Ещё до комиссии.

— Зачем?

— Потому что ты нужна мне на льду. — Он протягивает руку. — Идём. Отпразднуем.

— Что?

— Прокат. Без судей. Просто для себя.

Беру его руку. Пальцы тёплые, сухие. Спускаюсь на лёд. Коньки уже надеты — я не заметила, как затянула шнурки, пока шла сюда. Тело само помнит.

Выходим в центр. Музыки нет, только гул холодильных установок подо льдом и наши шаги. Лезвия режут тишину, оставляют следы на белой поверхности. Начинаем программу. Ту, что готовили для показательных. Ту, что никто не

видел.

Прыжки. Каскад. Дорожка шагов. Всё получается. Лёд принимает, слушается. Я не думаю о судьях, о баллах, о том, кто смотрит. Только он. Только движение.

Поддержка. Он поднимает меня, руки на талии, пальцы впиваются, но не больно. Я лечу. Впервые не боюсь упасть. Он держит. Крепко. Уверенно. Словно я ничего не вешу. Словно я — его.

Опускает медленно, плавно. Наши лица в сантиметре друг от друга. Я чувствую его дыхание — тёплое, ровное. Пахнет хвоей и холодом. Его глаза — тёмные, глубокие. Смотрит на меня. Я смотрю на него.

Замираем. Время останавливается. Сердце колотится где-то в горле. Один шаг — и наши губы встретятся. Один шаг. Но я не двигаюсь. Он не двигается.

— Нельзя, — шепчу.

— Знаю, — голос хриплый.

Отстраняюсь. Он отпускает. Отъезжаю к бортику, хватаюсь за него, пальцы дрожат. Смотрю на лёд, на свои коньки, на царапину на левом лезвии. «Мусор». Я не покрасила. Напоминание.

— Завтра, — говорю. — Тренировка в восемь.

— Я буду.

Выхожу из арены. На улице темно, сосны шумят, звёзды мелкие, колючие. В комнате Диана уже спит. Ложусь на койку, смотрю в потолок. Руки помнят его ладони, лицо — его

дыхание. Закрываю глаза. Нельзя. Не имею права.

На следующее утро Академия гудит. Стипендиатка переведена в элитную группу. Стипендиатка будет кататься с Воронцовым. Стипендиатка... Я иду по коридору, спиной чувствую взгляды. Кто-то смотрит с ненавистью, кто-то с интересом, кто-то с надеждой. Стипендиаты. Они смотрят на меня. Я была одной из них. Теперь я — другая.

Алиса стоит у входа в столовую. Лицо белое, губы сжаты, кулаки сжаты. Смотрит на меня. Я смотрю на неё. Она не отводит взгляд. Я прохожу мимо. Война только начинается.

На следующий день после объявления о переводе иду в столовую. Спина прямая, взгляд перед собой. В груди колотится, но я не показываю. Прохожу мимо пластиковых столов, мимо стипендиатов, которые смотрят на меня с надеждой и страхом. Иду к стеклянной перегородке. За ней — золотая зона. Мягкие стулья, живые цветы, запах свежей выпечки.

Сажусь за стол элитной группы. Пустое место — то, где всегда сидел Максим. Рядом с ним. Я знаю, что делаю.

Тишина накрывает столовую. Кто-то замирает с вилкой у рта. Кто-то оборачивается. Алиса вскакивает из-за соседнего стола, лицо красное, глаза сузились.

— Здесь не место мусору, — голос звонкий, на всю столовую.

Смотрю на неё. Спокойно. Жду, пока договорит.

— Моё место там, где я показываю результат, — голос ровный. — А я показала. Четвёртое место. С твоим — третьим.

Она бледнеет. Потом краснеет снова. Хватает стакан с соком со своего стола. Я не двигаюсь. Не отвожу взгляд. Она бросает. Сок летит в меня, тёплый, липкий, заливает куртку, лицо, волосы. Капли стекают по щекам, по шее, по рукам. Попадают на губы — кисло, приторно.

Не моргаю.

— Уберись за собой, — голос тихий, спокойный.

В столовой тишина. Даже повара за стойкой замерли.

Сзади слышу шаги. Быстрые, тяжёлые. Максим встаёт из-за стола, обходит его. Подходит ко мне. Берёт за руку. Пальцы горячие, сухие. Не смотрит на Алису. Вообще. Словно её нет. Тянет меня за собой, выводит из-за перегородки.

— Пойдём, — голос тихий, только для меня.

Идём. Не оглядываюсь. Знаю, что вся столовая смотрит. Знаю, что Алиса осталась одна. Что её подруги отодвинулись. Что она стоит посреди золотой зоны, а сок течёт по её пальцам, потому что она сжимает стакан так, что стекло треснуло.

В раздевалке он помогает мне снять куртку. Ткань липнет к телу, сок пропитал всё. Подаёт влажные салфетки, я вытираю лицо, шею, руки. Молчим. Он стоит рядом, смотрит.

— Зачем ты так? — спрашиваю.

— Она заслужила.

— Не за этим. Зачем ты встал? При всех. Ты знаешь, что теперь скажут.

— Наплевать.

— Твой отец...

— Наплевать, — повторяет. Берёт из моих рук салфетку, вытирает каплю с моей щеки, которую я пропустила. — Я устал быть тем, кем меня хотят видеть. С тобой я могу быть собой.

Смотрю на него. Впервые не отвожу взгляд первой. Поднимаю руку, касаюсь его лица. Пальцы скользят по скуле, по родинке под левым глазом. Кожа тёплая, гладкая. Он замирает.

— Ты не железный, — говорю.

Он накрывает мою ладонь своей. Прижимает к щеке. Глаза закрыты. Я чувствую, как бьётся пульс у него на виске. Часто. Сильно. Секунда. Две.

В коридоре шаги. Кто-то идёт. Открывается дверь в соседнюю раздевалку. Мы отстраняемся. Я забираю руку. Он открывает глаза. Смотрит.

— Вечером, — говорит.

— Вечером.

Выхожу. В коридоре никого. Быстро иду к малому корпусу, к своей комнате. Руки дрожат. В груди колотится. Не от страха. От того, что почти сделала. От того, что он почти позволил.

Алиса сидит на полу в своей комнате. Перед ней осколки зеркала — она разбила его кулаком, когда вошла. На косяшках кровь, но она не чувствует. Телефон разрывается от звонков. Подруги. Она сбрасывает. Кладет трубку на стол. Смотрит на своё отражение в осколке — лицо перекошено, глаза красные.

— Тварь, — шепчет. — Мусор.

Берёт телефон. Находит номер. Нажимает вызов. Гудки. Раз. Два. Три.

— Алло? — голос спокойный, холодный.

— Андрей Вячеславович, — голос Алисы дрожит от злости. — Я хочу вам помочь. Избавиться от этой девчонки.

Пауза.

— Входите.

Возвращаюсь в комнату. Диана сидит на койке, поджав ноги. Лицо белое, губы сжаты.

— Ты что? — спрашиваю.

— Я слышала, — голос тихий, срывается. — Алиса звонила отцу Максима. Я шла мимо её комнаты, дверь была открыта. Она сказала: «Я хочу вам помочь. Избавиться от этой девчонки».

Внутри всё обрывается. Сажусь рядом.

— Что ещё?

— Не разобрала. Но она звала его по имени. Как равного.

У них что-то общее. Какой-то план.

Смотрю на Диану. Она дрожит.

— Ты не должна была мне говорить, — тихо.

— Должна, — она сжимает мою руку. — Ты должна знать.

Они объединяются. Отец Максима, Алиса. Они хотят тебя уничтожить.

— Не уничтожат, — говорю. Но в груди холодно. Страшно.

Ночью приходит сообщение. От неизвестного номера. Открываю. Фото. Мать выходит из больницы. Рядом с ней мужчина в дорогом костюме. Я узнаю его. Один из помощников отца Максима. Он был на турнире. Сидел в ложе почётных гостей.

Подпись: «Мы знаем, где твоя семья».

Смотрю на экран. Пальцы не двигаются. Не могу дышать.

Звоню матери. Гудки. Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть. Сброс. Снова набираю. Гудки. Долгие, бесконечные. Сброс. Набираю снова.

— Абонент недоступен.

Сжимаю телефон. Пальцы дрожат. Встаю. Диана открывает глаза.

— Лера?

— Они тронули мою семью, — голос чужой. — Они тронули мою мать.

Выбегаю в коридор. Лечу по стёртым ступеням, через ко-

ридор, на улицу. Ветер бьёт в лицо, сосны шумят. Не чувствую холода. Стучу в дверь Максима. Громко, не скрываясь.

Открывает. Волосы мокрые, футболка накинута на плечи. Смотрит на меня, хмурится.

— Ты чего?

Протягиваю телефон. Он смотрит на фото. Молчит. Долго. Лицо бледнеет, челюсть сжимается.

— Это отец, — говорю. — Его человек.

— Я знаю.

— Они знают, где моя мать. Где моя семья. Они... — голос срывается. — Если они тронут её...

— Не тронут, — он хватается меня за плечи. Пальцы впиваются, не больно, крепко. — Он просто запугивает. Хочет, чтобы ты испугалась. Чтобы ушла сама.

— А если нет? — смотрю на него. — Если он сделает это? Если она умрёт? Если я её потеряю?

— Не сделает.

— Откуда ты знаешь? — вырываюсь. — Откуда ты, это знаешь?

Молчит. Я смотрю на него. Он на меня.

— Я не могу рисковать, — голос тихий, чужой. — Если что-то случится с ней... если что-то случится с братом... я не прощу себе. Я возьму контракт. Я уйду. Я сделаю всё, что он скажет. Только пусть не трогает их.

— Ты не уйдёшь, — он снова хватается меня за плечи. Сильно. — Слышишь? Ты не уйдёшь. Мы что-нибудь придумаем.

— Что? Что мы придумаем?

Не отвечает. Вырываюсь. Бегу. Вниз по лестнице, в коридор, на улицу. Ветер в лицо, слёзы текут, не чувствую. Бегу к главной арене. Дверь не заперта. Внутри темно, только синий аварийный свет. Выхожу на лёд. Не снимая чехлов, не затягивая шнурки. Падаю. Встаю. Иду. Лезвия скользят, я падаю снова. Встаю. Иду.

Катаюсь без света, без музыки, без цели. Пока ноги не начинают дрожать. Пока лёгкие не горят. Пока слёзы не кончаются.

Он находит меня на льду. Выходит медленно, шаг за шагом. Подходит. Я стою в центре, смотрю на него. Лица не видно в темноте, только силуэт. Широкие плечи, длинные ноги, руки опущены.

Подходит. Берёт за руку. Молчит.

Я плачу. Впервые при нём. Впервые при ком-то. Слёзы текут по щекам, я не вытираю. Он обнимает. Крепко. Головой утыкается в мои волосы. Я чувствую, как бьётся его сердце. Часто. Сильно.

— Я не могу выбрать, — голос глухой, в его грудь. — Между семьёй и тобой. Не могу.

— Ты не должна выбирать, — голос тихий, ровный. — Мы будем бороться вместе.

— А если не получится?

— Получится.

Стоим в темноте, на синем льду, обнявшись. Молчим. Не

целуем. Не обещаем. Просто держимся друг за друга.

На следующий день мать выходит на связь. Звонит сама, голос бодрый.

— Лера, ты звонила? Я телефон в палате забыла. Вчера приходил какой-то мужчина, спрашивал, как дела. Добрый такой. Сказал, что от благотворительного фонда.

— Мам, — голос ровный. — Не разговаривай с незнакомцами. Не открывай дверь. Если кто-то придёт — звони мне сразу. Сразу, поняла?

— Что случилось, дочка?

— Ничего. Просто будь осторожна.

— Хорошо, — пауза. — Лера, ты там... ты справляешься?

— Справляюсь.

Сбрасываю. Смотрю на телефон. Экран гаснет.

Они не тронули её. Пока. Но угроза остаётся. Я больше не могу прятаться. Не могу ждать. Нужно действовать на опережение.

ГЛАВА 5. ОТКРЫТАЯ ИГРА

Утром иду к тренеру. Коридоры главного корпуса пустые, лампы горят ровно, под ногами ковровин глушит шаги. Кабинет Олега Николаевича на втором этаже, дверь из матового стекла. Останавливаюсь на секунду, выдыхаю. Стучу. Вхожу.

Он сидит за столом, в старомодном свитере с косами. Пьёт кофе из синей кружки, на столе планшет, ручка с обгрызанным колпачком. Поднимает глаза, когда дверь закрывается за моей спиной.

— Соболева. Что на этот раз?

Голос ровный, без интереса. Но я замечаю — он отложил планшет. Слушает.

— Предложение, — сажусь напротив. Стул жёсткий, спинка прямая. — Для следующего турнира. Мы хотим кататься под другую музыку.

Он отставляет кружку, снимает очки, трёт переносицу. Ждёт.

— Шостакович. Седьмая симфония. Ленинградская.

Тишина. Слышу, как гудит вентиляция за стеной. Тренер надевает очки, смотрит вверх оправы. Взгляд тяжёлый, излучающий. В груди разливается холод — или жар. Не разобрать.

— Ты понимаешь, что это значит?

— Понимаю.

— Это не просто музыка. Это заявление. Вызов.

— Да.

— Твой партнёр согласен?

— Мы вместе выбирали.

Молчит. Долго. Снимает очки, снова надевает. Берёт ручку, крутит в пальцах.

— Это вызов его отцу. Ты знаешь?

— Знаю.

— Если вы провалитесь — вас выгонят. Обоих.

Внутри всё сжимается. Но я не отвожу взгляда.

— Не провалимся.

Он усмехается. Коротко, сухо. Убирает ручку в стакан.

— Идиотов люблю. Готовьте программу. К турниру будете готовы?

— Будем.

— Тогда работайте, — он уже смотрит в планшет, пальцем водит по экрану. — Выходи.

Выхожу. В коридоре пусто, лампы горят ровно. Иду к библиотеке. Нужно найти Сашу.

Библиотека на первом этаже главного корпуса. Дверь тяжёлая, деревянная. Внутри пахнет бумагой и тишиной. Саша сидит в дальнем углу, за столом у окна. Перед ним стопка книг по хоккею, в руке ручка, в блокноте — мелкие заметки. Поднимает голову, когда сажусь напротив.

— Ты чего? — хмурится.

— Нужна помощь.

Откладывает ручку. Смотрит внимательно. Веснушки на лице кажутся ярче при свете лампы.

— Какая?

— Журналист. Надёжный. Который опубликует правду, если меня попытаются выгнать.

Саша откидывается на спинку стула, скрещивает руки на груди. Смотрит долго, изучающе. Я жду.

— Что ты задумала?

— Защиту. Если отец Максима снова нападёт — у меня будет доказательство. Видео. Запишу обращение. Всё расскажу. Про сделку, про угрозы, про его человека в больнице.

Молчит. Потом кивает.

— Есть один. Он писал о допинге в биатлоне, его пытались засудить, но он выиграл. Непродажный. Я с ним свяжусь.

— Спасибо.

— Не благодари, — он закрывает книгу, кладёт ручку поверх. — Ты уверена, что хочешь этого? Если видео выйдет, ты сожжёшь все мосты. Тебя не возьмут ни в одну академию. Ни в одну федерацию.

— Если меня выгонят сейчас, я потеряю всё. Семью. Будущее. Мать умрёт.

Голос не дрожит. Смотрю на него. Он смотрит на меня.

— Мне нечего терять, — добавляю.

Саша смотрит долго. Потом кивает.

— Дай мне флешку. Завтра будет ответ.

Встаю. Выхожу из библиотеки. В кармане телефон — тяжёлый, горячий. Нужно позвонить матери. Но не здесь. Не сейчас.

Иду по коридору, сворачиваю к запасному выходу. Сажусь на скамейку у стены. Здесь тихо, лампы мерцают, пол бетонный, холодный. Достāju телефон. Я молчала слишком долго. Нажимаю вызов.

Гудки. Раз. Два. Три.

— Алло? — голос матери сонный, тёплый.

— Мам. Надо поговорить.

— Что случилось?

— Ничего. Просто... надо рассказать.

— Рассказывай.

Вздыхаю. Смотрю на свои кроссовки, на потёртые шнурки, на пятно от сока, которое не отстиралось.

— Меня травят. С первого дня. Мне угрожали, ломали коньки, выкидывали форму. Хотели выгнать. Но я не сдаюсь. Я заняла четвёртое место на турнире. Потом они подделали документы, сказали, что я подкупила судей. Меня оправдали. Теперь меня перевели в основную группу. Я катаюсь с Максимом. Воронцовым. Его отец предлагал мне деньги. Чтобы я ушла. Я отказалась. Теперь он угрожает. Присылал своего человека в больницу. Я не знаю, что будет дальше. Но я не сдамся.

Мать молчит. Я слышу её дыхание — ровное, тихое.

— Ты злишься? — голос срывается.

— Нет, дочка, — голос матери тёплый, но я слышу, как он дрожит. — Я плачу. Потому что ты сильная. Сильнее меня. Сильнее всех.

— Мам...

— Ты справишься. Я знаю. Ты всегда справлялась. С детства. С тех пор, как папа ушёл. С тех пор, как я заболела. Ты не сдавалась никогда.

Сжимаю телефон. В глазах щиплет.

— Я боюсь.

— Бояться — это нормально. Но не сдаваться — это ты. Моя дочь. Моя Лера.

— Я сделаю видео, — выдыхаю. — Если они попытаются меня выгнать, оно выйдет. Там всё будет. Про угрозы. Про контракт. Про тебя.

— Делай, — голос твёрдый. — Не бойся. Я с тобой.

— Я приеду, когда всё закончится.

— Жду.

Сбрасываю. Сижу, смотрю на телефон. Экран гаснет. В коридоре тихо, только вентиляция гудит где-то за стенами. Встаю. Иду к выходу. Сегодня ночью мы репетируем. Сегодня ночью всё начнётся.

Ночью каток пуст. Синие аварийные лампы горят ровно, лёд блестит, в стеклянном куполе отражаются наши тени. Пахнет машинным маслом и холодом, воздух сухой, обжигает горло. Стою у бортика, затягиваю шнурки. Пальцы дро-

жат — то ли от холода, то ли от того, что будет. Он уже на льду, ждёт в центре. Подъезжаю, останавливаюсь напротив. Его лицо в синем свете кажется вырезанным из камня, только глаза живые — тёмные, глубокие.

— Давай, — голос тихий, спокойный.

Киваю. Поддержка сложная — он поднимает меня на одной руке, я должна держать равновесие, не хвататься, не думать. Просто довериться. Он поднимает руки, я делаю шаг вперёд. Взмах. Его ладони обхватывают мою талию, пальцы сильные, уверенные. Поднимает. Я в воздухе, левая рука в его правой, тело напряжено, мышцы зажаты. Сердце колотится где-то в горле. Страх накатывает — упасть, не удержаться, подвести. Внизу лёд блестит, жёсткий, холодный.

— Доверься, — слышу сквозь гул в ушах.

Выдыхаю. Расслабляю плечи, отпускаю контроль. Тело становится лёгким, невесомым. Он держит. Крепко. Надёжно. Я не падаю. В воздухе чувствую, как его пальцы чуть смещаются, подстраиваются под мой центр тяжести. Опускает медленно, плавно, лёд встречает лезвия мягко. Открываю глаза. Смотрит на меня.

— Получилось.

— Я знал.

Улыбается. Я тоже.

После тренировки сидим у бортика. Спиной к пластику, ноги вытянуты, коньки касаются друг друга. Лёд под нами трещит, оседает. Достаю термос — старый, потёртый, мать

дала с собой. Крышка откручивается с трудом, пальцы не слушаются. Наливаю чай в пластиковую крышку, пар поднимается в холодный воздух. Протягиваю ему. Берёт, пальцы касаются моих. Тёплые.

— Боишься? — спрашивает.

— Турнира?

— Всего.

Смотрю на лёд, на свои коньки, на царапину на левом лезвии. Слово «мусор» блестит в синем свете. Провожу пальцем по металлу — шершаво.

— Турнира — нет. А того, что будет после — да.

— Почему?

— Потому что если мы выиграем, отец не отстанет. Если проиграем — он нас уничтожит. В любом случае, после турнира всё изменится.

Чай стынет в руках. Пар почти не идёт.

Максим молчит. Пьёт, смотрит в темноту, на пустые трибуны. Кресла тёмно-синие, почти чёрные, в темноте сливаются со стенами.

— Я думал уйти из спорта, — голос тихий, ровный. — После Олимпиады. Это был не мой выбор. Никогда не был.

— А теперь?

— Теперь я хочу кататься. С тобой. Не важно, будет это любительский спорт или профессионалы. Главное — вместе.

Смотрю на него. В синем свете его лицо кажется другим. Не тем, которое я видела в первый день — надменное, холод-

ное, сжатая челюсть, глаза без блеска. Сейчас он расслаблен. Живой. Родинка под левым глазом, которую он ненавидит, сейчас кажется трогательной. Я не говорю этого. Нельзя.

— У меня нет права на такие мечты, — голос срывается. Смотрю на свои руки, сжимаю крышку от термоса. — Моя семья зависит от меня. Если я не выиграю стипендию, если меня выгонят, они останутся в нищете. Мать умрёт. Брат будет донашивать чужие вещи всю жизнь.

— Я помогу, — перебивает.

— Чем? Деньгами отца?

— Нет. Своими.

Смотрит прямо. Я не отвожу взгляд. В его глазах — то, чего я раньше не видела. Не жалость. Не обещание. Твёрдость.

— Как?

— У меня есть кое-что. Своё. Не отца. Я начал это ещё до тебя — консультирую юных фигуристов, спонсирую пару ребят. Мне платят. Немного, но хватит на первое время. А дальше — посмотрим.

Тишина. Только лёд трещит, оседает. Слышу, как бьётся моё сердце. Он наклоняется. Медленно. Я чувствую его дыхание на своих губах — тёплое, с запахом чая. Его пальцы касаются моего подбородка, приподнимают. Губы касаются моих — легко, почти невесомо. Не страсть. Не порыв. Обещание.

Отвечаю. Губы тёплые, сухие. Закрываю глаза. В груди тепло разливается, сердце колотится где-то в горле. Чув-

ствую его руку на своей щеке, пальцы скользят по скуле, останавливаются на виске. Секунда. Две. Отстраняется. Открываю глаза. Смотрит.

— Иди, — голос хриплый. — Завтра тяжелый день.

Киваю. Встаю, ноги не слушаются. Снимаю коньки, пальцы дрожат, шнурки не поддаются. Он ждёт. Молчит. Закончив, бросаю коньки в сумку, закидываю на плечо. Иду к выходу. Оборачиваюсь — он всё ещё сидит у бортика, смотрит мне вслед. Синий свет падает на его лицо, на плечи, на руки, сжатые на коленях.

В комнате темно. Диана дышит ровно, но я знаю — она не спит. Ложусь на койку, смотрю в потолок. Губы помнят его губы. Руки — его руки. Пальцы — его пальцы на моей щеке. Перешла черту. Назад дороги нет.

Утром на подушке записка. Дианин почерк, мелкий, аккуратный: «Я никому не скажу. Ты заслуживаешь счастья».

Сжимаю бумагу в кулаке, прячу в карман куртки. Сердце всё ещё колотится.

За неделю до турнира Максима вызывают домой. Утром, после тренировки, к нему подходит охранник — тот, что всегда стоит у входа в элитное крыло. Что-то шепчет. Максим бледнеет. Смотрит на меня, потом отворачивается. Идёт к выходу, не оборачиваясь. Я смотрю ему вслед из окна комнаты. Чёрный внедорожник ждёт у ворот. Дверь открывается, он садится. Машина уезжает, задние фонари тают в утрен-

нем тумане.

В доме отца Максима пахнет деревом и тишиной. Кабинет на втором этаже, дверь открыта. Максим поднимается по лестнице, ступени мраморные, холодные. На стенах — портреты, дипломы, награды. Ни одной семейной фотографии. Андрей Вячеславович сидит за столом, перед ним — конверт. Не поднимает головы, когда сын входит.

— Садись.

Максим не садится. Стоит у порога, сжимает кулаки.

— Зачем звал?

Отец поднимает глаза. Медленно, не торопясь, достаёт из конверта фотографии. Бросает на стол. Ночные тренировки на катке. Синий свет, две фигуры на льду. Я в его руках. Его губы на моих. Крупно, чётко — профессиональная камера, ночной режим, видно каждое движение.

— Объяснишь? — голос холодный, как лёд.

— Нечего объяснять.

— Ты губишь свою карьеру. Из-за девчонки, у которой ничего нет.

— Она талантливее всех, кого ты нанимал.

— Талант без денег — ничто.

— Это ты так думаешь.

Отец встаёт. Обходит стол, останавливается напротив. Выше. Смотрит сверху вниз. Снимает очки, протирает стёкла. Медленно. Спокойно. Максим сжимает челюсть, желваки играют.

— Я требую, чтобы ты прекратил. Немедленно. Сосредоточься на Олимпиаде.

— Нет.

Впервые. Голос твёрдый, не дрожит. Отец усмехается. Коротко, сухо.

— Что ты сказал?

— Я сказал нет. Она — моя партнёрша. Мой выбор. Если хочешь меня уничтожить — пробуй.

Тишина. Настолько плотная, что слышно, как тикают часы на стене. Отец надевает очки, смотрит поверх оправы. Взгляд тяжёлый, холодный, без единого проблеска.

— Ты пожалеешь, — голос тихий, страшный своей спокойностью. — И она тоже.

Максим разворачивается. Дверь хлопает так, что стены дрожат. В коридоре пусто, только портреты на стенах, только его шаги — быстрые, тяжёлые.

В тот же день приходит сообщение от матери. Фото. Письмо из Академии, официальный бланк, герб, печать. Открываю, пальцы не слушаются. Читаю: «Валерии Соболевой предлагается полная стипендия и оплата лечения матери. Условие: добровольное отчисление из Академии до начала турнира». Смотрю на экран. Слова расплываются. Сжимаю телефон, набираю мать.

— Ты получила?

— Да, дочка. Что это?

— Не подписывай. Ничего не подписывай.

— Лера...

— Это он. Отец Максима. Хочет, чтобы я ушла сама. Тогда скандала не будет.

— А если ты не уйдёшь?

— Тогда они найдут другой способ.

Мать молчит. Я слышу её дыхание — ровное, тихое. В трубке шуршит, будто она держит телефон обеими руками.

— Что ты будешь делать?

— Не знаю.

— Лера, я не хочу, чтобы ты жертвовала собой ради меня.

— Не жертвую.

— Врёшь.

Сбрасываю. Выхожу в коридор. Лампы мерцают, пол бетонный, холодный. Иду к главному корпусу, к комнате Максима. Стучу. Открывает. Лицо бледное, глаза красные. В комнате темно, шторы задернуты.

— Ты знаешь? — показываю телефон.

Кивает. Берёт, читает. Молчит. Лицо каменеет, челюсть сжимается так, что зубы скрипят.

— Если ты уйдёшь, — голос глухой, — я брошу спорт. Не буду кататься ради него.

— Максим...

— Я серьёзно. Без тебя мне там не место.

Смотрю на него. Внутри разрываюсь. Семья. Мать в больнице. Брат, который донашивает чужие вещи. И он — стоит напротив, бледный, сжатый, готовый всё бросить.

— Мне нужно время подумать.

— Думай. Но помни: я не отступлюсь.

Выхожу. Иду по коридору, не вижу ничего перед собой. Ступени стёрты, перила шатаются, лампы мерцают, выхватывают трещины на стенах. Диана ждёт у комнаты. Лицо белое, губы сжаты.

— Ты знаешь? — спрашиваю.

— Я видела письмо. Ты показывала.

— Что мне делать?

— Не смей уходить.

— Если я останусь, они тронут мою семью.

— Если ты уйдёшь, — голос твёрдый, она сжимает мои руки, пальцы холодные, но сильные, — ты предашь не только его. Ты предашь себя.

Смотрю на неё. В её глазах — то, чего я раньше не видела. Сила.

— Ты права, — выдыхаю. — Я остаюсь.

— Тогда иди. Скажи ему.

Утром я принимаю решение.

Диана помогает записать видео. Садимся на её койке, она держит телефон, экран смотрит на меня. В комнате темно, только настольная лампа горит, жёлтый свет падает на лицо, на стены, на наши тени. Я смотрю в камеру. Не отвожу взгляда.

— Меня зовут Валерия Соболева. Я стипендиатка Акаде-

мии «Айс Палас». С первого дня меня травили. Мне угрожали, ломали коньки, выкидывали форму. Мне предлагали контракт — лечение матери, стипендию для брата, квартиру в столице — в обмен на то, что я уйду из жизни Максима Воронцова. Я отказалась. Теперь мне угрожают снова. Если меня отчислят, если со мной что-то случится — это видео должно выйти. Всё, что я говорю, — правда. У меня есть доказательства.

Диана выключает запись. Руки дрожат, телефон качается в её пальцах.

— Этого достаточно?

— Достаточно.

Копирую видео на флешку, прячу в карман. Иду к Саше. Библиотека пуста, только лампы горят над столами. Он сидит в дальнем углу, нервно постукивает пальцами по столу. Поднимает голову, когда сажусь напротив.

— Сделала?

Киваю, протягиваю флешку.

— Журналист согласен. Если тебя попытаются отчислить, он опубликует видео сразу. Без правок.

— Спасибо.

— Не благодари, — он прячет флешку в карман худи, застёгивает молнию. — Ты уверена?

— Да.

Выхожу из библиотеки. Иду к кабинету тренера. Стучу. Вхожу без приглашения. Олег Николаевич сидит за столом,

пьёт кофе, листает планшет. Поднимает глаза.

— Соболева. Что на этот раз?

— Я остаюсь. От предложения отца Максима отказываюсь.

Он снимает очки, трёт переносицу. Смотрит долго, не отводя взгляда.

— Ты знаешь, на что идёшь?

— Знаю.

— Он не простит.

— Я не просила прощения.

Тренер усмехается. Коротко, сухо. Надевает очки.

— Упрямая. Иди уже. Завтра тренировка в восемь.

На выходе из главного корпуса встречаю Максима. Он идёт с тренировки, волосы мокрые, на плече сумка, лицо усталое. Видит меня, останавливается. Ждёт.

— Я никуда не уйду, — говорю. — Мы делаем это вместе.

Он смотрит. В его глазах — облегчение, страх, надежда. Потом обнимает. При всех. В холле, где стоят стипендиаты, где идёт Алиса с подругами, где охранник у входа поднимает бровь. Обнимает крепко, утыкается лицом в мои волосы. Пахнет его куртка — хвоей, холодом, чем-то ещё, что я не могу назвать, но узнаю из тысячи запахов. Я чувствую, как бьётся его сердце. Часто. Сильно. Мир замирает на секунду — стипендиаты смотрят, Алиса застыла на полпути, охранник замер с планшетом. Только мы. Только этот момент.

— Вместе, — голос глухой. — Навсегда.
Вся Академия видит.

Алиса в своей комнате. Сидит на кровати, сжимает телефон. На экране — фотография. Лера и Максим в холле, обнимаются. Смотрит долго. Потом набирает номер. Гудки. Раз. Два. Три.

— Андрей Вячеславович, — голос дрожит от злости. — Она отказалась.

— Значит, будем играть по-другому, — голос спокойный, холодный. — Я всё контролирую.

Сбрасывает. Алиса сжимает телефон, смотрит на фотографию. Улыбается.

За три дня до турнира приходит сообщение. От соседки. «Твою мать увезли в больницу. Сердечный приступ. Говорят, случайность». Смотрю на экран. Пальцы не двигаются. Звоню в больницу. Гудки. Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть. Сброс. Звоню матери. Гудки. Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Сброс.

Сжимаю телефон. В груди холодно, пусто. Набираю номер больницы снова. На этот раз отвечают.

— Соболева Елена Игоревна, какая палата?

— Четвёртый этаж, кардиология. Состояние стабильное, приступ купирован. Вы родственница?

— Дочь.

— Приезжайте завтра, сейчас только по записи.

Сбрасываю. Сажу, смотрю на телефон. Жива. Они предупреждают. Но я больше не позволю себя запугать.

Ночь перед турниром не даёт спать. Лежу на койке, смотрю в потолок. Бетонные плиты, трубы отопления, грязно-белая краска — всё это разглядывала сотни раз, но сегодня каждая трещина кажется новой. В окно пробивается серый свет, фонари со стоянки горят ровно, жёлто-белые, колючие. Сосны за стеклом чёрные, ветер качает ветки, они скребут по стене. Диана дышит ровно, но я знаю — не спит. Слишком ровно, слишком спокойно для сна.

Ворочаюсь, пружины скрипят. Колено ноет после вчерашней поддержки, под бинтом пульсирует. Мысли лезут в голову одна за другой: мать в больнице, брат один, письмо отца Максима, его человек в палате. Сжимаю кулаки, ногти впиваются в ладони. Не могу лежать.

Спускаюсь с койки. Диана не шевелится, но я чувствую — следит взглядом из-под ресниц. Натягиваю куртку, коньки в сумку, затягиваю шнурки на кроссовках. Пальцы дрожат, узел не слушается. Со второго раза получается. Выхожу.

В коридоре лампы мерцают. Иду к запасному выходу, шаги глохнут, не отдаются эхом. Дверь открывается без скрипа — петли смазаны, я уже знаю, как надавить. На улице ветер, сосны шумят, небо чёрное, звёзд не видно. Иду к главной арене, сумка бьёт по спине, коньки звякают внутри.

Дверь не заперта. Внутри темно, только синие аварийные

лампы по периметру. Лёд блестит, пустой, ждёт. У бортика — он. Сидит на скамейке, коньки надеты, сумка брошена рядом, лицо бледное в синем свете, под глазами тени. Поднимает голову, когда вхожу. Не удивлён.

— Знал, что придёшь.

— Знал, что ты будешь.

Сажусь рядом, снимаю чехлы с коньков. На левом лезвии царапина — «мусор», не закрасила. Провожу пальцем, чувствую шершавость. Затягиваю шнурки. Туго. Нога уходит в ботинок, колено ноет, но я не обращаю внимания. Выхожу на лёд. Он уже там, ждёт в центре.

Катаемся молча. Без музыки, без программы. Просто лёд, просто движение. Лезвия режут тишину, оставляют следы на белой поверхности. Он рядом, я чувствую его дыхание, его тепло, его ритм. Мы не говорим — не нужно. Тела помнят.

Финальная часть. Та самая поддержка, которую репетировали сотню раз. Он поднимает меня на плечо, я держу равновесие, руки расправлены, как крылья. Смотрю вверх, на стеклянный купол. В нём отражаются звёзды — маленькие, колючие, далёкие. Лёд внизу, он держит, я не боюсь. Замираю на секунду. Он чувствует, держит крепче.

— Свобода, — шепчу.

— Свобода, — отвечает.

Опускает медленно, плавно. Съезжаем к бортику, садимся на трибуну. Пластик холодный, жёсткий, впивается в спину. Сидим рядом, смотрим на пустой каток. Синие лампы

горят ровно, лёд блестит, кресла вокруг пустые, только наши тени на бетонных ступенях.

— Что бы ни случилось завтра, — голос тихий, хриплый, — я рад, что встретил тебя.

— Я тоже.

Молчим. Долго. Вентиляция гудит где-то под трибунами, лёд трещит, оседает. Он берёт меня за руку. Пальцы холодные, но я сжимаю, не отпускаю.

— Я боюсь за мать, — голос срывается. — Если они...

— Не тронут, — голос твёрдый. — После турнира наймём охрану, переведём её в другую клинику. Я сделаю всё, чтобы защитить.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Смотрит прямо. Я не отвожу взгляд. Верю.

Выходим из арены. На улице ветер стих, сосны замерли, небо прояснилось. Звёзды высыпали мелкие, колючие. Идём к малому корпусу, молчим. У входа он останавливается.

— Завтра, — голос ровный.

— Завтра.

Расходимся. В комнате Диана сидит на койке, поджав ноги. Не спит. Смотрит на меня.

— Боялась, что не вернёшься, — улыбается. Бледно, неуверенно.

— Вернулась.

Сажусь рядом. Обнимаемся. Крепко. Она пахнет мылом

и бумагой. Плечи дрожат.

— Завтра я буду за тебя болеть. В первый раз в жизни буду громко кричать. Пусть все слышат.

Смеюсь. Ложусь на свою койку, смотрю в потолок. Думаю о матери, о брате, о Максиме. О том, что завтрашний день определит всё. Закрываю глаза.

— Лети, — шепчу.

Утром встаю. Смотрю на свои коньки. Царапины от надписи «мусор» всё ещё видны на левом лезвии. Не покрасила. Напоминание. Откуда пришла. Куда иду. Кто я.

ГЛАВА 6. ПЕРЕД БОЕМ

Будильник срывает с койки в шесть утра. Сердце колотится, в висках стучит, но я не жму на кнопку «отбой». Сразу хватаю телефон. Экран горит, одно сообщение. От матери. «Я смотрю трансляцию. Ты сильная. Всё будет хорошо». Смотрю на слова, перечитываю три раза. Выдыхаю. Мать в безопасности. Значит, сегодня я могу кататься. Не оглядываясь, не боясь.

Диана уже встала. На столике между койками — две тарелки, чай в кружках, хлеб. Она стоит в серой кофте, волосы собраны в хвост, лицо бледное, но глаза блестят. Я не видела её такой.

— Ты приготовила?

— Я умею, — улыбается. — Дома всё время готовила, пока отец в армии был.

Садимся. Гречка горячая, с маслом, чай сладкий, слишком сладкий. Я не жалуясь. Едим молча. Потом она откладывает ложку.

— Я хочу стать спортивным психологом.

Смотрю на неё.

— Давно?

— Всегда. С тех пор как поняла, что сама не выйду на лёд. Но у стипендиатов не бывает таких мечт. Учёба дорогая, вступительные экзамены, репетиторы...

— Будут, — перебиваю. — Когда выиграю стипендию, когда всё закончится — помогу.

Она смотрит. Верит.

В раздевалку иду одна. Коридоры малого корпуса пустые, лампы мерцают, пол бетонный, холодный. На полпути меня окликают.

— Лера.

Саша. Стоит у стены, в худе сборной, капюшон натянут. Лицо серьёзное.

— Журналист готов. Если что-то пойдёт не так, статья выйдет через час.

— Спасибо.

— Не благодари, — он пинает носком кроссовки трещину в полу. — Иди, выигрывай.

Уходит быстрыми шагами, не оглядываясь.

В раздевалке пусто. Моё место у батареи — здесь сухо, но тепло не пробивает ткань. Достāju форму. Новую. Не брендовую, простую, тёмно-синюю. Диана помогла выбрать, когда ездили в город на выходных. Чистая, аккуратная, без штопки, без пятен. Надеваю. Ткань приятная, мягкая. Смотрю в зеркало. Другая. Не та, которая приехала с одним чемоданом и штопаной курткой.

Коньки — старые. Те самые, с царапиной на левом лезвии. «Мусор». Смотрю на надпись, провожу пальцем. Не красила. Теперь это часть меня.

— Идём?

Максим стоит в проходе. В идеальном костюме, чёрном, с иголки. Волосы уложены, лицо выбрито. Но я вижу: он нервничает. Пальцы сжимают лямку сумки, желваки играют.

— Идём.

Беру его за руку. Пальцы тёплые, сухие. Сжимает крепко.

— Я никогда не волновался перед стартом, — голос тихий, хриплый. — А сейчас колотится сердце.

— Это не волнение

Смотрит. Улыбается.

Выходим. Коридоры встречают мерцанием ламп. Запасной выход открывается без скрипа. На улице ветер, сосны шумят, небо серое, низкое. Трибуны главной арены уже гудят — я слышу их отсюда, за стенами. Сжимаю его руку. Он сжимает в ответ.

Главная арена встречает гулом. Трибуны заполнены — люди, флаги, голоса. Свет заливает лёд, ровный, яркий, без теней. Купол уходит вверх, стеклянный, в нём отражаются фигуры. Я чувствую себя муравьём в огромном мире, но рядом он. Его дыхание ровное, спокойное. Как у человека, который привык не показывать страх.

На разминке Алиса пролетает мимо, не смотрит. Её партнёр что-то шепчет, она кивает. Я смотрю на них, потом на лёд. Лёд здесь другой — ровный, гладкий, сверкающий. Не серый, как на малом катке. Не мой.

— Не смотри на них, — голос Максима рядом. — Смотри на лёд.

Киваю. Прыжки получаются чисто, но я чувствую, как лёд скользит иначе, как лезвия режут по-другому. Колено ноет, но я не сбавляю.

Алиса нарочно подрезает меня на повороте. Лезвие проходит в сантиметре от ноги, я ухожу в сторону, не падаю. Она усмехается, отъезжает. Максим смотрит на неё, потом на меня.

— Не обращай внимания.

— Я и не обращаю.

Разминка заканчивается. Объявляют первую группу. Мы во второй. Ухожу за борт, Диана подаёт воду.

— Ты справишься, — голос тихий, но твёрдый.

— Знаю.

Смотрю в зал. В первом ряду, в ложе почётных гостей, сидит отец Максима. Рядом с ним — мужчина в тёмном костюме, который что-то записывает в блокнот. Алиса стоит чуть в стороне, улыбается, поправляет платиновый локон. Я смотрю на них, потом на лёд. Делаю глубокий вдох. Выдох.

Сейчас я выйду. И никто не сможет меня остановить.

Выхожу на лёд. Свет заливает арену, трибуны полны — люди, флаги, камеры. Лёд под коньками скользкий, чужой, не такой, как на малом катке, но я не думаю об этом. Становлюсь в стартовую позицию. Руки подняты, голова чуть назад. Замираю. Тишина давит на уши, я слышу, как колотится сердце, как кровь шумит в висках.

Музыка начинается. Первый аккорд врезается в тишину,

и я начинаю движение. Решаю рискнуть — беру прыжки в полную силу, не сбавляя. Первый — тройной флип. Отталкивание, ось, вращение. Приземление. Лезвие режет лёд, но я чувствую — лёд «плывёт», под лезвием какая-то мягкость, вязкость. Не тот лёд, на котором тренировалась. Чувствую, как уходит скорость. Но я удерживаюсь. Чисто.

Второй прыжок — каскад. Тройной тулуп, двойной тулуп. Вхожу в первый. Отталкивание, ось, вращение. Приземление — касаюсь льда рукой, левая ладонь скользит по поверхности, я теряю равновесие на секунду, но удерживаюсь, не падаю. Добираю второй прыжок. Чисто.

За кулисами, там, где выход на лёд, кто-то смеётся. Голос Алисы — я его узнаю, хотя музыка орёт, хотя лёд шумит под лезвиями. Она что-то говорит подругам, но слов не разобрать. Смех пробивается сквозь музыку, сквозь гул трибун. Не смотрю туда. Смотрю вперёд.

Вкладываю в программу всё. Злость — на неё, на тренера, на отца Максима. Боль — мать на перроне, брат в куртке на три размера больше. Любовь — к матери, к льду, к той девочке, которая каталась на замёрзшей реке и не знала, что такое страх. Лёд под коньками уходит, скользит, не слушается, но я держу.

Финальная дорожка шагов. Иду на пределе, дыхание сбивается, ноги гудят, колено пульсирует, но я не сбавляю. Каждое движение — как удар. Каждый шаг — как крик.

Заканчиваю. Финальная поза — руки вверх, голова под-

нята. Музыка стихает. Тишина — такая плотная, что звенит в ушах. Потом зал взрывается аплодисментами. Не бурными, но искренними. Я слышу их, но не верю.

Смотрю на табло. Цифры складываются. Третье место. Третье промежуточное место. Из шести. Сдерживаю слёзы — горло сдавливают, глаза щиплет, но я не плачу. Не здесь. Не сейчас.

Выхожу со льда. Ноги ватные, колено не слушается, но я иду ровно. Тренер Олег Николаевич стоит у бортика, в старомодном свитере, руки скрещены. Смотрит поверх очков.

— Неплохо, — голос сухой, ровный. — Завтра покажешь, на что способна.

Не отвечаю. Прохожу мимо.

Максим ждёт в коридоре, у входа в раздевалку. Лицо бледное, губы сжаты.

— Отец в зале, — говорит.

Киваю. Внутри всё обрывается, но я держу лицо.

— Я знаю.

— Он будет следить за тобой. За произвольной.

— Знаю.

— Но я всё равно буду с тобой кататься, — голос тихий, твёрдый. — Плевать.

Смотрю на него. В его глазах — что-то, чего я не могу назвать. Не жалость. Не дружба. Что-то другое. Отвожу взгляд первой.

— Завтра, — говорю.

— Завтра, — кивает.

Ухожу в раздевалку. Снимаю коньки, пальцы дрожат, шнурки не слушаются. Смотрю на лезвия. Царапина на левом, слово «мусор», которое я не закрасила. Завтра я выйду на лёд снова. И не упаду. Не имею права.

Ночь перед произвольной не даёт спать. Лежу на койке, смотрю в потолок. Бетонные плиты, трубы отопления, грязно-белая краска — всё это разглядывала сотни раз, но сегодня каждая трещина кажется новой. В окно пробивается серый свет, фонари со стоянки горят ровно, жёлто-белые, колючие. Сосны за стеклом чёрные, ветер качает ветки, они скребут по стене. Диана дышит ровно, но я знаю — не спит. Слишком ровно, слишком спокойно для сна.

Ворочаюсь, пружины скрипят. Колено ноет после вчерашней поддержки, под бинтом пульсирует. Мысли лезут в голову одна за другой: мать в больнице, брат один, завтрашний прыжок, который может не получиться. Сжимаю кулаки, ногти впиваются в ладони. Не могу лежать.

Спускаюсь с койки. Диана не шевелится, но я чувствую — следит взглядом из-под ресниц. Натягиваю куртку, коньки в сумку, затягиваю шнурки на кроссовках. Выхожу.

Иду к главной арене. Дверь не заперта. Внутри темно, только синие аварийные лампы по периметру. Лёд блестит, пустой, ждёт. У бортика — он. Сидит на скамейке, коньки надеты, сумка брошена рядом. Поднимает голову, когда вхо-

жу. Не удивлён.

— Тоже не спится?

— Не могу. В голове программа.

Сажусь рядом. Молчим. Смотрим на лёд.

— Завтра будет тяжело, — говорит он.

— Я готова.

— Я знаю. — Он поворачивается ко мне. — Что бы ни случилось, мы справимся.

— Даже если я упаду?

— Даже если упадёшь. Ты уже доказала, что умеешь вставать.

Смотрю на него. В синем свете его лицо кажется другим — не тем, каким он ходит по академии днём. Без маски.

— Я боюсь не упасть. Я боюсь, что не смогу встать.

— Сможешь. Я рядом.

Он протягивает руку, я беру. Пальцы холодные, но я сжимаю, не отпускаю. Сидим так долго. Потом он встаёт.

— Иди спать. Завтра рано вставать.

— Ты тоже.

— Я ещё покатаюсь. Немного.

Выхожу из арены. На улице ветер стих, сосны замерли, небо прояснилось, звёзды высыпали мелкие, колючие. В комнате Диана дышит ровно. Ложусь на койку, смотрю в потолок. Завтра всё решится.

Утром встаю. Смотрю на свои коньки. Царапины от над-

писи «мусор» всё ещё видны на левом лезвии. Не покрасила. Напоминание. Откуда пришла. Куда иду. Кто я.

Выхожу на лёд. Свет бьёт в глаза, трибуны гудят, но я слышу только своё дыхание. В первом ряду, в ложе почётных гостей, отец Максима. Сидит прямо, руки на подлокотниках, лицо каменное. Рядом с ним — тот же мужчина в тёмном костюме. Алиса не на своём месте — пришла смотреть, как я буду падать. Она улыбается, поправляет платиновый локон. Чувствую, как желваки сжимаются. Это не соревнование. Это битва.

Максим уже на позиции, ждёт. Подъезжаю, встаю рядом. Он смотрит на меня, коротко кивает.

— Не смотри на них, — голос тихий, ровный.

— Не смотрю.

Музыка начинается. Первый аккорд — и тело идёт в движение. Начало программы чисто. Тройной флип — приземление ровно, без скольжения. Поддержка — он поднимает меня, я чувствую его руки, его дыхание, доверяюсь. Каскад — чисто. Лёд поддаётся, принимает. На секунду забываю, где я. Забываю про отца, про Алису, про всё.

Потом слышу. Голос с трибун — мужской, резкий, он перекрывает музыку, перекрывает гул зала: «Мать твоя в больнице, а ты тут пляшешь!» Краем глаза замечаю — мужчина в тёмном костюме встал, что-то кричит. Голос чужой, грубый, бьющий по ушам.

Внутри всё обрывается. Лезвия скользят, я теряю ось.

Прыжок — тот, что делала тысячу раз, — не собираюсь. Падаю. Колено встречается со льдом, боль вспышкой — от колена к затылку, темнеет в глазах. Смех. Алиса смеётся — я слышу, хотя музыка орёт, хотя лёд шумит под лезвиями.

Лежу. Лёд холодный, жёсткий, под щекой крошка, колено пульсирует. Хочется закрыть глаза, не вставать, сдаться. Внутри голос: «Всё равно проиграла. Они правы. Ты здесь мусор». На секунду — на одну секунду — я верю.

Смотрю за борт. Там Максим. Он уже подъехал к бортику, смотрит на меня. Лицо белое, кулаки сжаты. И жест — рука вверх, ладонь раскрыта. Проекторы выхватывают его силуэт, свет обводит каждый палец. «Вставай». Не кричит, не шевелит губами. Просто смотрит. Я вспоминаю его слова: «Смотри на лёд». Не на них. На лёд.

Встаю. Колено не держит, под бинтом что-то мокрое, тёплое. Кровь. Не смотрю. Стираю крошку льда с щеки, поправляю пучок. Выхожу на позицию. Музыка продолжается — я пропустила несколько тактов, но догоняю. Вкладываю в каждое движение всё. Злость на Алису, на отца, на того, кто крикнул про мать. Боль — от колена, от страха, от того, что мать там одна.

Финальная часть — каскад. Три прыжка подряд. Вхожу в первый. Отталкивание, ось, вращение. Приземление. Чисто. Второй. Чисто. Третий — тройной риттбергер. Тело помнит. Мать учила меня на замёрзшей реке, когда я падала в снег и вставала, падала и вставала. Отталкивание, ось, вращение.

Приземление. Лезвие режет лёд ровно, без скольжения. Чисто.

Замираю. Музыка стихает. Тишина — на секунду, на две. Потом зал взрывается аплодисментами. Громче, чем вчера. Намного громче. Смотрю на табло. Цифры складываются. Четвёртое место. Вне призов. Но выше многих элитных спортсменов. Выше, чем те, у кого есть деньги, тренеры, связи.

Тренер Олег Николаевич подходит к бортику. Молчит. Потом кивает. Один раз. Коротко. Для него это высшая похвала.

Схожу со льда. Ноги ватные, колено не гнётся, под бинтом всё пропиталось кровью. Максим ждёт у выхода, подаёт руку. Пальцы горячие, сухие. Сжимает сильно.

— Ты сделала это, — голос хриплый.

— Четвёртое место.

— Ты не сдалась.

Не отвечаю. Иду в раздевалку.

Вечером, перевязав колено в медпункте, возвращаюсь в комнату. Диана уже спит, свернувшись калачиком. Сажусь на свою койку, смотрю на коньки. Царапина на левом лезвии блестит в тусклом свете. Провожу пальцем. Завтра я выйду на лёд. Не для того, чтобы кому-то что-то доказывать. Просто потому, что это моя жизнь. Моя. Не их.

Закрываю глаза. Завтра всё начнётся заново.

ГЛАВА 7. ЭХО

Статья выходит утром. Я не видела момента, когда она появилась, — спала, провалилась в тяжёлую, без снов, темноту после всего. Диана, наверное, тоже. Просыпаемся от того, что телефон на тумбочке вибрирует не переставая. Но это было час назад. Сейчас я уже прочитала заголовок, просмотрела комментарии, увидела цифру просмотров — миллион, потом два, — и убрала телефон в карман. Больше не смотрю. Мир за дверью уже знает. И ждёт.

Выхожу в коридор. Лампы мерцают, пол бетонный, холодный. В конце — люди. Стоят, ждут. Я выхожу из комнаты, и они оборачиваются. Лица не различаю — только взгляды. Страх, уважение, ненависть. Кто-то аплодирует. Резко, громко, звук бьётся о стены, разносится по этажу, отдаётся в груди. Молодая девушка из резервной группы — та, что всегда сидела в углу столовой, прятала лицо за книгой, — подходит первой. Протягивает руку. Пальцы холодные, дрожат.

— Спасибо, — голос тихий, срывается. — Мы боялись. А ты нет.

Жму её ладонь. Кожа сухая, пальцы тонкие. Рядом другая, третья. Их голоса сливаются в один гул.

— Ты заговорила.

— Мы не смели.

— А ты вышла и сказала.

Кто-то отворачивается, уходит быстрым шагом. В их взглядах — ненависть. Я знаю эти взгляды. Не смотрю им вслед.

В столовой стеклянная перегородка сегодня не нужна. Стипендиаты встают, когда вхожу. Хлопают. Все. Те, кто прятался по углам, кто боялся поднять глаза, кто ел гречку, сжавшись в комок. Подходят, жмут руки. Глаза у кого-то мокрые. Диана сидит за нашим столом — впервые не в углу, не прижавшись к стене. Спина прямая, голова поднята. Смотрит на меня, улыбается. Сажусь рядом. Она протягивает кружку с чаем, пальцы уже не дрожат как прежде.

Максим подходит, когда я допиваю. Садится напротив. Лицо бледное, под глазами тени. Волосы ещё мокрые.

— Отец в ярости, — голос тихий, хриплый. — Угрожает подать в суд за клевету.

— Пусть подаёт. У меня есть доказательства.

— Он уничтожит тебя.

— Не уничтожит.

Смотрит долго. Кивает.

Из столовой нас забирает тренер. Олег Николаевич ждёт у выхода, лицо хмурое, в руке планшет. Старомодный свитер с косами, седые волосы торчат из-под воротника.

— В кабинет. Оба.

Идём за ним. Коридоры главного корпуса пустые, лампы горят ровно, ковролин глушит шаги. В кабинете пахнет кофе и бумагой. Тренер садится за стол, не предлагает сесть.

Снимает очки, трёт переносицу.

— Академия получила запросы от трёх спортивных федераций. Ситуация вышла из-под контроля. — Смотрит на меня. — Ты понимаешь, что натворила?

— Я сказала правду.

— Правда имеет последствия.

— Я знаю.

Максим молчит. Стоит рядом, руки в карманах, челюсть сжата. Тренер переводит взгляд на него.

— Твой отец...

— Не мой, — обрывает.

Тренер усмехается. Коротко, сухо. Надевает очки.

— Идите. Завтра проверка из министерства. Будьте готовы.

Выходим. В коридоре пусто, только охранник в конце, смотрит в телефон. Телефон в кармане вибрирует. Достаяю. Сообщение от неизвестного номера. Открываю.

«Вы сделали большую ошибку. Я уничтожу вас».

Смотрю на экран. Убираю телефон в карман. Максим смотрит на меня.

— Что?

— Ничего.

— Не врешь?

— Вру.

Он сжимает мою руку. Пальцы тёплые, сухие. Идём к выходу. За стёклами перехода сосны стоят чёрными стенами,

небо серое, низкое. Ветер качает ветки, они скребут по стёклам.

На следующее утро меня вызывают к юристу Академии. Кабинет на третьем этаже главного корпуса, туда я ещё не поднималась. Лифта нет, только лестница — широкая, марморная, ступени отполированы до блеска. Здесь пахнет иначе, чем в малом корпусе. Дорогим деревом, чистотой, деньгами. Стены белые, на них картины в тяжёлых рамах. На втором этаже портреты чемпионов, которых я видела в холле. На третьем — только абстракции, серые пятна на белом. Ни одного лица.

Дверь из матового стекла, табличка с фамилией: «Елена Викторовна Соколова, юридический отдел». Стучу. Вхожу. Кабинет маленький, заставленный папками. На столе ноутбук, стакан с ручками, семейная фотография — женщина с девочкой на фоне моря. Сама Елена Викторовна сидит в кресле, листает бумаги. Лет сорока, волосы собраны в гладкий пучок, костюм тёмно-синий, строгий. Поднимает голову, смотрит вверх очков. Взгляд острый, цепкий — такой сразу видит насквозь.

— Валерия Соболева? Садитесь.

Сажусь на стул напротив. Спинка прямая, сиденье жёсткое. Руки кладу на колени, пальцы сцепляю, чтобы не дрожали. Она откладывает бумаги, снимает очки, трёт переносицу.

— Я — юрист Академии. Меня приставили к вашему делу. Ваше видео — это бомба, — голос ровный, без эмоций.
— Вы понимаете, что вас могут отчислить за разглашение внутренней информации?

— Понимаю.

— Вас это не пугает?

— Нет.

Она усмехается. Коротко, сухо. Откидывается на спинку кресла, скрещивает руки на груди.

— Тогда готовьтесь к бою. У вас есть союзники?

Перечисляю, глядя прямо на неё:

— Саша Кузнецов, хоккеист. Журналист, который опубликовал статью. Диана Власова, моя соседка. И Максим Воронцов.

— Воронцов, — она делает пометку в блокноте. — Сын вашего главного обвинителя.

— Он не обвинитель. Он со мной.

Юрист смотрит долго, изучающе. Потом кивает.

— Держитесь за него. Он вам понадобится.

Выхожу. В коридоре пусто, только охранник в конце, смотрит в телефон. Спускаюсь по мраморной лестнице, держусь за перила — холодные, гладкие. На втором этаже снова портреты чемпионов. Останавливаюсь перед одним. Максим Воронцов, юниор, первое место. Смотрит с фото надменно, челюсть сжата, глаза без блеска. Каким он был тогда. Каким его сделали.

Телефон в кармане вибрирует. Максим: «Я в библиотеке. Приходи».

В доме отца Максима шторы опущены, даже днём здесь полумрак. Андрей Вячеславович сидит в кожаном кресле, перед ним на столе стопка бумаг — распечатки статей, скриншоты видео, юридические заключения. Напротив двое юристов в дорогих костюмах. Один листает папку, второй ждёт.

— Мы рекомендуем дистанцироваться от скандала, — говорит тот, что с папкой. — Публично заявить, что вы не имеете отношения к действиям вашего сына. Отказаться от спонсорства Академии на время следствия.

Андрей Вячеславович снимает очки, медленно протирает стёкла.

— Вы предлагаете мне отступить?

— Мы предлагаем вам сохранить репутацию.

— Эта девчонка испортила репутацию моей семьи, — голос холодный, ровный. Он надевает очки, смотрит поверх оправы. — Она заплатит. Я не отступлю.

Юристы переглядываются. Молчат.

Библиотека пуста. Лампы горят только над дальними столами, в углах темно, пахнет бумагой и тишиной. Максим сидит в самом дальнем углу, у окна. Перед ним раскрытая книга, но он не читает — смотрит в одну точку, пальцы сжаты.

Сажусь напротив.

— Ты знаешь? — спрашиваю.

— Знаю.

— Юрист сказала, готовиться к бою.

— Я готов.

— Если твой отец начнёт войну, что ты будешь делать?

Смотрит на меня. В его глазах — усталость, злость, под ними что-то ещё. Решимость.

— Публично отрекусь от него. Скажу правду. Всю.

Внутри всё холодеет. Представляю его на пресс-конференции, перед камерами, перед журналистами, которые только и ждут новой крови. Его лицо на экранах. Его слова. Его отца.

— Не надо.

— Почему?

— Нельзя побеждать, становясь таким же, как он. Мы должны быть чище.

Максим смотрит долго. Потом берёт меня за руку. Пальцы тёплые, сухие.

— Ты права, — голос тихий. — Не буду.

Сидим молча. За окном сосны, ветер качает ветки, они скребут по стёклам. В библиотеке тихо, только вентиляция гудит где-то под потолком.

— Тогда что будем делать? — спрашиваю.

— Ждать. И готовиться.

— К чему?

— К завтрашнему дню. Диана сказала, пришла проверка из министерства. Тебя будут допрашивать.

— Я готова.

— Я знаю.

Сжимает мою руку. Не отпускает.

Завтра начнётся следствие. Завтра я буду говорить правду. И не одна.

На следующее утро меня вызывают на допрос. Записка приходит в восемь, её приносит охранник — складывает пополам, протягивает, даже не смотрит в глаза. На жёлтой бумаге печать Академии, номер кабинета, время: десять ноль-ноль. Диана сидит на своей койке, смотрит, как я читаю. Пальцы у неё сжаты, костяшки белые.

— Тебя тоже, — говорю.

— Знаю.

— Боишься?

— Нет, — голос твёрдый, но я вижу, как дрожат её руки.
— Я готова.

Встаю. Натягиваю форму, затягиваю шнурки на кроссовках. Диана тоже собирается — надевает свою серую кофту, поправляет воротник, поправляет очки. Смотрит на себя в маленькое зеркало на стене. Я никогда не видела, чтобы она смотрелась в зеркало.

— Пошли, — говорю.

— Пошли.

Выходим. Коридоры малого корпуса пустые, лампы мерцают, пол бетонный, холодный. В главном корпусе — тишина. Обычно здесь всегда кто-то есть, но сегодня ни души. Только охранники у дверей, только наши шаги по ковролину. Зал заседаний на втором этаже, дверь открыта. Внутри — длинный стол, накрытый зелёным сукном. За ним трое. Женщина в строгом костюме, с короткой стрижкой, волосы седые, лицо усталое. Мужчина в очках, молодой, с блокнотом на коленях. Ещё один — в форме, при погонах, сидит чуть поодаль, смотрит в планшет.

Свет направлен на стул для опрашиваемого. Яркий, режущий глаза. Когда сажусь, за спиной остаётся только тень.

— Валерия Соболева? — женщина смотрит на меня.

— Да.

— Вы подтверждаете, что всё сказанное в вашем видео — правда?

Смотрю прямо на неё. Свет бьёт в глаза, я щурюсь, но не отвожу взгляда.

— Подтверждаю.

— У вас есть доказательства?

— Да. Записи тренировок. Показания свидетелей. Письмо отца Максима Воронцова с предложением контракта.

Мужчина в очках листает папку. Бумаги шуршат, на секунду тишина становится плотной, давит на уши.

— Вы утверждаете, что Андрей Вячеславович Воронцов угрожал вашей семье?

— Да. Его человек приходил в больницу к моей матери. После того как я отказалась подписать контракт.

— Почему вы не обратились в полицию?

Смотрю на свои руки. Пальцы сцеплены, костяшки белые.

— Боялась, — голос ровный. — Боялась за свою семью. Мать болела, брат маленький. Я думала, если буду молчать, они отстанут. Но они не отстали. Тогда я поняла: страх — это их оружие. И решила, что лучше рискнуть.

Женщина кивает. Делает пометку в блокноте. Мужчина в очках поднимает голову.

— Вы готовы дать показания под присягой?

— Готова.

Дверь открывается. Входит Диана. Лицо бледное, губы сжаты, но идёт ровно, не шатается. Садится на стул рядом со мной. Пальцы на коленях, не дрожат.

— Диана Власова, — чиновник смотрит на неё. — Вы подтверждаете, что были свидетелем угроз в адрес Валерии Соболевой?

— Да, — голос тихий, но твёрдый. — Я слышала, как Алиса Теплова говорила о поддельных документах. Я видела, как ломали её коньки. Как выкидывали форму. Я готова повторить это под присягой.

Смотрит прямо. Не отводит взгляда. Я смотрю на неё и вижу: она не боится. Впервые за всё время.

Чиновники переглядываются. Женщина делает пометку, мужчина закрывает папку. Встаю.

— Валерия Соболева, — женщина поднимает голову. — Ещё один вопрос. Ваши отношения с Максимом Воронцовым. Это имеет отношение к делу?

Смотрю на неё. Свет всё ещё бьёт в глаза, но я вижу их лица. Женщина ждёт, мужчина смотрит в блокнот, третий — в планшет.

— Он мой партнёр, — говорю. — Человек, которому я доверяю. Но это не имеет отношения к делу.

Кивает. Не спрашивает больше.

Выхожу в коридор. Ноги ватные, спина мокрая — форма прилипла к телу. Максим стоит у стены, прислонившись плечом к косяку. В руке стакан с водой, не пьёт. Смотрит на меня.

— Меня тоже вызывали, — говорит.

— Что ты сказал?

— Правду, — смотрит прямо. — Всю.

Подходит, берёт за руку. Пальцы тёплые, сухие. Стоим так, не говорим. Диана выходит следом, закрывает дверь. Смотрит на нас, улыбается. Впервые — не робко, не испуганно. По-настоящему.

— Всё, — говорит. — Мы сделали это.

— Нет, — качаю головой. — Ещё нет. Решение будет через три дня.

Диана кивает. Смотрит на дверь, за которой остались чиновники.

— Что бы ни решили, — голос тихий, — я больше не бо-

юсь.

Через три дня приходит письмо. Диана приносит его в комнату, руки не дрожат. Конверт плотный, бумага шуршит. Разрываю, достаю лист. Официальный бланк, печать, подпись. Читаю. Слова не складываются, прыгают перед глазами. Диана садится рядом, заглядывает через плечо.

— Что там?

— Академию обязуют провести реформу программы поддержки стипендиатов, — голос срывается. — Андрей Вячеславович Воронцов отстранён от влияния на Академию.

Диана смотрит на меня. В её глазах — слёзы, улыбка, облегчение.

— Мы остаёмся, — шепчет.

— Мы остаёмся.

Утром просыпаюсь от того, что Диана уже не спит. Сидит на своей койке, смотрит на меня. В руках — свёрток, перевязанный простой бечёвкой. Бумага серая, шуршит. Протягивает, когда сажусь.

— Что это?

— Открой.

Развязываю бечёвку. Пальцы дрожат, узел не поддаётся. Диана не помогает, ждёт. Бумага разворачивается, внутри — ткань. Тёмно-синяя, мягкая, гладкая. Новая форма. Не брендовая, без логотипов, просто куртка и штаны. Но ткань плотная, строчки ровные, молния не заедает. Провожу пальцами

по рукаву, по воротнику, по швам.

— Диана...

— Молчи, — голос тихий, твёрдый. — Ты мне помогла. Я хочу помочь.

Смотрю на неё. Сидит на койке, ноги поджаты, на ней серая кофта с катышками, очки в толстой оправе. Но глаза другие. Не испуганные.

— Спасибо, — говорю.

— Иди, — улыбается. — Покажи им.

В раздевалке малого корпуса пусто. Моё место у батареи — здесь сухо, но тепло уже не нужно. Форма новая, тёплая. Надеваю. Ткань приятно облегает тело, не жмёт, не колется. Коньки достаю из сумки. Те самые, бэушные, с разношенной колодкой. Но царапины нет. Вчера вечером сидела на койке, полировала лезвия мелкой наждачкой, пока они не засверкали. «Мусор» стёрт. Но я помню.

Выхожу на лёд. Главная арена встречает гулом холодильных установок и запахом машинного масла. Купол уходит вверх, стёкла чистые, солнце бьёт сквозь них, лёд сверкает, белый, ровный. Трибуны пустые. Только у бортика — он.

Максим стоит, ждёт. На нём простая тренировочная форма, чёрная, без логотипов. Волосы ещё мокрые после душа, лицо спокойное. Подъезжаю, останавливаюсь напротив.

— Нравится? — показываю на форму.

— Идёт тебе.

— Диана подарила.

— Хорошая девушка.

Молчим. Вокруг никого, только мы, только лёд, только утреннее солнце, которое режет глаза. Он смотрит на меня, я на него.

— Я больше не связан контрактами отца, — голос тихий, ровный. — Теперь сам решаю, за кого выступать.

— И за кого?

— За тебя.

Улыбается. Я тоже.

Начинаем тренировку. Прыжки, поддержки, дорожки шагов. Всё, что репетировали ночами, теперь при свете дня. Не прячемся. Лезвия режут лёд, звук разносится по пустым трибунам, бьётся о стёкла. В какой-то момент слышу шаги. На лёд выходят другие. Стипендиаты. Те, кого перевели в основную группу. Пятеро. Стоят у бортика, смотрят.

— Идите сюда, — кричу.

Выходят на лёд. Неуверенно, держась за бортик. Но выходят. Показываю им упражнения. Те, что мать показывала мне на замёрзшей реке. Простые, но важные. Они слушают, повторяют. У кого-то получается, у кого-то нет. Но никто не смеётся. Никто не уходит. Лёд полон.

Тренер Олег Николаевич стоит у бортика, наблюдает. Руки скрещены на груди, лицо хмурое, но я вижу — он смотрит. Не уходит. Когда тренировка заканчивается, подходит.

— Вы изменили эту Академию, — голос сухой, ровный. — Не испортите это.

Кивает, разворачивается, уходит. Я смотрю ему вслед. Максим подходит, берёт за руку.

— Ты изменила.

— Мы изменили.

После тренировки иду в комнату. Диана сидит на койке, листает книгу. Поднимает голову.

— Всё хорошо?

— Всё хорошо.

— Саша уезжает. Сказал, будет ждать у ворот.

Выхожу. У главного входа стоит Саша. Сумка на плече, клюшка в руке, капюшон натянут. Увидел меня, улыбается.

— Пришла прощаться?

— Угу.

— Меня пригласили в молодёжную сборную. Уезжаю сегодня.

— Я знаю.

— Не реви только.

— Не буду.

Смотрим друг на друга. Рыжий, конопатый, сломанный зуб. Свой. С первого дня. Тот, кто сказал: «Держись».

— Ты сделала это, — голос тихий. — Горжусь тобой.

— Спасибо.

— Не за что.

Обнимаемся. Крепко. Пахнет от него морозом и травой. Отпускает, поднимает клюшку, машет.

— Пока, Лера.

— Пока, Саша.

Уходит, не оглядываясь.

Вечером приходит письмо. Конверт плотный, бумага шуршит. Материн почерк, мелкий, аккуратный. «Лера, лечение оплачено. Я иду на поправку. Врачи говорят, через месяц выпишут. Жду тебя после сезона. Целую. Мама».

Смотрю на листок, на строчки, на подпись. Сжимаю в руке, прижимаю к груди. Глаза щиплет, но я не плачу. Убираю письмо в карман куртки — к сердцу.

Диана смотрит на меня, не спрашивает. Я качаю головой.

— Всё хорошо, — говорю. — Всё хорошо.

Несколько месяцев спустя. Ночь. Каток пуст, синие аварийные лампы горят ровно, лёд блестит, в стеклянном куполе отражаются звёзды. Стою у бортика, смотрю на белое поле, на ровную гладь. Здесь всё начиналось. Здесь я впервые вышла на лёд с одним чемоданом и старыми коньками. Здесь встретила его. Здесь упала. Здесь встала. Здесь поняла, что не сдамся.

Шаги за спиной. Не оборачиваюсь. Знаю, кто это.

Максим подходит, садится на скамейку. В руке два стакана, пар поднимается. Протягивает один. Беру. Чай горячий, сладкий, с мёдом. Он запомнил.

— Как в ту ночь, — говорит.

— Да. Как в ту ночь.

Сидим молча. Пьём чай, смотрим на лёд. Вентиляция гу-

дит где-то под трибунами, лёд трещит, оседает.

— Я думала, победа — это медали, — голос тихий. — А оказалось, победа — это не сдаться.

— Мы не сдались.

— Нет.

Ставит стакан, обнимает. Я утыкаюсь лицом ему в плечо. Пахнет хвоей и свежестью. Сердце бьётся ровно, спокойно.

Выходим на лёд. Катаемся просто так, без музыки, без программы. Лезвия режут тишину, оставляют следы на белой поверхности. Он рядом, я чувствую его дыхание, его руки. Свободна. Наконец-то свободна.

Останавливаемся в центре. Я смотрю вверх, на стеклянный купол. В нём отражаются звёзды — мелкие, колючие, далёкие. Беру его за руку, сжимаю.

— Что теперь?

— Теперь новая жизнь.

— Я боюсь.

— Не бойся. Я рядом.

Смотрю в будущее. Впереди — новые соревнования, новая жизнь, новые вызовы. Мать здорова, брат вырос, Саша в сборной, Диана готовится поступать на психолога. Алиса уехала. Отец Максима отстранён. Академия меняется. И мы меняемся.

Но я больше не боюсь. Я не одна.

Лёд искрится под синими лампами. Мы держимся за руки, смотрим вперёд.

ГЛАВА 8. ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО

Утром выхожу на лёд в новой форме. Ткань тёмно-синяя, мягкая, ложится по телу, не жмёт, не колется. Диана выбрала её сама — сказала, что этот цвет подходит к моим глазам. Коньки блестят, лезвия отполированы до зеркального блеска, царапины исчезли. «Мусор» стёрт. Провожу пальцем по металлу — гладко, холодно. Другой человек. Другая Лера.

На льду стипендиаты больше не жмутся к бортику. Катаются, разминаются, переговариваются. Их голоса разлетаются под куполом, смешиваются с гулом холодильных установок. Диана стоит у бортика, разговаривает с девушкой из элитной группы — той самой, что всегда сидела рядом с Алисой. Обсуждают растяжку, программы, новые прыжки. Говорят как равные. Я смотрю на них, и внутри разливается что-то тёплое, тягучее. Облегчение.

В раздевалке теперь не тихо. Стипендиаты переодеваются, смеются, перебрасываются вещами. Кто-то включил музыку на телефоне, девчонки подпевают. Моё место у батареи теперь не крайнее — рядом со мной сидят другие. Шкафчики больше не запираем. Алиса сидит в углу одна. Свита сосалась, подружки отодвинулись. Никто не смотрит в её сторону. Я не испытываю злорадства. Только смотрю на неё —

бледную, сжавшуюся, без телефона в руках, без смеха. Она чувствует мой взгляд, поднимает голову. Смотрит. Я первая отвожу глаза. Не потому, что боюсь. Потому что мне не нужно.

Максим уже на льду, ждёт. Тренер Олег Николаевич стоит у бортика, в руках планшет, на лице привычная хмурость. Но я замечаю — он не смотрит на нас свысока. Смотрит как на спортсменов. Равных.

— Программа сложная, — голос сухой, ровный. — Элементы, которые раньше считал для тебя невозможными. Докажешь?

— Докажу.

Выхожу на лёд. Первый прыжок — тройной аксель. Отталкивание, ось, вращение. Приземление. Чисто. Максим подъезжает, хлопает по плечу. Улыбается. Я тоже.

В столовой стипендиаты впервые садятся за центральные столы. Стеклянная перегородка всё ещё здесь, но её словно не существует. Стулья с мягкими сиденьями, на столах живые цветы. Диана сидит рядом, пробует салат, улыбается. Администрация не препятствует. Женщина в синем халате за стойкой наливает мне кофе — не компот, кофе. Кивает.

— Молодец, — говорит.

К Лере подходит парень. Хоккейная форма, нашивка сборной, лицо молодое, глаза испуганные. Стоит, переминается с ноги на ногу.

— Вы Лера Соболева? — голос тихий.

— Да.

— Я Илья. Моя сестра приехала по квоте. Она боится. В столовую не ходит, в раздевалку заходит последней. Я не знаю, что делать. Может, вы...

— Позови её, — перебиваю. — Завтра после тренировки. Пусть придёт на каток. Я покажу ей упражнения.

— Спасибо, — выдыхает. — Спасибо вам.

Уходит быстрым шагом, не оглядываясь.

Максим садится напротив. Лицо спокойное, но я вижу — он смотрит на что-то своё. Внутреннее.

— Отец уехал в Швейцарию, — голос ровный. — На две недели.

— Это хорошо?

— Это передышка. Но он вернётся.

— Тогда мы используем это время, чтобы стать сильнее.

Смотрит на меня. Кивает.

Вечером возвращаюсь в комнату. Диана уже спит, свернулась калачиком, книгу уронила на пол. Поднимаю, кладу на тумбочку. Сажусь на койку, смотрю в телефон. Сообщение. Незнакомый номер. Открываю.

«Ты думаешь, что победила. Но ты не знаешь всей правды о Воронцовых. Встретимся завтра в 20:00 у запасного выхода».

Смотрю на экран. Внутри холодок, но не страх. Любопытство. Тревога. Убираю телефон в карман. Не буду говорить Диане. Не буду говорить Максиму. Сначала узнаю сама.

На следующий день в двадцать ноль-ноль иду к запасному выходу. Коридоры малого корпуса пустые, лампы мерцают, пол бетонный, холодный. Запасная дверь открывается без скрипа — я уже знаю, как надавить, чтобы петли не выли. На улице ветер, сосны шумят, небо чёрное, звёзд не видно. У выхода — женщина. Лет сорока, в неброской одежде, тёмная куртка, джинсы, волосы собраны в хвост. Лицо бледное, глаза внимательные, цепкие. Стоит, прислонившись к стене, руки в карманах. Не курит. Просто ждёт.

— Валерия? — голос тихий.

— Да. Вы Марина?

— Она самая.

Молчим. Я смотрю на неё, она на меня. Ветер качает ветки сосен, иголки шуршат, где-то далеко гудит вентиляция малого катка.

— Вы написали про правду о Воронцовых.

— Да, — она достаёт из кармана фотографию, протягивает. — Посмотри.

Беру. Снимок старый, выцветший, края потрёпаны. На нём молодая женщина с мальчиком на руках. Мальчику года три, волосы тёмные, глаза серьёзные. Женщина улыбается, но глаза грустные. На обратной стороне подпись, выцветшими чернилами: «Максиму 3 года. Если ты это читаешь, я люблю тебя. Мама».

Смотрю на фото. Пальцы слегка дрожат, и внутри всё сжи-

мается.

— Это мать Максима?

— Да. Елена. Мы катались вместе. В паре. Пятнадцать лет назад.

— Она умерла. От болезни. Я читала.

Марина усмехается. Коротко, сухо, без веселья.

— Это он сказал. Чтобы никто не искал. Она не умерла. Сбежала.

— От мужа?

— От него, — Марина засовывает руки в карманы, смотрит куда-то в сторону. — Он сломал ей колено. Намеренно. На тренировке, когда она сказала, что уйдёт и заберёт сына. Сказал: «Если не будешь кататься, ты никто». И сломал.

Внутри холодеет. Представляю. Лёд, свет, чужие глаза. Он подходит, говорит что-то тихо, улыбается. Потом удар. Хруст. Крик.

— Она смогла сбежать через два года. Но без Максима. Он сказал: если попытается забрать сына, признают невменяемой, лишат прав. Она жила в страхе. До сих пор живёт.

— Почему вы говорите мне?

— Потому что вы единственная, кто может ему сказать. Он должен знать. Всю жизнь думал, что мать бросила. А она ждала, когда он вырастет и сможет сам её найти.

Смотрю на фотографию. На женщину. На мальчика.

— Где она?

— В маленьком городе. Живёт под чужим именем. Если

хотите встретиться — я скажу.

— Скажите.

В это же время в своей комнате Максим сидит на кровати, телефон в руке. На экране — лицо отца. Андрей Вячеславович в дорогом костюме, без галстука, седина на висках. Сидит в кресле, руки сложены.

— Возвращаюсь раньше, — голос холодный. — Через три дня.

— Хорошо.

— Прекрати публичные отношения с этой девчонкой. Немедленно. Иначе последствия будут катастрофическими. Для неё. Для её семьи. Для тебя.

Максим молчит. Смотрит на отца. В его глазах — то, чего раньше не было. Не страх. Не злость. Пустота.

— Ты слышишь меня?

— Слышу.

Кладёт трубку.

В комнату возвращаюсь поздно. Диана уже спит, свернулась калачиком. Сажусь на койку, смотрю на фотографию. Женщина с мальчиком. Максим в три года. Мать, которую он считал мёртвой. Прячу фото под подушку. Диана шевелится, открывает глаза.

— Лера? Что случилось?

— Ничего. Спи.

— Не врѣшь?

— Вру.

— Расскажешь?

— Потом.

Она не настаивает. Отворачивается к стене. Я сижу, смотрю в потолок. Не могу сказать ей. Это не моя тайна.

Ночью не сплю. Открываю ноутбук, ввожу в поиск: «Елена Воронцова фигурное катание». Официальные источники: умерла от редкой болезни, похоронена на Троекуровском кладбище. Статьи сухие, короткие, без деталей. Пролистываю страницы. На одном спортивном форуме нахожу пост. Десятилетней давности. «Куда пропала Елена Воронцова? Говорят, её муж сломал ей колено намеренно. Кто-нибудь знает правду?»

Смотрю на экран. Комментариев нет. Тема заглохла. Но я знаю. Марина сказала правду.

Два дня не могу молчать. На тренировках смотрю на Максима и вижу его другим. Не «железного принца». Не сына тирана. Мальчика, который вырос без матери, думая, что она его бросила. На третий день прошу его прийти на ночной каток.

— Наш место, — говорю. — Нужно поговорить.

— О чём?

— Придѣшь — узнаешь.

Ночью иду на главную арену. Дверь не заперта. Внутри

темно, только синие аварийные лампы по периметру. Лёд блестит, пустой. Сажусь на трибуну, жду. Он приходит через десять минут. Садится рядом. Молчит.

— У меня есть кое-что, — достаю фотографию, протягиваю. — Посмотри.

Берёт. Смотрит. Молчит. Долго. Пальцы сжимают край снимка, костяшки белые.

— Где ты это взяла?

— Мне дала женщина. Марина. Она сказала, что пятнадцать лет назад каталась в паре с твоей матерью.

— Моя мать умерла, — голос ровный, твёрдый. — Когда мне было семь.

— Она жива.

— Не лги.

— Я не лгу.

Встаёт. Отходит к бортику, смотрит на лёд. Спина напряжена, руки сжаты.

— Это провокация. Отца. Или журналистов. Хотят меня сломать.

— Посмотри на фото. Узнаёшь комнату? Игрушки?

Молчит. Смотрит на снимок. Я вижу, как его лицо меняется. Сначала злость. Потом растерянность. Потом что-то ещё — то, что он прячет.

— Я никогда не задавал вопросов, — голос глухой. — Отец сказал — умерла. Я не сомневался.

— Она ждала. Когда ты вырастешь. Когда сможешь сам

её найти.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Потому что ты должен знать. Не сможешь жить, не зная правды.

Стоим друг напротив друга. Синий свет падает на его лицо, делает его чужим, незнакомым. Он смотрит на фотографию, потом на меня.

— Найди эту женщину. Марину. Я хочу встретиться.

— Я уже договорилась. Завтра.

Кивает. Прячет фото в карман. Садится на скамейку, смотрит на лёд. Я сажусь рядом. Беру его за руку. Пальцы холодные, но я сжимаю, не отпускаю.

— Я боялся, — голос тихий. — Всю жизнь боялся, что если начну искать — найду что-то, что разрушит меня.

— Ты сильный.

— Я не железный.

— Знаю.

Сидим на трибуне, держась за руки. Вентиляция гудит где-то подо льдом, лёд трещит, оседает. Он не отпускает. Я не отпускаю. Через три дня встречаемся с Мариной. Она ведёт нас к дому на окраине маленького города. Деревянный, обшитый серым сайдингом, крыша из шифера. Во дворе старые яблони, колодец. У крыльца — женщина. Седая, опирается на трость, лицо бледное, морщинистое. Но глаза — его глаза. Тёмные, глубокие. Смотрит на Максима, не отрываясь. Шепчет:

— Максимка.

Он замирает.

Два дня не нахожу себе места. На тренировках смотрю на Максима и вижу его другим. Не «железного принца». Не сына тирана. Мальчика, который вырос без матери, думая, что она его бросила. Фотография лежит в кармане куртки, греет бок, давит. Каждое утро перекладываю её — из куртки в сумку, из сумки под подушку. Диана спрашивает, что случилось. Говорю: «Ничего». Она не верит, но не настаивает.

На третий день ловлю его после тренировки. Максим выходит из раздевалки, волосы мокрые, сумка на плече. Замечает меня, замедляется.

— Ты чего?

— Приходи сегодня на каток. Наш. Нужно поговорить.

— О чём?

— Придёшь — узнаешь.

Смотрит долго. Кивает.

Ночью иду на главную арену. Коридоры пустые, лампы горят вполнакала, пол бетонный, холодный, ступни в кроссовках немеют. Запасная дверь открывается без скрипа. Внутри темно, только синие аварийные лампы по периметру. Лёд блестит, пустой, ждёт. Пахнет машинным маслом и холодом. Сажусь на трибуну, смотрю на лёд. Жду.

Он приходит через десять минут. Слышу шаги в коридоре, потом скрип двери. Поднимается по ступеням, садится

рядом. Молчит. Ждёт.

— У меня есть кое-что, — достаю фотографию, протягиваю. — Посмотри.

Берёт. Смотрит. Пальцы сжимают край снимка, костяшки белые. Лица не видно — в синем свете только профиль, напряжённая челюсть, сжатые губы.

— Где ты это взяла?

— Мне дала женщина. Марина. Она сказала, что пятнадцать лет назад каталась в паре с твоей матерью.

— Моя мать умерла, — голос ровный, твёрдый, как сталь. — Когда мне было семь.

— Она жива.

— Не лги.

— Я не лгу.

Встаёт. Отходит к бортику, смотрит на лёд. Спина напряжена, руки сжаты в кулаки. Синий свет падает на его плечи, делает их шире, тяжелее.

— Это провокация. Отца. Или журналистов. Хотят меня сломать.

— Посмотри на фото. Узнаёшь комнату? Игрушки?

Молчит. Смотрит на снимок. В тишине слышно, как гудит вентиляция под трибунами, как лёд трещит, оседает. Потом его голос — глухой, чужой:

— Это моя комната. В старом доме. Медвежонок. Я его выиграл на соревнованиях, когда мне было три.

— Твоя мать ждала. Когда ты вырастешь. Когда сможешь

сам её найти.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Потому что ты должен знать. Не сможешь жить, не зная правды.

Стоим друг напротив друга. Синий свет падает на его лицо, делает его чужим, незнакомым. Смотрит на фотографию, потом на меня. В его глазах — то, чего я раньше не видела. Не злость. Не страх. Боль.

— Найди эту женщину. Марину. Я хочу встретиться.

— Я уже договорилась. Завтра.

— Ты с ней говорила?

— Да. Она отвезёт нас к твоей матери.

Кивает. Прячет фото в карман куртки. Садится на скамейку, смотрит на лёд. Сажусь рядом. Беру его за руку. Пальцы холодные, но я сжимаю, не отпускаю.

— Я боялся, — голос тихий. — Всю жизнь боялся, что если начну искать — найду что-то, что разрушит меня.

— Ты сильный.

— Я не железный.

— Знаю.

Сидим на трибуне, держась за руки. Вентиляция гудит где-то подо льдом, лёд трещит, оседает. Он не отпускает. Я не отпускаю. За стенами арены ветер, сосны шумят. Небо чёрное, звёзд не видно.

— Что ты чувствуешь? — спрашиваю.

— Не знаю. Пустоту. И страх. И надежду. Всё вместе.

— Это нормально.

— Знаю.

Молчим. Время тянется медленно, тяжело. Потом он встаёт, тянет меня за руку.

— Идём. Завтра тяжелый день.

— Ты готов?

— Я должен.

Марина встречает нас у ворот Академии. Утро серое, холодное, ветер срывает последние листья с деревьев. Она в тёмной куртке, капюшон натянут, лицо бледное. Смотрит на Максима долго, внимательно.

— Ты похож на неё, — говорит. — Глаза.

— Ведите.

Садимся в её старую машину. Салон тесный, пахнет бензином и мятой. Едем молча. Максим смотрит в окно, я смотрю на него. За окном поля, лес, серое небо. Дорога петляет, машину трясёт на ухабах. Едем час, может, больше. Я потеряла счёт времени.

Город маленький, одноэтажные дома, кривые улицы. Машина останавливается у деревянного дома, обшитого серым сайдингом. Крыша из шифера, во дворе старые яблони, колодец. На крыльце — женщина. Седая, опирается на трость, лицо бледное, морщинистое. Но глаза — его глаза. Тёмные, глубокие.

Максим выходит из машины, идёт к крыльцу. Я остаюсь

сидеть, смотрю через стекло. Он поднимается по ступеням, останавливается напротив неё. Она смотрит на него, не отрываясь. Шепчет:

— Максимка.

Он замирает.

Выхожу из машины. Марина стоит у капота, курит, смотрит в сторону. Я прислоняюсь к дверце, жду.

— Она ждала, — говорит Марина, не глядя на меня. — Каждый день. Каждый год.

— Он не знал.

— Знаю. — Она затягивается, выпускает дым в небо. — Он не виноват. Никто не виноват. Кроме него.

В доме темно, пахнет сушёными травами и яблоками. Полы деревянные, скрипучие, стены оклеены обоями в мелкий цветочек. На подоконниках герань, на столике — вышитая скатерть. В углу старый диван, на нём подушки с кружевами. Женщина сидит на стуле, руки на коленях. Максим стоит напротив.

— Вы живы, — голос глухой, ровный. — Всё это время.

— Жива, — голос тихий, дрожит. — Я хотела вернуться. Сотни раз. Но он сказал: если попытаюсь забрать тебя, признают невменяемой, лишат прав. Ты бы вырос в интернате. Я не могла.

— Почему не позвонила? Когда я вырос?

— Боялась. Всю жизнь боялась. Он найдёт, уничтожит. И тебя, и меня.

Максим подходит ближе. Садится на стул напротив. Смотрит на её руки, на трость, на шрам над коленом, который видно сквозь тонкую ткань брюк.

— Он сломал тебе колено, — не спрашивает.

— Да. Когда я сказала, что уйду и заберу тебя. Сказал. «Если не будешь кататься, ты никто». И сломал.

— Вы не катались больше.

— Не могла. И не хотела. Он отнял всё. Но я выжила. Ради тебя.

Максим молчит. Смотрит на неё. Потом берёт за руку. Пальцы её холодные, тонкие, дрожат.

— Я думал, вы бросили меня, — голос срывается. — Всю жизнь думал.

— Я никогда не бросала. Ждала. Когда ты вырастешь. Когда сможешь сам меня найти.

Сжимает его руку. Слезы текут по её щекам, она не вытирает. Максим смотрит на неё, и я вижу, как его лицо меняется. Сначала шок, потом гнев, потом глубокая печаль. Он наклоняется, обнимает её. Она прижимается к нему, прячет лицо у него на плече. Плечи её дрожат.

— Я здесь, — голос глухой. — Я пришёл.

Выхожу на крыльцо. Сажусь на ступеньку, смотрю на небо. Звёзды высыпали мелкие, колючие. Во дворе старые яблони, ветки голые, тянутся к небу. Тишина. Только где-то далеко лает собака. Марина стоит у калитки, смотрит на дом.

— Пятнадцать лет, — говорит. — Ждала. И дождалась.

— Он придёт к ней. Будет навещать.

— Знаю. — Она усмехается. Коротко, сухо. — Он похож на неё. Не на отца.

— Я знаю.

Дверь открывается. Максим выходит, закрывает за собой. Глаза красные, но лицо спокойное. Садится рядом, молчит.

— Что теперь? — спрашиваю.

— Хочу, чтобы она приехала в Академию. Хочу, чтобы все знали. Она жива.

— Это будет скандал. Отец...

— Знаю.

— Ты готов?

— Я должен. Она ждала пятнадцать лет.

Беру его за руку. Пальцы тёплые, сухие. Не отпускаю.

— Мы будем рядом. Я. Диана. Саша. Все, кто верит нам.

— Я знаю.

Смотрит на меня. В его глазах — то, чего я раньше не видела. Спокойствие.

Через неделю мать Максима приезжает в Академию. Утром, тихо, без журналистов, без камер. Я встречаю её у ворот. Елена опирается на трость, идёт медленно, смотрит по сторонам. Останавливается, разглядывает стеклянные корпуса, купола, сосны.

— Здесь вырос мой сын, — голос тихий.

— Здесь он стал человеком, — отвечаю.

У входа в главный корпус — Максим. Ждёт, руки в карманах, лицо спокойное. Когда мать подходит, делает шаг вперёд. Обнимает. Не прячась. При всех.

Стипендиаты смотрят из окон, элита выходит в коридоры. Никто не смеётся. Диана стоит в толпе, смотрит, улыбается. Алиса тоже здесь — в дальнем углу, бледная, сжатая. Я смотрю на неё, она отводит взгляд.

Директор Академии принимает Елену в своём кабинете. Растерян, бледен, но не может отказать. Мать Максима жива. Это факт. С этим придётся жить.

Вечером звоню матери. Видеосвязь, экран ноутбука. Она сидит дома, на диване, в старой кофте, лицо спокойное, глаза блестят. Рядом — Елена. Две женщины, сломленные разными мужчинами, но не сдавшиеся. Смотрят друг на друга.

— Мы вырастили хороших детей, — говорит моя мать.

— Да, — Елена кивает. — Хороших.

Потом выходят на лёд. Мы с Максимом. Лёд пустой, синие лампы горят ровно. Катаемся молча, просто так, без музыки. Лезвия режут тишину, оставляют следы.

— Ты справился, — говорю.

— Я бы не справился без тебя. Ты показала мне, что правда важнее страха.

— Мы показали друг другу.

Останавливается, смотрит на меня. В его глазах — то, что я видела в первый раз на ночном катке. Живое.

— Начинаем подготовку к новому сезону. Гран-при, от-

бор на чемпионат мира.

— Мы готовы.

— Мы семья.

Улыбается. Я тоже.

Выходим с катка. На улице ветер стих, сосны замерли, небо чистое. Звёзды мелкие, колючие. Идём к малому корпусу. У входа Диана ждёт, улыбается.

— Письмо пришло, — протягивает конверт. — От отца Максима.

Беру. Конверт плотный, бумага дорогая. На обратной стороне — герб, печать. Максим смотрит на меня.

— Открывай.

Разрываю. Внутри лист, ровные строчки, без единой пометки. Читаю вслух.

— «Требую личной встречи. С Лерой и Максимом. Не как спортсменами. Как людьми, которые разрушили мою семью».

Максим молчит. Смотрит на письмо, потом на меня.

— Что скажешь?

— Пойдём. Встретимся. Скажем всё. Лицом к лицу.

— Он опасен.

— Я знаю. Но мы больше не боимся.

Прячу письмо в карман. Беру его за руку. Идём в комнату. Завтра начнётся новый бой. Но теперь мы знаем, что правда сильнее страха.

ГЛАВА 9. ПРЕДЕЛ

Ресторан при Академии закрыт для посторонних. Когда мы подходим к стеклянным дверям, охранник в чёрном костюме молча отступает, пропуская. Внутри не горит верхний свет, только лампы на столах — жёлтые, мягкие, они выхватывают из темноты белые скатерти, тяжёлые приборы, цветы в высоких вазах. Пахнет воском и дорогим деревом. За одним из столов, у окна, сидит отец Максима. Костюм безупречный, волосы зачесаны назад, лицо спокойное, как у человека, который пришёл не обсуждать, а диктовать. Рядом с ним адвокат — тот самый, с комиссии. Перед ними стопка бумаг, перевязанная белой лентой.

Максим напряжён. Я чувствую это по его плечам, по тому, как сжаты кулаки, как челюсть сведена, желваки играют под кожей. Беру его за руку. Пальцы холодные, но он сжимает в ответ — крепко, почти до боли. Идём к столу. Каблуки тонут в ковровине, звук шагов глохнет, не разносится по пустому залу. Садимся. Под столом наши руки не расцепляются.

Отец смотрит на нас. Взгляд скользит по лицу сына, по мне, останавливается на наших сцепленных пальцах. Ничего не говорит. Кивает адвокату.

— Я готов закрыть вопрос, — голос ровный, без эмоций.
— Я не буду препятствовать карьере Максима. Не буду трогать вашу мать. Не буду судиться.

Внутри всё сжимается. Он говорит это так спокойно, словно речь о погоде или о сделке, которую можно обсудить за ужином. Адвокат пододвигает бумаги через стол. Листы плотные, шуршат. На верхнем — заголовок крупно, печать, подпись. «Заявление о ложности обвинений». Взять ручку — и всё закончится. Мать будет в безопасности. Максим останется в спорте. Мы сможем жить. Не взять — и война продолжится. Исход неизвестен.

Я смотрю на бумаги, на ровные строчки, на чужую подпись в углу. Не беру.

— Я не буду лгать, — голос ровный, хотя внутри всё дрожит. — Всё, что я сказала, — правда. У меня есть доказательства. Видео, показания свидетелей. Вы предлагали мне контракт. Ваш человек приходил в больницу к моей матери.

Отец усмехается. Коротко, сухо, без веселья. Снимает очки, протирает стёкла белой тканью. Движения медленные, отточенные, каждое — контроль над собой.

— Доказательства можно оспорить, — надевает очки, смотрит поверх оправы. — А вот здоровье вашей матери — вещь хрупкая.

Слова падают в тишину, тяжёлые, как камни. Внутри всё обрывается. Колотится сердце, пульс стучит в висках. Я сжимаю пальцы, ногти впиваются в ладони. Максим рядом дёргается, я чувствую, как его рука напрягается, как пальцы впиваются в мою ладонь. Он встаёт. Стул отодвигается с сухим скрипом, ножки царапают пол. Лицо белое, глаза чёр-

ные, сжатые кулаки.

— Если ты тронешь её семью, — голос тихий, страшный своей спокойностью, — я сам пойду в полицию. Расскажу всё. Про маму. Про то, как ты сломал ей колено. Про то, как ты угрожал ей годами. У меня есть доказательства. Есть она сама. Живая.

Отец бледнеет. Впервые я вижу на его лице не контроль, не холод, а растерянность. Руки, которые только что протирали очки, замирают. Он медленно встаёт, опираясь руками о стол, будто ноги не держат. Белая скатерть собирается складками под его пальцами.

— Ты не посмеешь. Ты — Воронцов.

— Я — сын Елены Воронцовой, — голос твёрдый, не дрожит. — И я больше не твой.

Тишина. Настолько плотная, что слышно, как тикают часы на стене, как за окном ветер качает сосны, как в груди у меня колотится сердце, готовое вырваться наружу. Отец смотрит на сына, потом на меня. Медленно, очень медленно, будто каждое движение стоит ему огромных усилий, хватает со стола бумаги, суёт адвокату. Разворачивается. Идёт к выходу.

У двери останавливается. Не оборачивается.

— Вы пожалеете, — голос глухой, чужой. — Оба.

Дверь открывается, закрывается. Стекло дрожит в раме, тонко, протяжно звенит. Максим стоит, смотрит туда, где исчез отец. Кулаки сжаты, дыхание тяжёлое, плечи поднима-

ются и опускаются, будто после бега. Беру его за руку, тяну вниз. Садится. Смотрит на меня. В его глазах — усталость, злость, облегчение. Всё вместе.

— Мы выиграли, — голос хриплый.

— Битву, — поправляю. — Не войну.

— Но сегодня — выиграли.

Кивает. Я чувствую, как его пальцы переплетаются с моими, сжимают. За окном темно, сосны шумят, небо чёрное, звёзд не видно. Мы сидим в пустом ресторане, среди белых скатертей и цветов, и я знаю: это не конец. Такие люди не сдаются. Но сегодня мы выиграли. Сейчас — этот момент, его рука в моей, его дыхание рядом, тишина, в которой больше нет угрозы. Пусть до утра. Пусть до следующего боя. Сегодня — мы выиграли.

Город встречает нас холодным ветром с реки и низким серым небом, которое давит так, что плечи сами поднимаются к ушам. Из окна автобуса я смотрю на незнакомые улицы, на вывески на чужом языке, на людей, которые идут по своим делам и не знают, кто мы. Здесь никто не читал статей. Здесь не знают скандалов. Здесь знают только прыжки, баллы, места. Или нет.

Автобус подъезжает к катку. Стекланные стены отражают низкое небо, флаги над входом хлопают на ветру, на площадке перед ареной толпятся журналисты. Я вижу их через стекло — камеры, микрофоны, лица, которые ждут. Выходим

первыми. Щёлкают затворы, кто-то выкрикивает моё имя, но я не разбираю слов. Ветер бьёт в лицо, волосы выбиваются из пучка, липнут к щекам. Максим рядом, его рука на моей спине — коротко, крепко, только для меня.

В раздевалке тихо. Ковролин глушит шаги, лампы горят ровно, стулья расставлены вдоль стен, на вешалках — формы разных сборных. Снимаю чехлы с коньков. Пальцы чуть дрожат. Лезвия блестят, отполированы до зеркального блеска, царапин нет. Но я помню. Форма новая — тёмно-синяя, ткань мягкая, ложится по телу, не жмёт, не колется. Диана выбрала перед отъездом, сказала: «Пусть видят, какая ты». Я не знаю, что они увидят. Но я знаю, что покажу.

Рядом кто-то смеётся, включает музыку на телефоне, девчонки из другой сборной перебрасываются вещами, обсуждают прыжки. Я смотрю на них, они смотрят на меня. Не отвожу взгляд. Достая телефон, смотрю на сообщение от матери: «Я смотрю. Ты справишься». Экран гаснет, я убираю его в карман.

Ко мне подходит девушка. Высокая, светлые волосы собраны в высокий хвост, форма сборной Канады. Я видела её на прошлых соревнованиях — она брала серебро на юниорском чемпионате мира. Стоит, мнётся, пальцы теребят край куртки.

— Вы Лера? — акцент мягкий, голос тихий.

— Да.

— Я читала статью, — смотрит прямо, не отводит взгляд.

— У нас в стране тоже такая система. Спорт только для богатых. Талант без денег — ничто.

Внутри что-то ёкает. Смотрю на неё. В её глазах — то, что я видела у Дианы, у Саши, у стипендиатов в столовой. Надежда.

— Я хотела сказать спасибо, — продолжает. — Вы заговорили. Может, теперь всё изменится.

— Изменится, — голос ровный, но я чувствую, как он дрожит. — Если мы не будем молчать.

Она кивает, улыбается. Уходит. Я остаюсь одна. Внутри — странное, тягучее чувство. Наша история стала больше, чем просто нашей жизнью.

Разминка. Выхожу на лёд, и свет заливают арену, бьёт в глаза, отражается от белого льда, от стеклянного купола. Трибуны полны — люди, флаги, камеры. Гул голосов, смех, кто-то кричит. Я чувствую взгляды. На нас смотрят. На пару, которая принесла грязь в чистый спорт. Или на героев. Я не знаю. Мне всё равно.

Лёд идеальный, ровный, упругий. Чувствую его под лезвиями, он пружинит, отталкивает. Делаю круг, второй. Тело разогревается, мышцы работают, колено не болит. Максимум рядом, я слышу его движение, его дыхание, его ритм. Мы синхронны как никогда. Тренер Олег Николаевич стоит у бортика, руки скрещены, наблюдает. Кивает. Один раз. Коротко.

Короткая программа. Становлюсь в стартовую позицию.

Руки подняты, голова чуть назад. Тишина давит на уши, я слышу, как колотится сердце, как кровь шумит в висках. Первый аккорд — и я начинаю движение.

Не думаю. Не контролирую. Просто чувствую. Прыжки — отталкивание, ось, вращение, приземление. Чисто. Поддержка — его руки поднимают меня, я лечу, не боюсь, доверяюсь. Дорожка шагов — ноги сами помнят, тело само ведёт. Музыка заполняет лёгкие, грудь, голову. Я не слышу зал, не вижу трибун, не думаю о судьях. Только лёд, только движение, только он за спиной.

Финальная поза. Музыка стихает. Тишина — на секунду, на две. Потом зал взрывается аплодисментами. Они встают. Я слышу их, но не верю. Смотрю на табло. Цифры складываются. Первое место.

Максим подъезжает, обнимает. Пальцы на талии, дыхание рядом, горячее, частое.

— Мы сделали это, — голос хриплый.

— Мы только начали.

В микст-зоне толпа журналистов. Камеры направлены на нас, микрофоны тянутся, перебивают друг друга. Свет бьёт в глаза, я щурюсь, но не отвожу взгляда.

— Вы не боитесь, что ваша личная история затмит спортивные достижения?

Смотрю прямо в камеру. Максим рядом, его рука на моей спине, пальцы чуть сжимают, поддерживают.

— Наша личная история — это часть нашего спорта, —

голос ровный, твёрдый. — Мы катаемся так, потому что чувствуем так. Потому что прошли через всё это. И не сломались.

Журналисты переглядываются. Кто-то аплодирует. Максим улыбается. Я чувствую, как его рука сжимает мою.

Выходим из микст-зоны. За стенами катка темно, ветер стих, небо прояснилось, звёзды высыпали мелкие, колючие. Садимся в автобус, он берёт меня за руку.

— Завтра произвольная, — голос тихий.

— Мы готовы.

— Мы докажем.

Киваю. Смотрю в окно. Впереди — новый день, новая программа, новые прыжки. Завтра мы выйдем на лёд и покажем, кто мы есть. Не просто история. Спортсмены. Чемпионы.

Программа начинается идеально. Лёд слушается, музыка ведёт, я не думаю — просто чувствую. Первая поддержка: Максим поднимает меня, я лечу, руки расправлены, в зале тишина, потом вздох восхищения. Прыжки: тройной флип — отталкивание, ось, вращение, приземление. Чисто. Каскад — тройной тулуп, двойной тулуп. Чисто. Дорожка шагов — ноги сами идут, дыхание ровное. Он рядом, я слышу его, чувствую его ритм. Мы одно целое.

На середине программы — резкая боль. В правом колене. Как удар ножом, как вспышка, от которой темнеет в глазах.

Это колено — то самое, которое я ушибла в первый день, когда меня подрезали на малом катке. Оно выло, пульсировало, но я не обращала внимания. А сейчас — боль такая, что нога подкашивается. Пальцы немеют, пот заливает глаза, я не вижу льда, только белое пятно перед собой.

Вхожу в прыжок. Отталкиваюсь левой, правая должна идти вверх. Не идёт. Теряю ось, лечу вниз. Падение — лёд встречает плечо, руку, колено. Больно. Темнота на секунду, потом свет, потом снова боль. В ушах шум, трибуны вздыхают — тысячи людей выдыхают одновременно. Я слышу этот вздох, он накрывает меня, давит, вдавливают в лёд.

Максим рядом. Не спрашивает. Просто подаёт руку. Берусь, он тянет, поднимает. Колено не держит, подкашивается, но я стою. Смотрю на него. Он понимает. Молча кивает. Пот с его лица капает на лёд.

Докатываем программу на одном дыхании. Прыжки пропускаю — вхожу в них и выхожу, не собирая. Тело не слушается, каждое движение отдаётся в колене, искры из глаз. Но я не останавливаюсь. Он рядом, его рука на моей талии, держит, не даёт упасть снова. Чувствую, как он напряжён, как его пальцы впиваются в ткань формы, как дыхание сбивается. Он тоже боится. Но не показывает.

Финальная поддержка. Он поднимает меня, я держусь, сколько могу. В глазах темнеет, боль накатывает волной, но я не закрываю их. Смотрю вверх, на купол, на свет, на себя в этом прыжке. Опускает медленно, плавно, будто я хрусталь-

ная. Лезвия касаются льда, и нога подкашивается. Он подхватывает, не даёт упасть. Музыка стихает. Зал аплодирует — я слышу их, но не верю. Не за технику. За мужество.

Максим не отпускает. Я опираюсь на него, чувствую, как дрожит его рука, как тяжело он дышит. Смотрю на табло — цифры расплываются, не могу прочитать. Не нужно. Он подхватывает меня на руки, несёт к бортику. Врачи уже ждут, лица встревоженные, кто-то кричит, кто-то машет руками. Я не слышу. Только его дыхание, только его руки, которые держат крепко-крепко.

— Не бросай меня, — шепчу.

— Никогда, — отвечает.

В медпункте пахнет лекарствами и спиртом. Свет яркий, режущий, холодный. Меня кладут на кушетку, кто-то щупает колено, я сжимаю зубы, чтобы не кричать. Максим рядом, держит за руку. Пальцы его дрожат. Врач что-то говорит, я не разбираю слов. Только боль, только пульс в ушах, только его лицо — бледное, сжатое, глаза чёрные, страшные.

— Разрыв мениска, — голос врача пробивается сквозь шум. — Нужно сделать снимок, но предварительно — да. Сезон под угрозой.

Смотрю на Максима. В его глазах — страх. Не за турнир, не за медали. За меня.

Врач говорит, я не слышу. Слова долетают отдельными кусками: разрыв, мениск, операция, восстановление, полго-

да, сезон потерян. Второй врач, молодой, с тёмными кругами под глазами, смотрит на меня поверх бумаги.

— Если делать сейчас, восстановление займёт полгода. До конца сезона вы не вернётесь.

— А если не делать?

— Если продолжите с обезболивающими, — он замолкает, переглядывается с коллегой, — можно сорвать колено окончательно. Карьера закончится.

Карьера закончится. Слова висят в воздухе, тяжёлые, холодные. Смотрю на свои колени, на распухшее правое, на синеву, которая расползается под кожей. Пальцами трогаю — больно, горячо. Максим рядом, я чувствую, как он замер, как не дышит. Его рука на моей, пальцы холодные, сжимают так, что костяшки белеют.

— Я хочу продолжить, — голос ровный, не дрожит. — Мы не можем сдаться. Это наш шанс.

Максим резко оборачивается. Лицо белое, глаза тёмные, челюсть сжата так, что желваки играют под кожей. Я видела его злым, уставшим, напуганным. Таким — нет.

— Твоё здоровье важнее, — голос тихий, но в нём металл. — Я не позволю тебе калечиться ради спорта.

— Не ради спорта. Ради нас.

— Ради нас ты будешь ходить, — встаёт, смотрит сверху вниз. — Через год. Через два. А не на обезболивающих, пока колено не рассыплется.

— Если мы не выиграем этот сезон, стипендия уйдёт дру-

гой. Мать останется без лечения. Брат будет донашивать чужие вещи.

— Я найду деньги.

— Чем? Деньгами отца?

— Своими. — Он наклоняется, берёт меня за плечи. — Я найду. Слышишь? Я найду.

Смотрю на него. В его глазах — что-то, чего я раньше не видела. Не злость, не страх. Отчаяние.

Выхожу. Коридор пустой, лампы горят ровно, пахнет лекарствами и дезинфекцией. Сажусь на скамейку, прислоняюсь спиной к стене. Пластик холодный, жёсткий, впивается в спину. Колено пульсирует, боль отдаёт в бедро, в поясницу, в затылок. Достая телефон. Диана. Видеосвязь. Она отвечает сразу, лицо встревоженное, в кадре наша комната, настольная лампа горит, на столе учебники.

— Ты как?

— Врачи сказали: операция. Или рискнуть.

— А ты что хочешь?

— Хочу продолжить.

— Лера, — голос твёрдый, не такой, как раньше. — Ты всегда боролась. Всегда шла напролом. Но иногда бороться — это не идти напролом. Иногда бороться — это сохранить себя для будущего.

— Если я выбываю, стипендию отдадут другой. Мать...

— Я поняла, — перебивает. — Но если ты сломаешь колено окончательно, ты не сможешь кататься вообще. Нико-

гда. Что тогда будет с мамой? С тобой?

Молчу. Смотрю на свои руки, на пальцы, сцепленные на колене. Она права.

— Подумай, — говорит. — Не сейчас. Завтра. Но помни: ты не одна.

Сбрасываю. Сажу, смотрю на стену.

В это же время Максим в своей комнате. Сидит на кровати, телефон в руке, на экране — мать. Елена в старой кофте, лицо бледное, волосы седые, но глаза живые, блестят.

— Я не знаю, что делать, — голос глухой. — Она не слушает меня. Хочет рискнуть.

— Ты не можешь решать за неё, — голос тихий, спокойный. — Но ты можешь быть рядом. Что бы она ни выбрала.

— А если она выберет неправильно?

— Её выбор. Твоё дело — быть рядом. Поддержать. Не дать сломаться.

— Я боюсь.

— Знаю, сынок. Но страх — это не слабость. Это значит, что тебе есть что терять.

Максим сжимает телефон, смотрит на экран. Мать улыбается.

— Иди к ней. Будь рядом.

Ночью я не сплю. Лежу в гостиничной кровати, смотрю на потолок. Колено пульсирует, под бинтом горячо. Мысли лезут одна за другой: мать на перроне, брат в куртке на три размера больше, письмо отца Максима, его человек в палате.

Если мы не выиграем этот сезон, стипендию отдадут другой. Мать останется без лечения. Брат будет донашивать чужие вещи. Вспоминаю слова Максима: «Твоё здоровье важнее». Вспоминаю Диану: «Сохранить себя для будущего». Вспоминаю мать: «Ты сильная. Ты справишься».

Поворачиваюсь на бок, смотрю на дверь. За ней — коридор, лифт, его комната. Он не спит. Я знаю.

Утром встаю, опираясь на стену. Колено не гнётся, боль тупая, но терпимая. Натягиваю штаны, застёгиваю куртку. Иду к его номеру. Стучу. Открывает сразу — не спал, волосы мокрые, глаза красные.

— Я согласна на операцию.

Он выдыхает. Обнимает. Крепко, так, что трудно дышать. Чувствую, как он дрожит. От облегчения.

Операция длится два часа. Я не чувствую ничего — наркоз уносит в темноту, без снов, без мыслей. Когда прихожу в себя, первое, что вижу, — белый потолок, лампы под ним, ровный свет. Второе — его лицо. Максим сидит на стуле у кровати, руки сжаты, глаза красные. Увидел, что я открыла глаза, наклоняется, берёт за руку. Пальцы тёплые, сухие.

— Всё хорошо, — голос хриплый. — Всё прошло.

Киваю. Говорить не могу. Во рту сухо, в теле слабость. Но он рядом. Сжимаю его руку. Он не отпускает.

Через неделю возвращаюсь домой. Выхожу из такси, опи-

раясь на костыли. Колено заковано в жёсткий ортез, нога не гнётся, каждый шаг — маленькая победа. Смотрю на хрущёвку из силикатного кирпича, на облупившуюся краску подъезда, на сломанный домофон. Всё то же. Но я другая.

Мать ждёт внизу. В старой шали, лицо бледное, но глаза блестят. Увидела меня, бросилась навстречу, обняла. Плачет. Я чувствую, как её плечи дрожат, как она прижимается, боится отпустить.

— Вернулась, — шепчет.

— Вернулась.

Брат стоит рядом. Вырос, стал выше меня, плечи шире, голос ломается. Молчит, но руку сжимает крепко.

— Привет, сестрёнка.

— Привет.

Входим в подъезд. Лестница узкая, ступени стёрты, перила шатаются. Поднимаюсь медленно, переставляя костыли. Мать рядом, поддерживает, не даёт упасть. На четвёртом этаже останавливаюсь, смотрю на дверь. Тринадцатая квартира. Моя.

Дома пахнет пирогами и чистотой. На кухне на столе — тарелка с горькой, накрыта полотенцем. Мать суетится, ставит чайник, достаёт чашки. Брат заносит сумку, ставит в прихожей. Я иду в свою комнату. Девять метров, железная кровать, письменный стол, исписанный формулами. Над столом плакат с фигуристкой, вырезанный из журнала. На подоконнике — старые коньки, которые уже не налезают. Сажусь на кро-

вать, смотрю в окно. Напротив — стена соседнего дома, серая, унылая. Но здесь моё. Напряжение последних месяцев отпускает. Плечи опускаются, дыхание становится глубже.

Мать заходит, садится рядом. Молчит. Я кладу голову ей на плечо.

— Всё будет хорошо, — говорит.

— Знаю.

Через две недели приезжает Максим. Я слышу шаги в коридоре, голос матери, потом его — тихий, спокойный. Сердце колотится, я сижу на кровати, смотрю на дверь. Он входит. В простой куртке, джинсах, кроссовках, с пакетом в руках. Останавливается, смотрит на маленькую комнату, на плакат, на коньки на подоконнике. Ничего не говорит. Подходит, садится рядом. Протягивает пакет. Внутри — шоколадные батончики. Мои любимые.

— Ты теперь мой тренер по реабилитации, — улыбается.

— Будешь показывать упражнения.

— Буду, — смеюсь.

Мать смотрит на нас из коридора. Потом заходит, подходит ближе. Смотрит на Максима долго, изучающе. Он не отводит взгляд.

— Ты не железный, — говорит. — Ты просто мальчик, который любит мою дочь.

— Да, — голос тихий. — Просто мальчик.

Она кивает, улыбается, выходит. Мы остаёмся вдвоём.

Гуляем по городу. Я опираюсь на костыли, он рядом, не предлагает помощь, не суетится. Просто идёт рядом. Сворачиваем к реке. Замёрзшая, чёрный лёд, снежные наносы. Ветер холодный, щиплет щёки. Останавливаемся у берега. Он смотрит на лёд, на трещины, на пузыри воздуха под поверхностью.

— Здесь начиналась чемпионка.

— Здесь начиналась я, — поправляю.

— Одно и то же.

Беру его за руку. Пальцы тёплые, сухие. Идём дальше.

Реабилитация начинается с простого: сгибать, разгибать, не перегружать. Каждый день по часу, потом по два. Максим приезжает каждую неделю, привозит новые упражнения, следит, чтобы не переусердствовала. Диана звонит каждый день, рассказывает, как дела в Академии, как стипендиаты, как Саша в сборной. Мать кормит пирогами, смотрит, чтобы ела вовремя. Брат приносит из магазина, молчит, но я чувствую — гордится.

Через месяц снимают ортез. Колено худое, мышцы атрофировались, нога похожа на палку. Начинаю заниматься в бассейне — вода снимает нагрузку, я плаваю, делаю упражнения, чувствую, как тело просыпается.

Через два месяца встаю на коньки. Не на лёд — на полу, в комнате. Старые коньки, которые не налезали, но я их за-

тягиваю. Стою, держась за спинку кровати. Колено ноет, но терпимо. Делаю шаг. Второй.

Максим смотрит с порога, не заходит. Ждёт.

— Получается? — голос тихий.

— Получается.

Улыбается.

Через три месяца едем на маленький каток в городе. Тот самый, где я начинала. Лёд серый, с трещинами, неровный. Внутри холодно, пахнет сыростью и машинным маслом. Никого нет, только мы. Сажусь на скамейку, затягиваю шнурки. Выхожу на лёд. Первый шаг — лезвие режет поверхность, знакомо, привычно. Второй — колено слушается. Третий — набираю скорость. Он ждёт у бортика, смотрит. Подъезжаю, останавливаюсь напротив. Дышу тяжело, но внутри — легко.

— Пошли работать.

Улыбается. Выходит на лёд. Берёт меня за руку. Впереди — новый сезон, новые соревнования, новая жизнь. Но я не боюсь. Я не одна.

ГЛАВА 10. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Холл Академии встречает запахом воска и чистящего средства. Знакомый, до боли. Я стою у входа, сжимаю лямку сумки, смотрю на стойку из белого камня, на вазу с орхидеями, на мягкие диваны серого цвета. Всё то же. Стекло-нные стены, свет, простор. Только я другая. Три месяца. Три месяца я не была здесь. Колено заковано в ортез, костыли остались дома, но нога ещё не верит, что может держать. В груди теснится — страх, волнение, надежда. Всё вместе, комом, не продохнуть.

Диана выбегает из бокового коридора. Я замечаю её не сразу — она изменилась. Волосы распущены, на ней не серая кофта, а синий свитер, лицо спокойное. Но глаза — те же, широкие, испуганные и радостные одновременно. Подбегает, обнимает. Крепко, так, что сумка падает на пол. Пахнет от неё яблоками и бумагой.

— Ты вернулась, — голос срывается, она прячет лицо у меня на плече.

— Вернулась.

Киваю, но внутри не уверена. Нога дрожит под тяжестью, колено пульсирует, хотя боли нет. Страх. Просто страх. Диана отпускает, смотрит на меня, улыбается.

— Идём. Там всё по-старому. Ну, почти.

— Алиса?

— Уехала. Ещё до твоей операции. Отец забрал. Говорят, в другую академию, но я не верю.

Не спрашиваю куда. Не нужно.

В раздевалке малого корпуса всё так же пахнет сыростью и хлоркой. Стены бледно-зелёные, лампы мерцают. Моё место у батареи свободно, как будто меня ждали. Диана садится рядом, открывает шкафчик. Внутри чисто, на вешалке — новая форма. Тёмно-синяя, ткань мягкая. Рядом коробка. Я не видела её раньше.

— Это Максим, — Диана кивает на коробку. — Сказал, чтобы я положила. С днём рождения.

День рождения был месяц назад. Я встречала его дома, на кухне, с маминым пирогом и свечкой. Он звонил, говорил долго, но о подарке не сказал ни слова. Открываю коробку. Коньки. Новые. Кожа белая, лезвия блестят, шнурки завязаны бантом. Внутри, на язычке, выбиты инициалы: В. С. Провожу пальцем по буквам, чувствую гладкость металла, тепло, которое ещё держится. Он держал их в руках. Затыгивал шнурки, проверял, как сидят. Меня не было рядом, но он знал, какой размер, какая полнота, какая колодка. Знал. Снимаю чехлы со старых коньков — тех, с царапиной, которую я стёрла, но не забыла. Убираю в сумку. Новые ставлю на скамейку, разглядываю. Лезвия острые, точили недавно. Надеваю. Нога входит плотно, как влитая. Колено не болит. Шнурки затыгиваю туго, до хруста в пальцах. Диана молчит, смотрит. Улыбается.

— Пошли, — говорю.

— Пошли.

Главная арена. Стекланный купол, свет, лёд. Трибуны пустые, только у бортика — он. Максим в тренировочной форме, руки на бортике, ждёт. Я выхожу на лёд, держусь за борт. Первый шаг — лезвие режет поверхность, я чувствую каждый сантиметр, каждую трещину. Второй — нога не подкашивается. Третий — отпускаю борт. Он подъезжает, протягивает руку. Ладонь раскрыта, пальцы чуть дрожат. Я вижу.

— Я здесь, — голос тихий.

— Я знаю.

Беру его руку. Пальцы тёплые, сухие. Он ведёт меня по кругу, медленно, не торопя. Лёд скользит под коньками, как старый друг, который помнит меня. Слезы наворачиваются, я не вытираю. Не от боли. От облегчения. Я чувствую, что могу. Я чувствую, что жива. Мы катаемся молча. Круг, второй, третий. Он не отпускает, я не прошу. На трибуне, в дальнем углу, Диана. Напротив, у бортика, тренер Олег Николаевич. Стоит, руки скрещены, смотрит. Лицо хмурое, но я замечаю — он не уходит. Ждёт. После тренировки он подходит. Снимает очки, трёт переносицу. Смотрит на меня, на колено, на коньки.

— Медленно, но верно, — голос сухой, ровный. — Не торопитесь. Сезон не за горами.

В его голосе — то, чего я раньше не слышала. Уважение.

— Спасибо, — говорю.

— Не благодари, — надевает очки. — Докажи, что я не зря рисковал.

Разворачивается, уходит.

Максим сжимает мою руку. Мы стоим на льду, одни, только свет, только тишина.

— Получилось, — голос тихий.

— Получилось.

— Я знал.

Смотрю на него. В его глазах — то, что я видела в первый раз на ночном катке. Только теперь не злость, не усталость. Спокойствие. И гордость.

Возвращаюсь в комнату. Диана уже там, сидит на своей койке, в руках конверт. Протягивает.

— Это пришло сегодня. Из Федерации.

Беру. Конверт плотный, бумага дорогая, печать. Внутри — письмо. Читаю. Слова прыгают, не складываются. Вызывают на заседание. Вопрос о восстановлении спортивной лицензии. Туда, где всё начиналось. Туда, где меня хотели уничтожить. Сжимаю бумагу, смотрю на Диану.

— Когда?

— Послезавтра.

— Мы поедем.

— Я с тобой.

Киваю. Прячу письмо в карман. Завтра — дорога. Завтра — новый бой. Но сегодня я стояла на льду. Я каталась. Я вернулась.

Здание Федерации спорта я видела только на фотографиях. Высокое, стеклянное, с колоннами у входа. Перед ним площадь, на флагштоках флаги, ветер треплет, хлопает. Когда подхожу к дверям, внутри всё сжимается. В последний раз я была здесь на комиссии, когда меня хотели выгнать. Тогда я выиграла. Сейчас — другое. Сейчас я пришла не защищаться. Пришла забирать своё.

Максим рядом, его рука на моей спине. С другой стороны — адвокат, которого наняла Академия. Женщина в строгом костюме, лицо спокойное, папка под мышкой. Её наняли защищать интересы Академии, но она смотрит на меня, как на клиента. «Держитесь ближе, — сказала в такси. — Они будут давить. Не показывайте слабость».

Внутри пахнет лаком и бумагой. Пол мраморный, холодный, каблуки стучат, эхо разносится по пустому холлу. Охранник проверяет документы, кивает, пропускает. Лифт поднимает нас на четвёртый этаж. Дверь в зал заседаний открыта. Внутри — длинный стол, накрытый зелёным сукном, вокруг кресла. На стенах портреты, флаг, герб. Свет яркий, режущий, направлен на стул для приглашённых. Нас ждут.

Чиновников пятеро. Трое мужчин, две женщины. Все в строгих костюмах, лица без выражения. Перед ними папки, планшеты, стаканы с водой. В дальнем конце — представитель отца Максима. Я узнаю его по прошлой комиссии. Сидит, листает бумаги, не поднимает головы. Сажусь на

стул. Максим рядом, сзади адвокат. Руки на коленях, пальцы сцеплены, чтобы не дрожали. Колено пульсирует, но я не обращаю внимания. Сегодня не колено главное.

— Валерия Соболева, — председатель, женщина с короткой стрижкой, смотрит на меня. — Ваша спортивная лицензия была приостановлена в связи со скандалом, последовавшим после публикации вашего видео. Сегодня мы рассматриваем вопрос о её восстановлении.

— Я знаю.

— Вы подтверждаете, что всё сказанное в видео — правда?

— Подтверждаю.

Чиновники переглядываются. Представитель отца Максима поднимает голову, берёт слово.

— У нас есть заявление от Андрея Вячеславовича Воронцова, в котором он обвиняет Соболеву в клевете. Он требует лишить её лицензии без права восстановления.

Голос ровный, без эмоций. Слова падают в тишину, тяжёлые, холодные. Внутри всё сжимается, но я не показываю. Смотрю на него, не отвожу взгляда.

— У меня есть право ответить?

Председатель кивает.

— Да.

Встаю. Сумка на плече, в ней — папка. Та самая, которую собирала три месяца. Вынимаю, кладу на стол. Бумаги шуршат, чиновники смотрят.

— Здесь всё. Медицинские справки о состоянии моей матери. Показания свидетелей. Копия контракта, который предлагал мне отец Максима. — Достāju старую фотографию, выцветшую, края потрёпаны. — И письмо Елены Воронцовой. Матери Максима. Той, которую все считали мёртвой.

В зале тишина. Настолько плотная, что слышно, как тикают часы на стене, как за окном шумит ветер. Чиновники замирают. Представитель отца Максима открывает рот, закрывает. Я смотрю на него.

— Здесь она пишет о том, как Андрей Вячеславович сломал ей колено, чтобы она не могла кататься и не забрала сына. Как угрожал ей годами. Как она жила под чужим именем, боясь за свою жизнь.

Голос ровный, не дрожит. Внутри всё кипит, но я держу. Максим рядом, я чувствую, как он напряжён, как его пальцы впиваются в подлокотник кресла. Не смотрю на него. Нельзя.

— Вы утверждаете, что это письмо подлинно? — председатель берёт фотографию, рассматривает.

— Подлинно. Елена Воронцова готова дать показания. Она ждёт за дверью.

Шёпот. Чиновники переглядываются. Представитель отца Максима пытается возразить, но его не слушают. Председатель поднимает руку.

— Комиссия удаляется на совещание.

Выхожу в коридор. Ноги ватные, спина мокрая. Сажусь

на скамейку, прислоняюсь к стене. Пластик холодный, жёсткий, впивается в спину. Максим рядом, берёт за руку. Пальцы горячие, сжимают крепко.

— Что, если они не поверят? — шепчу.

— Тогда мы пойдём дальше, — голос тихий, твёрдый. — Мы не останавливаемся.

— Я устала.

— Я знаю.

Кладёт голову мне на плечо. Я чувствую его дыхание, его тепло. Мы сидим в пустом коридоре, под ровным светом ламп, и ждём. Через час дверь открывается. Председатель выходит, смотрит на нас.

— Зайдите.

В зале всё те же лица. Но я вижу — что-то изменилось. Папки закрыты, стаканы убраны. Представитель отца Максима сидит, смотрит в стол. Председатель берёт слово.

— Комиссия постановила: лицензия Валерии Соболевой восстанавливается. Оснований для отзыва не выявлено. Андрей Вячеславович Воронцов отстраняется от любых контактов с Федерацией на время расследования по факту угроз и фальсификации документов.

Слова падают в тишину, я слышу их, но не верю. Смотрю на Максима. Он улыбается. Я тоже. Выхожу из зала. Ноги не слушаются, но я иду. Вниз по лестнице, через холл, к выходу. На улице ветер стих, небо прояснилось, солнце бьёт в глаза. У входа — она. Елена, мать Максима. Опирается на трость,

лицо бледное, но глаза блестят. Увидела меня, шагнула навстречу. Обнимает. Плечи худые, руки дрожат.

— Ты вернула мне сына, — голос тихий, срывается. — Теперь я хочу помочь тебе вернуться на лёд.

Смотрю на неё. В её глазах — то, что я видела у своей матери. Сила. Та, которая не сломалась.

Елена приходит на каток на следующее утро. Я вижу её ещё издалека — в стеклянном переходе, она идёт медленно, опираясь на трость, останавливается у бортика, смотрит на лёд. Максим уже на льду, делает круг, тормозит рядом. Они не обнимаются, не говорят ни слова. Она просто смотрит на него, он на неё. Потом кивает.

— Начинаем, — голос тихий, но твёрдый.

Тренер Олег Николаевич стоит у бортика, руки скрещены, лицо хмурое. Когда Елена подходит, он снимает очки, трёт переносицу.

— Вы уверены? — голос сухой.

— Я была фигуристкой, когда вы ещё коньки не наточили, — она улыбается. — И у меня есть кое-что, чего нет у вас. Знание того, как не сломаться.

Олег Николаевич усмехается. Коротко, сухо, но спорить не будет. Елена выходит на лёд. Медленно, переставляя трость, ступает на лезвия. Максим подъезжает, протягивает руку, она качает головой.

— Я сама.

Делает круг. Медленный, неуверенный, но я вижу — тело помнит. Руки расправлены, спина прямая, взгляд вперёд. На секунду я вижу не женщину с седыми волосами и тростью, а фигуристку, которая могла бы быть чемпионкой. Которая была. Останавливается напротив меня.

— Покажи, что умеешь.

Начинаю. Простые прыжки, дорожки шагов, вращения. Она смотрит, не отрываясь. Потом подъезжает, берёт за руку, ставит в другую позицию.

— Ты боишься колена, — не спрашивает.

— Да.

— Не надо. Оно уже сильнее, чем было. Ты боялась нагружать его, а надо наоборот. Правильная нагрузка делает мышцы крепче, чем были.

— Откуда вы знаете?

— Я тоже так боялась. После того, как он меня сломал. Думала, если не нагружать, не будет больно. А надо было идти вперёд. Наступать на боль. Идти.

Смотрит на меня. В её глазах — то, что я видела у своей матери, когда она говорила «терпи». Только здесь не терпение. Знание.

Показывает упражнение. То, которое никто не показывал. Простое, но сложное одновременно. Нога идёт вверх, корпус держит, колено не сгибается. Делаю раз, другой. Третий получается. Она кивает.

— Ещё.

Максим смотрит на мать. Я вижу, как его лицо меняется. Не «железный принц», не сын тирана. Сын, который видит мать на льду впервые за пятнадцать лет. Она сильная. Уверенная. Счастливая.

— Она вернулась к жизни, — голос тихий, почти шёпот.

— Ты вернул её, — поправляю.

— Мы.

Катаемся до вечера. Елена не уходит, сидит у бортика, смотрит, подсказывает. Когда колено начинает ныть, говорит: «Хватит на сегодня. Завтра продолжим». Я съезжаю, сажусь рядом, снимаю коньки. Пальцы дрожат от усталости, но внутри — тепло.

— Спасибо, — говорю.

— Не благодари, — она смотрит на сына, который доделывает круг, на лёд, на свои руки. — Я пятнадцать лет ждала, чтобы выйти на лёд. Ты дала мне этот шанс. Теперь я даю тебе.

Через неделю мы начинаем работать над новой программой. Елена приносит диски, ставит в старый плеер, который я не видела со времён маминых кассет. Музыка заполняет лёд, стены, воздух. «Времена года» Вивальди. Зимняя часть.

— Зима — это время, когда всё замирает, — голос тихий.

— Чтобы потом возродиться.

Смотрю на Максима. Он кивает.

— Это про нас.

— Это про нас.

Работаем каждый день. Елена не даёт расслабляться. Показывает, как держать спину, как распределять вес, как дышать. Максим слушает, не перечит. Впервые я вижу его учеником, а не лидером. Он доверяет ей. Она не подводит.

Через две недели после начала тренировок в раздевалку заходит Диана. В руках конверт, лицо взволнованное.

— Это вам. Приглашение на международный турнир в Канаде.

Беру, вскрываю. Бумага плотная, герб, печать. Читаю вслух:

— «Приглашаются пары, показавшие лучшие результаты в отборочных соревнованиях. Валерия Соболева и Максим Воронцов».

Смотрю на него. Он смотрит на меня.

— Это наш шанс.

— Наш шанс.

Диана мнётся у двери.

— Там ещё кое-что.

— Что?

— В списке участников Алиса. С новым партнёром. Она тоже едет.

Внутри всё сжимается. Максим берёт письмо, читает, потом смотрит на меня.

— Боишься?

— Нет. — Голос твёрдый. — Она не та, кого я боялась. Теперь я другая.

— Тогда собираем вещи. Завтра вылетаем.

Елена стоит в дверях, опираясь на трость. Улыбается.

— Я лечу с вами. Кто-то же должен следить, чтобы вы не расслаблялись.

Диана смеётся. Я тоже.

Вечером не сплю. Смотрю на новые коньки, на лезвия, которые блестят в темноте. Канада. Первый турнир после скандала, после травмы, после всего. Алиса будет там. Я не боюсь. Я готова.

В столовую захожу, когда там уже никого нет. Свет выключен, только лампы над раздачей горят ровным жёлтым, пластиковые столы пустые, стулья задвинуты. На стойке остывает кофе, пахнет корицей и молоком. Хотела взять чай, но замираю у входа. В дальнем углу, у окна, сидит Алиса. Одна. Перед ней тарелка с нетронутой едой, руки на коленях, взгляд в пустоту. Я не видела её с того дня, как уехала на операцию. Говорили, что отец забрал её, что она в другой академии, что больше не вернётся. Она вернулась. Или её вернули. Не знаю. Стою, смотрю. Она поднимает голову. Взгляд тусклый, лицо бледное, волосы не уложены, висят просто так, без пучка. Не та Алиса, что в первый день. Не та, что смеялась на лестнице. Не та, что бросала сок.

— Ты пришла, — голос тихий, ровный.

— Пришла.

— Садись.

Не двигаюсь. Она усмехается. Коротко, сухо, без злости.

— Боишься?

— Нет.

— Зря. Мне нечем тебе угрожать.

Сажусь напротив. Стол между нами холодный, пластиковый, на нём разводы от недопитого чая. Алиса смотрит на свои руки, на пальцы, которые когда-то держали телефон, чтобы сфоткать мои коньки. Сейчас они просто лежат на коленях, неподвижные, бледные.

— Я знаю, что ты меня ненавидишь, — голос глухой. — Я хочу, чтобы ты знала: я была не права.

Молчу. Жду. Она поднимает глаза.

— Отец потерял контракты после твоей статьи. Все, кто с ним работал, отказались. Спонсоры ушли. Теперь у нас ничего нет. Академию я больше не потяну. Уезжаю после турнира.

— Куда?

— Не знаю. В какой-нибудь маленький город. Буду работать тренером в детской школе. Если возьмут.

Смотрю на неё. В её глазах — пустота. Не злость, не обида. Усталость.

— Я была жестокой, потому что боялась стать никем, — голос срывается. — А стала никем, потому что была жестокой.

Внутри всё сжимается. Я помню её смех на лестнице. Помню, как она пинала мою форму. Помню слово «мусор»

на лезвии. Не простила. Не смогу. Но и добивать не хочу.

— Я не хочу, чтобы ты проиграла, — голос ровный. — Я хочу, чтобы ты поняла: можно побеждать без унижения других.

Она смотрит долго. Потом кивает. Медленно встаёт, опираясь руками о стол.

— Ты сильнее меня, — голос тихий. — Не на льду. В жизни.

— Я знаю.

— Наглая, — усмехается. Впервые за весь разговор. Не зло, не колко. Просто так.

Уходит. Я смотрю ей вслед. В дверях она останавливается, не оборачивается.

— Удачи в Канаде.

— Удачи тебе.

Дверь закрывается. Я сижу одна в пустой столовой, смотрю на её нетронутую тарелку, на чай, который остыл. Выхожу в коридор. Максим ждёт у стены, прислонившись плечом к косяку. Руки в карманах, лицо спокойное.

— Видел, — говорит.

— Видел.

— Ты простила её?

Качаю головой.

— Нет. Не простила.

— Тогда зачем?

Смотрю на него. В его глазах — вопрос, в котором нет

осуждения.

— Я не хочу быть такой, как она, — говорю. — Не хочу тратить силы на ненависть. Я хочу быть сильнее.

Он кивает. Берёт за руку, ведёт к выходу.

— Пойдём. Завтра летим.

Ночью не сплю. Лежу на своей койке, смотрю в потолок. В голове прокручиваю завтрашний день: аэропорт, самолёт, новый город, новый лёд. Елена будет рядом, Диана тоже. Саша звонил, сказал, что будет болеть из далека. Мать написала: «Ты справишься». Смотрю на новые коньки, которые стоят у изголовья. Лезвия блестят, кожа белая. Завтра они коснутся льда в Торонто. Я готова. Диана дышит ровно, спит. Я закрываю глаза. Завтра начинается новое.

Самолёт идёт на посадку, и уши закладывает так, что мир становится ватным, глухим. Смотрю в иллюминатор — вижу озеро, серое, бескрайнее, берег теряется в дымке. Торонто. Я никогда здесь не была. За спиной кто-то смеётся, стюардесса проходит с мусором, пахнет кофе и пластиком. Максим рядом, листает планшет, показывает что-то Елене. Диана спит, уронив голову мне на плечо. Я не двигаюсь, смотрю, как город приближается, как появляются дома, дороги, мосты. Чужой, далёкий, холодный. Но лёд здесь такой же. Я знаю.

Выходим из самолёта. Воздух другой — не морозный, а сырой, холод пробирает до костей. Небо низкое, серое, об-

лака висят так близко, что, кажется, можно достать рукой. Елена опирается на трость, щурится, смотрит по сторонам. Диана зябко кутается в куртку. Максим подхватывает сумки, и мы идём к выходу. За стеклянными дверями — автобус, табличка с названием турнира, встречающие с микрофонами. Я не смотрю на них. Я смотрю вперёд.

В гостинице нас селят в отдельное крыло. Организаторы знают. Кто-то постарался, чтобы мы не сталкивались с лишними взглядами, лишними вопросами. Диана осматривает номер, трогает шторы, выглядывает в окно. Елена садится в кресло, вытягивает больную ногу. Максим стоит у двери, ждёт, пока я пройду.

— Нравится?

— Слишком чисто, — говорю. — Слишком правильно.

— Привыкнешь.

— Не хочу привыкать.

Он усмехается. Берёт мою сумку, заносит в комнату.

Первая тренировка на основном льду. Арена огромная, купол уходит вверх, свет льётся ровный, белый, без теней. Трибуны пустые, но я чувствую их — завтра они заполнятся. Лёд идеальный, ровный, скользкий. Ступаю на него, и внутри всё замирает. Не страх. Предвкушение.

Максим рядом, разминается, делает круг. Елена стоит у бортика, смотрит, не отрываясь. Диана на трибуне, одна, но я знаю — она здесь. Выхожу на центр. Прыжок. Отталкивание, ось, вращение. Приземление. Колено слушается. Ещё

прыжок. Ещё. Тело разогревается, мышцы работают, дыхание становится ровным. Максим подъезжает, встаёт напротив.

— Как колено?

— Не чувствую.

— Это хорошо?

— Это значит, что я не боюсь.

— Всегда боялась.

— Нет, — смотрю на него. — Я боялась проиграть. Теперь

— нет.

Он протягивает руку. Берусь. Мы катаемся вместе, просто круги, без программы, без музыки. Лезвия режут лёд, звук разносится по пустым трибунам. Я чувствую его дыхание, его ритм. Мы снова вместе. На льду. Всё остальное не важно.

После тренировки, уже в раздевалке, Диана забегает запыхавшаяся, глаза блестят.

— Жеребьёвка завтра утром. Вы в первой разминке.

— Кто ещё?

— Пары из США, Японии, Франции. И Алиса.

Внутри всё сжимается, но я не показываю. Диана смотрит, ждёт.

— И что?

— Ты не боишься?

— Нет.

— Врёшь?

— Немного. Но это не важно.

Вечером сижу на кровати, смотрю на коньки. Новые, белые, лезвия блестят. Максим принёс их перед отъездом, положил на тумбочку, не сказал ни слова. Завтра они коснутся льда. Завтра всё начнётся. В дверь стучат.

— Можно?

Елена входит, садится рядом. Молчит. Потом говорит:

— Я тоже боялась перед первым турниром после травмы.

— И что?

— Вышла на лёд. Сделала прыжок. Упала. Встала. Сделала ещё раз.

— И выиграли?

— Нет, — она улыбается. — Но я поняла, что могу. Что страх не убивает. Он просто есть. С ним можно жить.

Смотрю на неё. В её глазах — то, что я видела у своей матери. И что-то ещё. Своё.

— Завтра я выйду на лёд, — говорю.

— Знаю.

— И не упаду.

— Упадёшь, — она встаёт, гладит меня по голове. — Но встанешь. Это главное.

Дверь закрывается. Я остаюсь одна. Завтра — жеребьёвка. Завтра — первая разминка. Завтра я выйду на лёд.

ГЛАВА 11.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СТАРТ

Четыре утра. Торонто ещё спит. За окном гостиницы только редкие огни — жёлтые точки, рассыпанные по темноте, далеко внизу шоссе гудит, машины проносятся невидимыми тенями. Лежу на спине, смотрю в потолок. Там, на белой гладкой поверхности, проекция программы. Каждый прыжок, каждое движение, каждое дыхание. Первый аккорд — плечи расправлены, голова чуть назад, левая нога на ребре. Поддержка — его руки на талии, пальцы чуть сжимают, я лечу. Каскад — отталкивание, ось, вращение, приземление. Снова. Снова. Сбиваюсь на дорожке шагов — ноги путаются, я не успеваю за музыкой. Возвращаюсь к началу. Тело помнит, но страх — липкий, холодный — не отпускает.

Пальцы вцепляются в край одеяла, дыхание перехватывает. Телефон на тумбочке мигает. Тянусь, беру. Экран режет глаза. Максим: «Спи. Ты готова». Улыбаюсь в темноту, но сон не идёт. Ворочаюсь, простыня сбивается, ноги зябнут. Смотрю на часы: половина пятого. Ещё два часа до подъёма. Два часа до того, как всё начнётся.

В половине седьмого сдаюсь. Сползаю с кровати, ступни касаются ворсистого ковролина — мягко, тепло. Колено ноет — от погоды, от напряжения, от того, что я слишком дол-

го лежала. Разминаю, сгибаю-разгибаю, чувствую, как сустав хрустит, как мышцы тянутся. Иду в душ. Вода горячая, пар запотеваает зеркала, стекает каплями, размывает моё отражение.

Смотрю на себя сквозь влажную пелену. Лицо бледное, под глазами тени — не спала, и это видно. Но глаза другие. Не те, что смотрели на меня из зеркала в малом корпусе год назад. Тогда я боялась. Боялась каждого шага, каждого взгляда, каждого слова «стипендиатка». Сейчас — нет. Сейчас я знаю, кто я. Вода остывает, я выхожу, вытираюсь, натягиваю форму. Ткань мягкая, ложится по телу, не жмёт, не колет. Темно-синяя, как лёд в сумерках.

На завтраке внизу уже шумно. Длинные столы, пластиковые подносы, запах кофе и тостов. Спортсмены в форме разных сборных, тренеры с планшетами, кто-то пьёт американо, нервно постукивая пальцами по кружке, кто-то намазывает джем на хлеб, не глядя. Диана ждёт за столиком у окна. Перед ней две тарелки, две кружки. Я сажусь напротив, смотрю на неё. Она изменилась. Не та, что пряталась в углу с книгой. Спина прямая, взгляд спокойный.

— Видела? — спрашивает, пододвигая чай.

— Кого?

— Алису. В коридоре, когда я спускалась. Стояла у лифта, ждала, пока двери закроются. Выглядит... потерянной.

Смотрю в окно. Внизу город просыпается, машины, автобусы, люди. Где-то там, в этом чужом городе, она тоже гото-

вится. К своему бою.

— У неё сейчас свой бой, — говорю. — У нас — свой.

Диана кивает. Молча пьём чай. Чай горячий, с мёдом, он оставляет на губах сладость. Но я почти не чувствую вкуса.

В раздевалке пахнет дезинфекцией и новой формой. Вешалки с номерами, ковролин серый, мягкий, лампы горят ровно, без мерцания. Моё место у окна. Достāju форму. Тёмно-синяя, ткань мягкая, ложится по телу. Максим подарил перед отъездом, сказал: «Это цвет льда». Я не спрашивала, что это значит. Надеваю. Молнию застёгиваю медленно, чувствую, как ткань обтягивает плечи, грудь, бёдра.

Смотрю в зеркало. Оттуда смотрит не та девочка, которая приехала в Академию с одним чемоданом и штопаной курткой. Не та, которую травили на лестнице. Другая. Спокойная. Готовая.

Коньки стоят на скамейке. Новые, белые, кожа мягкая, лезвия блестят. На левом, там, где раньше была царапина, теперь только гладкий металл. Провожу пальцем — холодно, скользко. Шнурки затягиваю туго, до хруста в пальцах. Нога входит плотно, как влитая. Колено слушается, не болит. Встаю, делаю шаг. Лезвия цокают по пластиковому полу. В дверь стучат.

— Можно?

Елена входит, опираясь на трость. Лицо бледное, под глазами тени — она тоже не спала. Но глаза спокойные, твёрдые. Подходит, смотрит на меня, на форму, на коньки. Мол-

чит. Потом говорит:

— Я буду за бортиком. Ты не одна.

— Знаю.

Обнимаю её. Впервые. Плечи худые, острые, трость упирается в пол, я чувствую её напряжение. Она замирает на секунду, потом обнимает в ответ. Крепко.

— Я так долго ждала этого момента, — шепчет.

— Я тоже.

Отстраняюсь. На её глазах слёзы, но она улыбается.

Максим ждёт у выхода. В идеальном костюме, чёрном, волосы уложены. Но я вижу — он нервничает. Пальцы сжимают лямку сумки, желваки играют под кожей, дыхание частое. Подхожу, беру за руку. Пальцы холодные, но он сжимает мою ладонь в ответ.

— Покажем им, кто мы есть.

— Обязательно.

Объявляют первую разминку. Выходим на лёд. Свет бьёт в глаза, трибуны полны — люди, флаги, камеры. Гул голосов, кто-то кричит моё имя, я не разбираю. В первом ряду журналисты, те, что писали о скандале. Я вижу их лица, но не смотрю. Смотрю на лёд. Он ждёт. Скользящий, белый, ровный. Чувствую его под лезвиями, он пружинит, отталкивает. Я делаю круг. Второй. Третий. Тело разогревается, мышцы работают, колено слушается. Максим рядом, я слышу его движение, его дыхание. Мы синхронны. Всё остальное не важно.

Объявляют наш выход. Я слышу своё имя, оно разносится под куполом, бьётся о стёкла, о пластик кресел. Выхожу на лёд. Свет заливает арену, я щурюсь, но не отвожу взгляда. Трибуны полны — люди, флаги, камеры. Кто-то свистит, кто-то кричит, я не разбираю слов. Максим рядом, его рука на моей спине. Мы выезжаем на центр. Лёд под коньками скользкий, упругий, я чувствую каждую его молекулу, каждое движение лезвия. Становлюсь в стартовую позу. Руки подняты, голова чуть назад, левая нога на ребре, правая сзади. Замираю. Тишина давит на уши, я слышу, как колотится сердце, как кровь шумит в висках, как где-то далеко скрипнуло кресло. Секунда. Две. Три.

Первый аккорд — «Зима» Вивальди. Музыка проходит сквозь меня, заполняет лёгкие, грудь, голову. Начинаю движение. Руки сами поднимаются, тело само ведёт, я не думаю — просто чувствую. Лёд скользит под коньками, как старый друг, который помнит каждое моё падение, каждое утро на замёрзшей реке, каждую ночь на пустом катке. Он принимает меня. Я чувствую, как лезвия режут поверхность, как лёд отталкивает, дарит скорость.

Первый прыжок — каскад. Тройной флип. Отталкиваюсь левой, нога толкает, тело уходит вверх. Ось держу ровно, вращаюсь. Считаю обороты: раз, два, три. Приземление. Лезвие режет лёд ровно, без скольжения. Чисто. Зал выдыхает — сотни людей выдыхают одновременно, я слышу этот звук, он накрывает меня, но не давит. Второй прыжок —

тройной риттбергер. Тот самый, которым я доказала, что я не мусор. Вхожу в него с той же злостью, с той же яростью, что и в первый день на малом катке. Отталкивание, ось, вращение. Приземление. Чисто. Лёд слушается.

Поддержка. Максим поднимает меня, я лечу, руки расправлены, как крылья. В зале тишина — на секунду, на две. Потом вздох. Я чувствую его руки на талии, его дыхание, его силу. Он держит меня так, словно я невесома, словно я — его. Я доверяюсь, расслабляю плечи, позволяю ему вести. Он опускает меня медленно, плавно, будто я хрустальная. Лезвия касаются льда, я выезжаю, не теряя равновесия.

Финальная дорожка шагов. Иду на пределе, ноги гудят, мышцы горят, дыхание сбивается. Но я не сбавляю. Каждое движение — как удар, каждый шаг — как крик. Я помню каждую ночь, когда каталась одна, помню, как лёд трещал под коньками, как синие лампы горели ровно, без мерцания. Помню, как он смотрел на меня впервые — с презрением, с ненавистью. Помню, как его взгляд изменился. Всё это в каждом шаге, в каждом повороте.

Заканчиваем точно в такт музыке. Я в его руках, наши лица рядом. Музыка затихает, последняя нота повисает в воздухе, тает. Тишина — на секунду, на две. Потом зал взрывается. Аплодисменты бьют по ушам, люди встают, кто-то свистит, кто-то кричит.

Слышу своё имя, оно летит отовсюду, бьётся о стёкла, о лёд, об меня. Смотрю на табло. Цифры прыгают, складыва-

ются. 82.34. Временное первое место. Не верю. Максим обнимает, крепко, так, что трудно дышать. Чувствую, как он дрожит. От напряжения, от облегчения, от всего сразу.

— Мы сделали это, — голос хриплый, в самое ухо.

— Мы только начали.

Сходим со льда. Диана ждёт у бортика, лицо мокрое, глаза красные. Молчит, только сжимает мою руку. Елена стоит чуть поодаль, опирается на трость, улыбается. В микст-зоне журналисты толпятся, микрофоны тянутся, камеры направлены. Я не слышу вопросов, только отдельные слова: скандал, возвращение, лицензия. Смотрю прямо в камеру. Вижу своё отражение в чёрном объективе — бледное, уставшее, но спокойное.

— Вы не боитесь, что завтра всё может измениться? — голос из толпы, женский, с акцентом.

— Боюсь, — говорю. — Но страх — это не враг. Это топливо. Я научилась его использовать.

Кто-то аплодирует. Максим улыбается, его рука на моей спине. Мы выходим из микст-зоны. За стенами арены темно, ветер стих, небо прояснилось, звёзды высыпали мелкие, колючие. Садимся в автобус, он берёт меня за руку. Пальцы тёплые, сухие. Завтра произвольная. Завтра всё решится. Но сейчас — этот момент. Его рука, его улыбка, наш лёд. Закрываю глаза. В голове всё ещё музыка, всё ещё лёд под коньками. Он не отпускает. Я не отпускаю.

Ночь накрывает Торонто. Огни за окном горят ровно, жёлтые, белые, далёкие. Я сижу на кровати, поджав ноги, смотрю на них, но не вижу. В голове прокручивается завтрашняя программа. Каждый прыжок, каждое движение, каждый аккорд. Тело помнит, но страх — липкий, холодный — не отпускает. В груди теснится, дыхание перехватывает. Диана спит на соседней кровати, свернулась калачиком, дышит ровно, тихо. Я не двигаюсь, боюсь разбудить. Боюсь пошевелиться — вдруг это сон, вдруг завтра не произвольная, вдруг я снова на малом катке с сорока минутами, а всё остальное — просто ночная игра воображения.

Телефон в руке, экран тёплый. Набираю сообщение Максиму, стираю, набираю снова. «Ты спишь?» Отправляю. Ответ приходит через секунду: «Нет». И следом: «Открой дверь». Спускаюсь с кровати, ступни касаются ворсистого ковролина — мягко, тепло. Иду к двери, открываю. Он стоит в коридоре, в тренировочных штанах и футболке, волосы мокрые, в руке два стакана, пар поднимается. Входит, садится на пол, прислоняется спиной к кровати. Протягивает стакан. Беру. Чай горячий, сладкий, с мёдом. Он запомнил. Сажусь рядом, плечо к плечу. Молчим. Пьём. За окном шум города, где-то сигналит машина, слышно, как хлопает дверь. В номере тихо, только наше дыхание.

— Помнишь ту ночь на катке, когда ты показала мне тулуп? — голос тихий, спокойный.

— Ты хотел меня ударить.

— Я тогда подумал: или она сумасшедшая, или гений.

— И что выбрал?

— Гений, — улыбается. — Потому что сумасшедших я не слушаю.

Смеюсь. Коротко, сухо. Он тоже. Потом затихаем. Сидим, смотрим на огни. Чай стынет в руках.

— Я никогда не думала, что буду счастлива, — голос срыгается. — А теперь боюсь это потерять.

— Ты не потеряешь.

— Откуда знаешь?

— Потому что мы команда, — берёт меня за руку. — На льду и в жизни.

Пальцы его тёплые, сухие, сжимают крепко. Я чувствую, как напряжение уходит, как плечи опускаются, как сердце бьётся ровнее. Он поворачивается ко мне, смотрит. В его глазах — то, что я видела в первый раз на ночном катке. Живое. Наклоняется, целует. Губы тёплые, с чаем, пахнут мёдом. Я закрываю глаза. В груди тепло разливается, сердце колотится где-то в горле. Отстраняется, смотрит.

— Иди спать. Завтра тяжёлый день.

— Не уходи.

— Не уйду.

Садится рядом, прислоняется плечом к моему плечу. Я кладу голову ему на плечо. Слышу его дыхание, чувствую его тепло. В номере тихо, только часы тикают на тумбочке. Огни за окном мерцают, город затихает.

В это же время этажом выше Алиса сидит на кровати, смотрит на коньки. Они стоят у изголовья, лезвия блестят в темноте, кожаная отделка тускло отсвечивает. Телефон в руке, экран горит, на нём — сообщение, которое она набрала, стёрла, набрала снова. «Удачи завтра. Ты заслужила». Пальцы замирают. Она смотрит на слова, на своё имя вверх, на его — в строке получателя. Вспоминает лестницу, вспоминает смех, вспоминает, как пинала чужую форму. Стирает. Потом нажимает «отправить».

В комнате Леры телефон мигает. Я не слышу, сплю. Максим смотрит на экран, читает. Убирает телефон на тумбочку, поправляет одеяло, укрывает меня. Не просыпаюсь. Чувствую только, как его пальцы гладят по голове, как поправляют выбившуюся прядь.

Утром, когда открываю глаза, его уже нет. На тумбочке — остывший чай и сообщение. От Алисы. «Удачи завтра. Ты заслужила». Смотрю на экран, на слова, на её имя. Не отвечаю. Но внутри что-то меняется. Завтра я выйду на лёд. И покажу всё, на что способна. Не ради мести. Ради себя. Ради нас.

Выхожу на лёд. Трибуны полны, свет заливают арену, купол уходит вверх, в нём отражаются флаги, лица, наши тени. На табло — второе место после короткой программы. Канадцы впереди, отрыв небольшой, но чтобы выиграть, нужно откатать идеально.

Смотрю на Максима, на Елену у бортика — она опирается на трость, лицо бледное, но глаза блестят. На Диану в зале — она держит плакат, который я не вижу отсюда, но знаю, что он там. «Лера, ты можешь». И на пустое место в третьем ряду, где вчера сидела Алиса. Сегодня её нет.

Музыка начинается. «Зима» Вивальди. Самая сложная часть, та, которую мы репетировали ночами, падали, вставали, начинали снова. Первый аккорд — и я перестаю существовать. Есть только лёд, только движение, только он за спиной. Вкладываю в программу всё. Боль первого падения на малом катке, когда меня подрезали, и я лежала, смотрела в серый лёд, сжимала зубы, чтобы не закричать.

Страх перед комиссией, когда я сидела на стуле, а свет бил в глаза, и я не знала, поверят мне или нет. Ненависть, когда смотрела в глаза его отцу, а он говорил о моей матери как о вещи, которую можно купить. Надежду, когда Диана дала ключ от катка, и я впервые вышла на лёд ночью, одна, без разрешения. Любовь, когда он поцеловал меня впервые, легко, почти невесомо, и я поняла, что больше не одна.

Прыжки. Тройной флип — отталкивание, ось, вращение. Приземление. Чисто. Каскад — тройной тулуп, двойной тулуп. Чисто. Каждый прыжок — как победа над собой. Я не думаю, не контролирую. Тело помнит. Помнит каждую ночь на замёрзшей реке, когда мать стояла на берегу, куталась в старую шаль и кричала: «Ещё раз!» Помнит каждый раз, когда я падала и вставала, падала и вставала.

Середина программы. Каскад из трёх прыжков. Вхожу в первый. Отталкивание, ось, вращение. Приземление. Чисто. Второй. Чисто. Третий — тройной риттбергер. Тот самый, которым я доказала, что я не мусор. Вхожу в него с той же яростью, что и в первый день. Отталкивание, ось, вращение. Приземление. Лезвие режет лёд ровно, без скольжения. Чисто. Зал кричит. Я не слышу. Только музыка, только лёд, только он.

Поддержка. Максим поднимает меня на одной руке. Я держу равновесие, руки расправлены, как крылья. Смотрю вверх, на стеклянный купол. В нём отражаются огни, трибуны, наши тени. Я вижу себя — маленькую, летящую, свободную. Он держит меня так, словно я невесома, словно я — его. Опускает медленно, плавно, будто я хрустальная.

Финальная дорожка шагов. Иду на пределе, ноги гудят, мышцы горят, дыхание сбивается. Каждое движение — как удар, каждый шаг — как крик. Я помню каждую ночь, когда каталась одна, помню, как лёд трещал под коньками, как синие лампы горели ровно, без мерцания. Помню, как он смотрел на меня впервые — с презрением, с ненавистью. Помню, как его взгляд изменился. Всё это в каждом шаге, в каждом повороте.

Заканчиваем точно в такт музыке. Я в его руках, наши лица рядом. Музыка затихает, последняя нота повисает в воздухе, тает. Тишина — на секунду, на две. Потом зал взрывается. Аплодисменты бьют по ушам, люди встают, кто-то сви-

стит, кто-то кричит. Я слышу своё имя, оно летит отовсюду, бьётся о стёкла, о лёд, о меня.

Смотрю на табло. Цифры прыгают, складываются. 159.78. Сумма — 243.23. Первое место. Мировой рекорд.

Плачу. Не сдерживаюсь. Слёзы текут по щекам, я не вытираю. Максим поднимает меня на руки, зал скандирует наши имена. Я слышу их, но не верю. Мы победили.

Пьедестал. Ступени холодные, металлические. Поднимаюсь на высшую. Рядом — Максим. На втором месте канадцы, на третьем — японцы. Звучит гимн. Смотрю на флаг, который поднимается в мою честь. Внутри — пустота и полнота одновременно. Всё, что было, привело меня сюда. Каждая слеза, каждое падение, каждая ночь на замёрзшей реке. Медаль тяжёлая, холодная, металл блестит в свете прожекторов. Смотрю на неё, на свои руки, на коньки, которые стали моими.

Спускаюсь. К Лере подходит Алиса. Платье чёрное, лицо бледное, в руках четвёртое место. Останавливается напротив. Смотрит. Я смотрю на неё. В её глазах — усталость, пустота, что-то ещё. Не злость.

— Ты была сильнее, — голос тихий.

— Ты тоже можешь быть сильной.

Она кивает. Уходит. Я смотрю ей вслед.

Диана ждёт у бортика. Обнимает. Плечи дрожат, голос срывается.

— Я так горжусь тобой. Ты изменила всё.

— Мы изменили, — отстраняюсь, смотрю на неё. — Ты была рядом.

— Я просто боялась.

— Ты была смелой.

В гостинице звоню матери. Гудки. Раз. Два. Три.

— Алло? — голос сонный, взволнованный.

— Мам, мы выиграли.

— Я знаю. Я смотрела. — Она плачет, я слышу. — Ты была прекрасна.

— Мы первые. Мировой рекорд.

— Я горжусь тобой.

Брат кричит в трубку:

— Ты чемпионка! Ты чемпионка, слышишь?

— Слышу, — смеюсь сквозь слёзы.

Максим находит меня на балконе. Ночной Торонто внизу, огни, шум, ветер. Он становится рядом, обнимает. Я кладу голову ему на плечо.

— Что дальше? — голос тихий.

— Дальше — Олимпиада. Чемпионат России, отбор.

— Боишься?

— Нет, — смотрю на него. — Сейчас я просто хочу быть здесь. С тобой.

— Я никуда не уйду.

Стоим, обнявшись. Ветер стих, огни внизу мерцают, небо чистое, звёзд не видно — они скрыты за светом города. Но

я знаю, они есть. Завтра мы летим домой. Впереди чемпионат России, отбор на Олимпиаду. И ещё одно испытание, о котором никто не знает. Отец Максима не сдался. Но сейчас — этот момент. Его руки, его дыхание, тишина. Я больше не та девочка из провинции. Я спортсменка, победительница, человек, который нашёл своё место.

На следующий день в самолёте смотрю в иллюминатор. Облака внизу, солнце встаёт, золотит крылья. Диана спит, уронив голову мне на плечо. Елена листает журнал, улыбается чему-то. Максим смотрит на меня. Беру его за руку. Пальцы тёплые, сухие. Впереди — новый сезон, новые победы, новые испытания. Но мы готовы. Мы команда.

ГЛАВА 12.

ЧЕМПИОНАТ РОССИИ

Самолёт идёт на посадку, уши закладывает, мир становится ватным, глухим. В иллюминаторе — облака, серые, плотные, скрывают землю. Потом облака рвутся, и внизу поля в снегу, леса, река, которая тянется к городу. Мой город. Узнаю его по изгибу реки, по трубам на окраине, по высоткам, которые кажутся игрушечными с высоты. Внутри всё сжимается. Дома.

Выхожу из самолёта — воздух бьёт в лицо, холодный, сухой, пахнет снегом и керосином. Не таким, как в Торонто. Своим. Ступеньки трапа гремят под ногами, ветер треплет волосы, выбивает из пучка, бросает в лицо. Не поправляю. В здании аэропорта стеклянные стены пропускают серый свет, люди с чемоданами спешат мимо, объявления по громкой связи сливаются в гул. Не смотрю по сторонам. Смотрю вперёд.

Мать стоит у выхода из зоны прилёта. Замечаю сразу — в старой шали, лицо бледное, под глазами тени, но она улыбается. Приехала. Впервые за много лет покинула свой город. Ради меня. Бросаюсь к ней, сумка падает на пол, коньки звякают внутри. Обнимаю. Пахнет пирогами и лекарствами, плечи худые, острые, руки дрожат. Плачет — слёзы каплют

на плечо, горячие, сквозь ткань куртки.

— Я смотрела трансляцию, — голос срывается, давится словами. — Ты была прекрасна.

— Мам...

— Молчи, — шепчет. — Просто стой.

Стою. Чувствую, как пальцы гладят волосы, как прижимается, боится отпустить. Люди обходят нас, кто-то смотрит, кто-то улыбается. Всё равно.

В автобусе по дороге в Академию сажусь между матерью и Максимом. С другой стороны прохода Диана и Елена. Елена что-то рассказывает матери Максима, та улыбается. Диана смотрит в окно, на сосны, которые тянутся вдоль трассы. Смотрю на зимний пейзаж — поля в снегу, леса, деревья, покрытые инеем. На ветках сосульки блестят в редком солнце. Небо низкое, серое, но в просветах пробиваются лучи. Тепла от них нет, но светло. Впервые за год чувствую: есть семья. Не только по крови. По духу.

В Академии встречают у ворот. Стипендиаты выстроились в холле, человек двадцать. В руках плакаты, на одном крупно: «Лера, ты наша гордость». Рядом Диана написала: «Мы не мебель». Смеюсь, когда вижу. Аплодирую, когда вхожу. Хлопки становятся громче, отдаются от стеклянных стен, от пола, от потолка. Не знаю, куда девать глаза. Привыкла быть изгоем. Не героем. Кто-то протягивает цветы, беру, стебли холодные, лепестки пахнут морозом. Диана рядом, глаза блестят, на глазах слёзы. Елена опирается на

трость, улыбается. Мать плачет, вытирает слёзы рукавом.

Тренер Олег Николаевич ждёт у входа в главный корпус. В старомодном свитере с косами, руки скрещены. Смотрит на нас, на толпу стипендиатов, на плакаты. Качает головой.

— Хорошая работа, — голос сухой, ровный. — Но чемпионат России через месяц. Отдыхайте два дня и за работу.

Киваю. В голосе — то, чего раньше не слышала. Не приказ. Уважение. Разворачивается, уходит.

Поднимаюсь в свою комнату. Лестница узкая, ступени стёрты, перила шатаются. Лампы мерцают, выхватывают трещины на стенах, облупившуюся краску. Комната тринадцать. Дверь скрипит, когда толкаю. Внутри всё на месте: четыре койки, матрасы тонкие, в пятнах, шкаф с дверцей на одной петле. Моя кровать у стены, на тумбочке фотография матери, в углу старые коньки. Сажусь на койку, пружины скрипят, впиваются в спину. Впервые за долгое время просто выдыхаю. Диана заходит, закрывает дверь, молча обнимает. Кладу голову ей на плечо.

— Вернулась, — шепчет.

— Вернулась.

Ночью телефон мигает. Сообщение от неизвестного номера. «Ты думаешь, что победила. Но чемпионат России будет другим. Я не проиграю». Смотрю на экран. Пальцы не дрожат. Знаю, кто это. Убираю телефон в карман. Не отвечаю. Внутри закипает холодная решимость. Завтра начинается подготовка. Через месяц — чемпионат России. Она бу-

дет там. Буду там. Готова.

Утро начинается с будильника, который рвёт тишину на куски. Пальцы нащупывают телефон, выключают, и комната снова замирает. За окном ещё темно, фонари со стоянки горят жёлтым, свет пробивается сквозь мутное стекло, падает на старые коньки в углу, на фотографию матери на тумбочке. Диана дышит ровно, спит. Осторожно спускаюсь с койки, чтобы не скрипеть пружинами. Пол холодный, ступни немеют, но я не ищу тапки. Натягиваю тренировочные штаны, куртку, коньки в сумку. Выхожу.

Коридоры малого корпуса пустые, лампы мерцают, выхватывают трещины на стенах. Запасной выход открывается без скрипа — уже знаю, как надавить. На улице ветер, сосны шумят, иголки кажутся чёрными на фоне светлеющего неба. Иду к главной арене. Там уже горит свет.

Максим на льду один. Делает круг, второй, третий. Слышу, как лезвия режут лёд, как звук разносится под куполом. Снимаю чехлы с коньков, затягиваю шнурки. Выхожу. Он замечает, подъезжает. Молчит. Начинаем.

Елена стоит у бортика, опирается на трость. В руке планшет, на экране схема новой программы. Ещё сложнее, ещё техничнее, чем та, с которой мы выиграли в Канаде. Она подзывает нас жестом, показывает, объясняет. Говорит коротко, без лишних слов. Прыжки, поддержки, дорожки шагов. Каждый элемент требует больше, чем в прошлый раз. Колено

слушается, но страх остаётся. Он сидит в груди, когда вхожу в сложный элемент. Что, если не получится? Что, если упаду? Что, если не выдержу?

Максим замечает. Он всегда замечает. После третьего срыва на каскаде подъезжает, берёт за руку. Пальцы тёплые, сухие.

— Ты боишься. Я вижу.

— Да.

— Тогда будем бояться вместе. Но делать.

Смотрю на него. В его глазах — не жалость, не снисхождение. Твёрдость. Киваю. Начинаем снова. Он рядом, я чувствую его дыхание, его ритм. Страх не уходит, но становится легче.

Тренируемся до обеда, потом снова. Елена не даёт расслабляться. Показывает, как держать спину, как распределять вес, как дышать в поддержке. Я чувствую, как колено укрепляется, как мышцы наливаются силой. Но страх не уходит. Он всегда будет. Я научилась с ним жить.

В дорогом ресторане в центре Москвы отец Максима сидит напротив Алисы. За окнами снег, машины, люди в пальто спешат по своим делам. Внутри тепло, пахнет кожей и дорогим деревом. Алиса в чёрном платье, волосы уложены, лицо бледное. Перед ней тарелка с салатом, нетронутым. Она смотрит в стол.

Андрей Вячеславович спокоен. Пьёт воду, ставит стакан

на белую скатерть. Достает из внутреннего кармана пиджака конверт, кладёт на стол.

— Я помогу тебе выиграть чемпионат. Финансирование, тренеры, экипировка. Всё, что нужно. Взамен ты поможешь мне уничтожить эту пару.

Алиса поднимает глаза. В них пустота. Она смотрит на конверт, на руки, которые его положили.

— Что я должна делать?

— Подашь жалобу после их проката. На технику. Документы уже готовы. Просто подпишешь.

Она молчит. Долго. Потом кивает.

На тренировке замечаю их. Новые люди в тёмных костюмах сидят на трибуне, делают заметки. Двое, потом третий. Они смотрят на нас, не отрываясь. Я чувствую их взгляды на затылке, они царапают кожу. Максим тоже видит. Подъезжает, смотрит вверх, потом на меня.

— Это люди моего отца.

— Что он задумал?

— Не знаю. Но ничего хорошего.

Вечером нахожу Диану в библиотеке. Она сидит в дальнем углу, разбирает конспекты по психологии. Рядом стопка книг, на столе чашка с остывшим чаем. Сажусь напротив.

— Нужна твоя помощь.

— Какая?

— Последи за ними. За Алисой, за отцом Максима. Если

что-то готовится, ты узнаешь первой. Ты всегда узнаёшь.

Диана смотрит на меня. В её глазах — то, чего я раньше не видела. Твёрдость. Она не отводит взгляд.

— Я не позволю им снова тебя тронуть.

— Знаю.

— Я больше не боюсь.

Выхожу. В коридоре пусто, лампы мерцают. Завтра новый день тренировок. Через неделю — чемпионат.

За три дня до вылета приходит письмо из оргкомитета. Конверт плотный, бумага дорогая, печать. Вскрываю, читаю. Музыкальная нарезка заменена. Техническая ошибка, говорят. Смотрю на ровные строчки, на подпись. Максим рядом, читает через плечо.

— Это не ошибка.

— Знаю.

— Что будем делать?

— Кататься. Как умеем.

Прячу письмо в карман. Внутри холодок, но не страх. Решимость. Началось.

Санкт-Петербург встречает низким небом и ветром с Невы. Стою у окна гостиницы, смотрю на улицу — машины ползут по мокрому асфальту, люди в чёрных пальто спешат, прячут лица от ветра. Город чужой, холодный, далёкий. Арена, куда нас везут, огромная, стеклянная, купол уходит

вверх, отражает серое небо. Внутри пахнет бетоном и свежим льдом, но лёд здесь другой. Я чувствую это, когда выхожу на разминку.

Лезвия касаются поверхности, и я сразу понимаю — не тот. Мягкий, вязкий, он прогибается под тяжестью, забирает скорость. Пробую первый прыжок — отталкиваюсь, нога уходит вниз, ось ломается, приземляюсь на ребро, едва не падаю. Ещё прыжок. Снова. Колено ноет, мышцы напряжены, я не могу набрать нужную высоту. Максим рядом, делает круг, тормозит. Смотрит на лёд, на мои ноги, на лицо.

— Плохо?

— Лёд не держит. Слишком мягкий.

— Намеренно.

— Знаю.

Он подъезжает к бортику, зовёт тренера. Олег Николаевич спускается к самому льду, опускается на корточки, трогает поверхность рукой, потом пальцами, потом ладонью. Лицо хмурится, становится жёстким. Встаёт, отряхивает колени.

— Это не стандарт. Лёд пересушили, потом переувлажнили, чтобы стал мягким, вязким. Прыжки будут гаситься.

— Мы можем подать протест?

— Подадим.

Уходит к судейской вышке. Я смотрю ему вслед, потом на лёд. Максим берёт за руку, пальцы холодные.

— Будем кататься.

— Будем.

Через час возвращается. Лицо мрачное, губы сжаты.

— Протест отклонён. Технические особенности арены, говорят. У них есть заключение эксперта, что лёд соответствует нормам.

— Это ложь.

— Я знаю. Но доказать не можем.

Смотрю на лёд. Он лежит передо мной, белый, ровный, красивый. Но я чувствую его ложь под лезвиями.

В раздевалке снимаю чехлы с коньков. Новые, белые, лезвия блестят. Надеваю, пробую пальцем заточку — острая, но не так, как нужно. Слишком острая, лезвия будут врезаться, тормозить на мягком льду. Пытаюсь сделать несколько шагов — коньки скребут, не скользят. Снимаю, смотрю на них. Кто-то заходил в моё отсутствие. Кто-то переточил лезвия.

Максим заходит, видит меня, видит коньки. Молчит. Потом говорит:

— Возьми старые.

— Они не для соревнований.

— Они твои. Они знают тебя.

Лезу в сумку, достаю второй набор. Старые, потёртые, с разношенной колодкой. На левом ботинке потёкшая строчка, на правом — потёртость на мыске. Царапина на левом лезвии, которую я стёрла, но след остался. Кожа помнит мою ногу, лезвия помнят мой прыжок. Сажусь, затягиваю шнурки. Туго, до хруста в пальцах. Встаю, делаю шаг. Лёгко, сво-

бодно.

Максим смотрит.

— Ты готова выступить на них?

— Я начинала на них. Я закончу на них.

Ночью звоню матери. Она отвечает сразу, будто ждала.

— Я слышала, что случилось.

— Откуда?

— Диана рассказала.

— Мам...

— Ты справишься. Ты всегда справлялась. Когда папа ушёл. Когда я заболела. Когда они травили тебя. Ты всегда была сильнее обстоятельств.

Смотрю в потолок. В ушах её голос, тихий, спокойный.

— Я люблю тебя.

— И я тебя. Иди спать. Завтра тяжёлый день.

Сбрасываю. Смотрю на коньки, которые стоят у кровати. Старые, потёртые, с царапиной на лезвии. Завтра они выйдут на лёд. Завтра я покажу, кто я есть.

Выхожу на лёд в старых коньках. Свет прожекторов заливает арену, бьёт в глаза, отражается от белой поверхности, от стеклянного купола. Трибуны полны — люди, флаги, камеры. Гул голосов, смех, кто-то кричит. Не смотрю туда. Смотрю на лёд. Он вязкий, тяжёлый, я чувствую это сразу, как ступаю на него. Но старые коньки знают его. Они помнят каждую трещину, каждую неровность. Они помнят, как падать и

как вставать. Царапина на левом лезвии блестит в свете прожекторов. Зал видит её. Шум перешёптываний пробегает по трибунам, я слышу его краем уха. Алиса стоит за бортиком. Я не смотрю на неё, но знаю — улыбается.

Максим рядом. Беру его за руку. Пальцы холодные, но он сжимает крепко. Выезжаем на центр. Становимся в стартовую позу. Руки подняты, голова чуть назад, левая нога на ребре, правая сзади. Замираю. Тишина давит на уши, слышу, как колотится сердце, как кровь шумит в висках. Секунда. Две. Три.

Первый аккорд — «Зима» Вивальди. Музыка проходит сквозь, заполняет лёгкие, грудь, голову. Начинаю движение.

Лёд вязкий, тяжёлый. Он сопротивляется, тянет назад, не даёт скорости. Но старые коньки чувствуют его лучше, чем новые. Они помнят каждый сантиметр, каждую трещину. Они не боятся. Первый прыжок — тройной флип. Отталкиваюсь, нога толкает, тело уходит вверх. Ось держу ровно, вращаюсь. Считаю обороты. Приземление. Лезвие режет лёд — не ровно, как на хорошем льду, а тяжело, с усилием, но чисто. Зал выдыхает.

Второй прыжок — каскад. Тройной тулуп, двойной тулуп. Вхожу в первый. Отталкивание, ось, вращение. Приземление. Чисто. Второй — двойной. Приземление. Чисто. Злость, которая копилась в груди, уходит. Остаётся только лёд, только движение, только он за спиной.

Середина программы. Каскад из трёх прыжков. Самый

сложный элемент. Вхожу в первый. Отталкивание, ось, вращение. Приземление. Чисто. Второй. Чисто. Третий — тройной риттбергер. Тот самый, которым всё началось. Вхожу с той же яростью, что и в первый день на малом катке. Отталкивание, ось, вращение. Приземление. Лезвие врежется в вязкий лёд, режет, пробивает. Чисто.

В зале напряжение. Чувствую его кожей, спиной, затылком. Кто-то кричит: «Давай, Лера!» Голос Дианы. Слышу её. Не оборачиваюсь.

Финальная дорожка шагов. Иду на пределе. Ноги гудят, мышцы горят, дыхание сбивается. Лёд сопротивляется, тянет назад, но я не сбавляю. Каждое движение — через силу, каждый шаг — как борьба. Я помню каждую ночь, когда каталась одна, помню, как лёд трещал под коньками, как синие лампы горели ровно, без мерцания. Помню, как он смотрел на меня впервые — с презрением, с ненавистью. Всё это в каждом шаге, в каждом повороте.

Финальная поддержка. Максим поднимает меня на руках. Держу равновесие дольше обычного — вызов вязкому льду. Чувствую, как напряжены его руки, как тяжело ему удерживать меня на мягкой поверхности. Но держит. Не отпускает. Опускает медленно, плавно. Заканчиваем точно в такт музыке. Я в его руках, наши лица рядом. Музыка затихает, последняя нота повисает в воздухе, тает.

Зал взрывается. Аплодисменты бьют по ушам, люди встают, кто-то свистит, кто-то кричит. Слышу своё имя, оно ле-

тит отовсюду, бьётся о стёкла, о лёд. Смотрю на табло. Цифры прыгают, складываются. Первое место. Временное.

Схожу со льда. Ноги дрожат, колено пульсирует. Диана бросается к бортику, глаза мокрые, сжимает мою руку. Елена кивает, улыбается. Максим рядом, не отпускает.

Алиса выходит на лёд. Катается чисто, технично, без души. Каждый прыжок выверен, каждая дорожка отточена, но внутри — пустота. Смотрю на неё и понимаю: она боится. Она не может превзойти нас. Не сегодня.

Табло после короткой программы: мы — первые, Алиса с партнёром — вторые. Завтра произвольная. Завтра она и отец Максима готовят новый удар. Знаю. Но сегодня — наша победа. Сегодня я была на льду в старых коньках и доказала, что не сдалась.

Сон не идёт. Лежу на кровати, смотрю в потолок. В гостиничном номере темно, только щель под дверью пропускает свет из коридора, жёлтый, узкий, он падает на ковролин, на мои коньки, которые стоят у кровати. Старые, потёртые, с царапиной на левом лезвии. Диана спит на соседней кровати, дышит ровно, тихо. Знаю — не спит. Дыхание слишком ровное, слишком спокойное для сна. Не шевелюсь. Смотрю на потолок, прокручиваю завтрашнюю программу. Каждый прыжок, каждое движение, каждый аккорд. В голове шум, сердце колотится, в груди тесно.

Сдаюсь. Сползаю с кровати, ступни касаются ворсистого

ковролина. Натягиваю джинсы, толстовку, коньки не трогаю. Выхожу в коридор. Лампы горят ровно, без мерцания, ковролин глушит шаги. Иду к лифту, нажимаю кнопку. Кабина поднимается медленно, двери открываются с тихим звоном. Вхожу. В зеркалах отражаюсь несколько раз — бледная, под глазами тени, волосы растрёпаны. На первом этаже выхожу, иду в холл.

Там пусто. Только стойка регистрации, лампы на столиках, мягкие диваны. Сажусь в угол, смотрю в окно. За стеклом Торонто? Нет. Санкт-Петербург. Город чужой, тёмный, огни далёкие, холодные. Мысли лезут одна за другой. Завтра произвольная. Завтра решается всё. Если выиграем — отбор на чемпионат мира. Если проиграем... не думать. Нельзя.

— Не спится?

Поднимаю голову. Диана стоит в дверях, в пижаме, босиком, волосы растрёпаны. Подходит, садится рядом. Молчим. Смотрим в окно.

— Ты тоже не спала.

— Нет.

— Боишься?

— Нет, — качает головой. — Я просто хочу, чтобы завтра всё закончилось.

— Закончится.

— Ты уверена?

— Да.

Она смотрит на меня. В её глазах — то, чего я раньше не

видела. Спокойствие. Вера.

— Я горжусь тем, что знаю тебя, — голос тихий.

— Я горжусь, что ты есть.

Она улыбается. Беру её за руку. Пальцы холодные, но сжимает крепко.

В это же время на третьем этаже, в номере Алисы, темно. Она сидит на кровати, поджав ноги, смотрит на телефон. Экран горит, на нём сообщение от отца Максима: «Завтра после проката ты подашь жалобу на их технику. Документы готовы. Я пришлю курьера в отель в семь утра». Смотрит на слова, на ровные строчки, на своё имя сверху. Телефон тяжёлый, нагрелся в руках. Рядом на тумбочке — коньки. Новые, белые, лезвия блестят в темноте. Рядом с ними старая фотография. На ней она маленькая, в белом платье, на шее медаль. Первая победа. Она улыбается. Не как сейчас. Смотрит на телефон, на фотографию, на свои руки. Пальцы дрожат.

В холле Диана уходит, говорит: «Завтра буду громко кричать. Пусть все слышат». Смеюсь. Остаюсь одна. Смотрю в окно, на тёмный город, на огни, которые мерцают где-то далеко. Выхожу в коридор. Иду к лифту. Двери открываются, и я вижу её. Алиса стоит в кабине, бледная, в чёрном платье, волосы распущены. Смотрит на меня. Я на неё. Выхожу из лифта, она стоит, не двигается. Молчим.

— Я знаю, что ты готовишь, — голос ровный.

— Не знаешь.

— Знаю. Жалоба. Документы. Ты хочешь уничтожить нас. Она смотрит долго. В её глазах — пустота и что-то ещё. Не злость.

— Если ты сделаешь это, ты никогда не сможешь смотреть на себя в зеркало.

Молчит. Разворачивается, уходит. Двери лифта закрываются. Я стою, смотрю на жёлтые лампы, на ковролин, на свои руки. Диана выходит из номера, видит меня.

— Что случилось?

— Я дала ей шанс. Теперь выбор за ней.

Возвращаюсь в комнату. Ложусь, смотрю в потолок. Засыпаю. Снится лёд. Белый, ровный, скользкий. Я лечу, и никто не может меня остановить. Рядом он. Мать стоит на трибуне, улыбается. Машу ей. Просыпаюсь.

Утро. За окном серый свет, город просыпается. Встаю, надеваю форму. Тёмно-синюю, ту, что подарил Максим. Смотрю на старые коньки, которые стоят у кровати. Затягиваю шнурки. Туго, до хруста. Нога входит плотно. Колено слушается. Выхожу в коридор. Максим уже там, ждёт. Смотрит на меня, на коньки, на лицо.

— Готова?

— Я ждала этого всю жизнь.

Беру его за руку. Идём к выходу. Сегодня — день, который определит всё.

ГЛАВА 13. ПРОИЗВОЛЬНАЯ

В раздевалке пахнет хлоркой и холодом. Лампы горят ровно, без мерцания, стены выкрашены в бледно-голубой, на вешалках форма, на скамейках сумки. Сажусь на пластиковом стуле, смотрю на свои коньки. Старые, потёртые, с царапиной на левом лезвии. Рядом — новые, белые, подарок Максима. Сегодня они останутся в сумке. Сегодня я выйду в тех, с кем начинала. В наушниках «Зима» Вивальди. Музыка заполняет голову, лёгкие, грудь. Закрываю глаза. Прокручиваю программу. Первый аккорд — плечи расправлены, голова чуть назад. Поддержка — его руки на талии, пальцы сжимают. Каскад — отталкивание, ось, вращение, приземление. Дорожка шагов — ноги помнят. Всё тело помнит.

В дверь стучат. Открываю глаза. Елена входит, опираясь на трость. Лицо бледное, под глазами тени, но взгляд спокойный. Садится рядом, кладёт трость на колени. Берёт меня за руку. Пальцы холодные, тонкие, костяшки выступают.

— Я хочу сказать тебе спасибо, — голос тихий, ровный. — Ты вернула мне сына. Я не знаю, как это сделать словами. Поэтому я хочу вернуть тебе то, что когда-то потеряла сама.

Достаёт из кармана маленькую коробочку, протягивает. Открываю. Внутри на чёрном бархате лежит кулон. Серебряный конёк, маленький, изящный, лезвия блестят. Смотрю на него, на свои пальцы, на неё.

— Это мой талисман. Я носила его на всех соревнованиях. До того дня, когда он сломал меня. — Пауза. — Теперь он твой. Ты вернула меня к жизни. Пусть он бережёт тебя.

Беру кулон, застёгиваю цепочку на шее. Металл холодный, но через секунду становится тёплым. Чувствую тяжесть на груди, приятную, успокаивающую.

— Спасибо, — голос срывается.

— Не благодари. Покажи им, кто ты есть.

Встаёт, берёт трость, выходит. Дверь закрывается.

Максим заходит, когда я всё ещё смотрю на кулон. В идеальной форме, чёрной, волосы уложены. Но я вижу — он нервничает. Пальцы сжимают лямку сумки, желваки играют под кожей, дыхание частое. Подходит, садится рядом. Молчит. Потом говорит:

— Я никогда не волновался перед стартом. А сейчас сердце выпрыгивает.

— Это не волнение, — беру его за руку. — Это жизнь.

— Когда ты успела такой мудрой стать?

— Когда начала падать и вставать.

Улыбается. Я тоже.

Выходим в коридор. Там стоят они. Диана, в руках плакат, который я вижу впервые. «Лера, ты можешь». Саша — прилетел специально, в худи сборной, сломанный зуб блестит. Тренер Олег Николаевич, в старомодном свитере, руки скрещены. Мать моя — приехала, несмотря на слабость, опирается на Диану, лицо бледное, но улыбается. Елена — с тро-

стью, смотрит на сына. Все здесь. Все, кто верил. Смотрю на них. Внутри разливается тепло. Не одна.

Объявляют: «На лёд приглашаются Валерия Соболева и Максим Воронцов». Делаю глубокий вдох. Выезжаю на центр. Лёд ждёт. Он всегда ждал.

Лёд под старыми коньками знакомый, вязкий, тяжёлый — он помнит меня, я помню его. Свет заливает арену, бьёт в глаза, отражается от белой поверхности, от стеклянного купола. Трибуны полны — люди, флаги, камеры. Гул голосов, кто-то кричит, кто-то свистит. Не смотрю туда. Смотрю на лёд. Максим рядом, беру его за руку. Пальцы холодные, но сжимает крепко. Останавливаемся в центре. Стартовая поза. Руки подняты, голова чуть назад, левая нога на ребре, правая сзади. Замираю. Тишина давит на уши, слышу, как колотится сердце, как кровь шумит в висках.

Первый аккорд — «Зима» Вивальди. Музыка проходит сквозь, заполняет лёгкие, грудь, голову. Начинаю движение.

Первая часть программы чистая. Прыжки — тройной флип, отталкивание, ось, вращение, приземление. Лезвие режет вязкий лёд тяжело, с усилием, но чисто. Вращения — тело крутится, зал расплывается в цветное пятно. Дорожка шагов — ноги сами идут, не думаю, не контролирую. Максим рядом, слышу его дыхание, чувствую его движение. Мы единое целое.

Не думаю о технике. Не думаю о баллах. Просто чувствую.

Вкладываю в каждое движение всё. Боль первого падения, когда меня подрезали на малом катке, и я лежала, смотрела в серый лёд, сжимала зубы. Страх перед комиссией, когда свет бил в глаза, и я не знала, поверят мне или нет. Ненависть, когда смотрела в глаза его отцу, а он говорил о моей матери как о вещи, которую можно купить. Надежду, когда Диана дала ключ от катка, и я впервые вышла на лёд ночью, одна, без разрешения. Любовь, когда он поцеловал меня впервые, легко, почти невесомо, и я поняла, что больше не одна.

Середина программы. Самый сложный каскад. Три прыжка подряд. Вхожу в первый. Отталкивание, ось, вращение. Приземление. Чисто. Второй. Чисто. Третий — тройной риттбергер. Тот самый, которым всё началось. Вхожу с той же яростью, что и в первый день. Отталкивание, ось, вращение. Лёд подводит — слишком мягкий, нога уходит вниз, теряю равновесие. На секунду страх, липкий, холодный. Но тело помнит. Группируюсь, добираю вращение. Приземление. Лезвие врезается, режет, скребёт. Чисто. Зал взрывается криком, аплодисментами, свистом. Не слышу. Только музыка, только лёд, только он.

Поддержка на одной руке. Максим поднимает меня, я лечу, руки расправлены, как крылья. В зале тишина — на секунду, на две. Смотрю вверх, на стеклянный купол. В нём отражаются огни, трибуны, наши тени. Вижу себя — маленькую, летящую, свободную. В первом ряду вижу его. Отца Максима. Сидит, лицо каменное, руки на подлокотниках,

смотрит. Не отводит взгляд. Я тоже не отвожу. Держу равновесие дольше обычного — вызов ему. Он не моргает. Я не падаю. Максим опускает меня медленно, плавно, чувствую его руки, его силу. Он знает. Он видит.

Финальная часть. Дорожка шагов. Иду на пределе, ноги гудят, мышцы горят, дыхание сбивается. Лёд сопротивляется, тянет назад, но я не сбавляю. Каждое движение — как удар, каждый шаг — как крик. Помню каждую ночь на замёрзшей реке, когда мать стояла на берегу, куталась в старую шаль и кричала: «Ещё раз!» Помню каждое падение и каждое «вставай». Помню, как он смотрел на меня впервые — с презрением, с ненавистью. Помню, как его взгляд изменился. Всё это в каждом шаге, в каждом повороте.

Заканчиваем точно в такт музыке. Я в его руках, наши лица рядом. Музыка затихает, последняя нота повисает в воздухе, тает. Зал встаёт. Аплодисменты не стихают. Смотрю на табло — цифры ещё не высветились. Смотрю на Максима. Он улыбается. Табло показывает результат. Первое место. Чемпионы России. Не верю своим глазам. Смотрю на мать, которая плачет на трибуне. На Елену, которая сжимает кулаки. На Диану, которая кричит громче всех. Мы сделали это.

Ступени пьедестала холодные, металлические. Поднимаюсь на высшую, пальцы сжимают перила, чтобы не упасть — ноги дрожат, колено пульсирует после прыжков, мышцы гу-

дят. Рядом Максим, его рука на моей спине, чувствую тепло через ткань формы. С другой стороны — пара из Санкт-Петербурга, они улыбаются, переглядываются. На третьей ступени Алиса с новым партнёром. Она в чёрном платье, волосы уложены, но выбились пряди у висков. Лицо бледное, под глазами тени. Смотрит в пол, не поднимает головы. Медаль на её груди блестит, но она не смотрит на неё. Смотрит на свои руки, сжатые на животе.

Звучит гимн. Флаг поднимается, я смотрю на него, на белый, синий, красный, и слёзы текут по щекам. Не вытираю. Пусть видят. Я заслужила эти слёзы. Они текут по скулам, по подбородку, капают на форму, на медаль, которая висит на груди. Тяжёлая, холодная, но я чувствую её тепло. На трибунах люди встают, кто-то аплодирует, кто-то плачет. Мать сидит в третьем ряду, держится за сердце, улыбается сквозь слёзы. Елена опирается на трость, подняла голову, смотрит на флаг, губы шевелятся — что-то шепчет. Диана машет плакатом, Саша рядом, сломанный зуб блестит в улыбке. Тренер Олег Николаевич стоит у бортика, руки скрещены, но я вижу — он улыбается. Впервые. Впервые я вижу его улыбку. Гимн затихает, последние ноты тают в воздухе под куполом арены. Тишина на секунду, потом зал взрывается аплодисментами. Люди не садятся, продолжают стоять. Камеры направлены на нас, вспышки режут глаза. Кто-то кричит моё имя, кто-то свистит.

Церемония заканчивается. Схожу с пьедестала, ноги ват-

ные, колено пульсирует, ступени скользкие, держусь за перила. Максим рядом, не отпускает, его рука на талии, пальцы сжимают. В дальнем конце зала, у выхода, отец Максима. Стоит, смотрит. Рядом с ним человек в тёмном костюме, что-то шепчет на ухо. Отец кивает. Смотрит на сына, на меня. Лицо каменное, не читаю ничего. Потом медленно разворачивается, идёт к выходу. Дверь открывается, пропускает его, закрывается. Человек в костюме за ним. Всё. Ушёл. Не оборачивался. Я смотрю на дверь, которая качается на петлях, медленно замирает.

— Лера.

Голос тихий, незнакомый. Оборачиваюсь. Алиса стоит напротив, в руках четвёртое место. Лицо бледное, под глазами тени, волосы выбились из пучка. Но взгляд спокойный. Не тот, что был раньше. Не злой, не колкий. Усталый. Медаль она держит в руке, не на шее, смотрит на неё, потом на меня.

— Я не подала жалобу, — голос ровный, без эмоций. — Ты победила честно.

Смотрю на неё. Внутри всё сжимается. Вспоминаю лестницу, вспоминаю её смех, вспоминаю, как она пинала мою форму. Слово «мусор» на лезвии. Боль, злость, страх. Всё это было. Всё это прошло. Сейчас передо мной стоит не та Алиса. Другая. Сломленная. Или освобождённая. Не знаю.

— Почему? — спрашиваю. Голос не дрожит.

— Потому что я хочу быть той девочкой, которая любила кататься, — она смотрит на свои руки, на медаль, на пальцы,

сжимающие её. — А не той, которую сделал из меня отец.

Молчу. Смотрю на неё. В её глазах — пустота, усталость, но что-то ещё. Надежда. Или намёк на неё.

— Я была жестокой, — продолжает. — Я боялась. Боялась, что меня не заметят, что я стану никем. А стала никем, потому что была жестокой.

Протягиваю руку. Она смотрит на неё, потом на меня. Медленно, нерешительно, протягивает свою. Пожимаем. Ладонь холодная, пальцы дрожат. На секунду наши взгляды встречаются. Я не отвожу. Она не отводит.

— Удачи, — говорю.

— Удачи.

Разворачивается, уходит. Чемодан стоит у выхода, она берёт его, закидывает на плечо. Идёт к дверям, не оглядываясь. Дверь открывается, закрывается. Я смотрю на неё через стекло — она идёт по коридору, спину держит прямо, чемодан стучит по полу. Потом поворачивает за угол. Исчезает.

Максим подходит, берёт за руку. Не спрашивает. Просто стоит рядом.

— Что она сказала? — голос тихий.

— Сказала, что хочет быть той девочкой, которая любила кататься.

— А она сможет?

— Не знаю. Но она попробует.

Он сжимает мою руку. Пальцы тёплые, сухие. Стоим на пустом пьедестале, смотрим на дверь, за которой исчезла

Алиса. Между нами нет ненависти. Не стало дружбы. Но что-то закончилось. И что-то началось.

Церемония закончилась, толпа рассосалась, стихли аплодисменты, погасли вспышки камер. Мы остаёмся вдвоём на пустом катке. Синие аварийные лампы горят ровно, без мерцания, лёд блестит, в стеклянном куполе отражаются наши тени. Максим снимает пиджак, бросает на скамейку, садится на трибуну. Я рядом. Молчим. Слышно, как гудит вентиляция где-то под трибунами, как лёд трещит, оседает. Смотрю на лёд. Белый, ровный, скользкий. Тот самый, на котором я падала и вставала. Тот самый, который принял меня в первый день, когда я вышла на него в старых коньках, с одним чемоданом и страхом в груди. Сейчас страх ушёл. Осталась только усталость и странная, тягучая тишина внутри.

Максим сидит рядом, локти на коленях, смотрит на свои руки. Что-то прячет в кулаке, пальцы сжаты, костяшки белые. Я замечаю, но не спрашиваю. Он всегда так делает, когда волнуется. Сейчас не волнуется. Сейчас что-то другое. Поворачивается ко мне, смотрит прямо. В его глазах — то, чего я раньше не видела. Не злость, не усталость, не страх. Спокойствие. И твёрдость.

— Я никогда не умел говорить о чувствах, — голос тихий, ровный. — Меня учили быть железным. Не показывать слабость. Не привязываться. Отец говорил: чувства — это ошибка, которую ты не можешь себе позволить.

Молчу. Смотрю на него. Он разжимает кулак, на ладони маленькая коробочка, бархатная, тёмно-синяя. Пальцы чуть дрожат, когда он её открывает. Внутри на белом шёлке лежит кольцо. Серебряное, с гравировкой в виде конька. Простое, изящное, лезвия блестят в синем свете. Не бриллианты, не золото. Наше. Моё.

— Ты показала мне, что быть живым — это не слабость, — продолжает. — Ты показала, что можно падать и вставать. Что можно бояться и идти вперёд. Что можно любить, даже если тебя учили, что любовь — это ошибка.

Он берёт коробочку в одну руку, мою руку — в другую. Пальцы холодные, но сжимает крепко.

— Я не прошу выходить за меня завтра. Я прошу быть рядом. Всегда.

Смотрю на кольцо, на его пальцы, на его лицо. Внутри всё замирает. Сердце колотится где-то в горле. Хочется плакать, смеяться, кричать. Вместо этого спрашиваю:

— Ты уверен? У нас впереди Олимпиада. Твой отец. Всё это. Он не остановится.

— Я никогда не был так уверен, — голос твёрдый, не дрожит. — Он может делать что угодно. Но я выбрал тебя. В первый раз, когда ты вышла на ночной каток и сказала, что я неправильно делаю прыжок. Я выбрал тебя, когда ты отказалась от денег. Я выбираю тебя сейчас. И буду выбирать всегда.

Слёзы текут по щекам. Не вытираю. Киваю. Слова не нуж-

ны. Он надевает кольцо мне на палец. Металл холодный, но через секунду становится тёплым. Смотрю на него — серебряный конёк, маленький, изящный. На моей руке. На пальце, который держал коньки, который сжимал ключ от катка, который обнимал его ночью на пустом льду. Обнимаю его. Крепко, так, что трудно дышать. Он пахнет хвоей и потом, и чем-то ещё — своим. Тем, что я знаю. Тем, что стало домом.

— Я люблю тебя, — шепчу в плечо.

— Я знаю, — отвечает. — Я тоже.

Сидим на трибуне, обнявшись. Лёд внизу блестит, синие лампы горят, тишина. Выходим из катка. У входа — они. Мать моя, опирается на Диану, лицо мокрое от слёз. Елена с тростью, улыбается. Саша с Дианой, тренер в старомодном свитере. Все аплодируют. Смеюсь.

— Вы всё видели?

— Мы ничего не видели! — кричит Диана. — Мы просто рады за вас!

Мать подходит, обнимает. Шепчет на ухо:

— Я так счастлива, дочка.

— Я тоже, мам.

Елена берёт меня за руку, смотрит на кольцо.

— Он выбрал правильно, — голос тихий. — Ты сделала его человеком.

— Он сам сделал себя, — отвечаю. — Я просто была рядом.

Ночь. Возвращаемся в гостиницу. В лифте Максим дер-

жит меня за руку, пальцы переплетены. На этаже расходуемся. У двери моего номера он останавливается, смотрит.

— Завтра утром поезд. Домой.

— Знаю.

— Ты готова?

— К чему?

— К новой жизни.

Смотрю на кольцо, на его глаза, на свои коньки, которые стоят у двери.

— Родилась готовой.

Целует. Губы тёплые, мягкие. Закрываю глаза. В груди тепло, спокойно. Завтра поезд домой. Завтра новая жизнь. Но сейчас — этот момент. Его губы, его руки, тишина.

Утром просыпаюсь от того, что солнце бьёт в окно сквозь щель между шторами. Жёлтое, яркое, непривычное после серого петербургского неба. Лежу, смотрю на потолок, на лампу, на трещину в углу. Рука на подушке, кольцо блестит в луче света. Серебряный конёк, маленький, изящный. Надевала вчера и не снимала. Умывалась с ним, спала с ним, завтракать пойду с ним. Пальцем трогаю гравировку — гладкая, чуть шершавая. Улыбаюсь. Телефон на тумбочке мигает. Беру. Максим: «Ты спишь?» Набираю: «Нет. Уже нет». Он: «Я тоже. Выходи, завтрак готов». Смеюсь. Выхожу.

В гостиничном ресторане пусто, только наши. Мать и Елена сидят за одним столом, пьют чай, о чём-то говорят тихо,

улыбаются. Диана и Саша в углу, Саша что-то рассказывает, Диана смеётся, трясёт головой. Максим ждёт у входа, в руке поднос с едой. Протягивает. Беру. Чай горячий, блинчики с творогом, джем. Садимся у окна.

— Снилось что-нибудь? — спрашивает.

— Лёд. И ты.

— Хороший сон?

— Лучший.

Завтракаем молча. Не нужно слов. Всё уже сказано. Кольцо на пальце, он напротив, солнце в окне. Хорошо.

После завтрака спускаемся в холл. Алиса стоит у выхода с одним чемоданом. Чёрное пальто, волосы собраны, лицо бледное. Увидела нас, замерла. Максим сжимает мою руку, я пожимаю в ответ — не бойся. Подхожу.

— Уезжаешь?

— Да. Поезд через час.

— Куда?

— В другой город. Другая академия. Начать заново.

Смотрю на неё. В её глазах — усталость, но нет злости. Пустота, которая постепенно заполняется чем-то новым. Надеждой.

— У тебя получится, — говорю.

— Ты правда так думаешь?

— Ты сильная. Ты всегда была сильной. Просто выбирала не ту дорогу.

Она смотрит долго. Потом кивает.

— Спасибо, — голос тихий. — Не за то, что сказала. За то, что не добила.

— Не за что.

Она выходит на улицу, садится в такси. Машина отъезжает, я смотрю ей вслед. Максим подходит, обнимает за плечи.

— Ты веришь, что у неё получится?

— Не знаю. Но она заслужила шанс.

Поезд домой. Вагон плацкартный, пахнет постельным бельём и железом. Сажу у окна, рядом Максим, напротив — матери. Елена с мамой о чём-то говорят, улыбаются, показывают друг другу фотографии в телефоне. Диана и Саша в соседнем купе, слышно, как Диана смеётся — громко, заливисто, не так, как раньше. Я смотрю в окно. Поля, леса, деревни, станции. Всё знакомое, родное. Небо голубое, солнце светит, снег блестит.

Максим берёт за руку, пальцы переплетены. Молчим. Смотрим на проплывающие за окном поля. Я чувствую покой. Впервые за долгое время — покой.

Достаю телефон, пишу Елене: «Спасибо за кулон. Я буду носить его всегда». Через минуту ответ: «Ты уже носишь его в сердце. Удачи на Олимпиаде». Смотрю на экран, улыбаюсь. Прячу телефон в карман.

Поезд замедляется, объявляют станцию. Наш город. Беру сумку, коньки, Максим помогает. Выходим на перрон. Холодно, ветер бьёт в лицо, снег скрипит под ногами. На перроне — они. Стипендиаты. Человек двадцать, с плакатами.

На одном: «Лера, ты наша гордость». На другом: «Мы не мебель». Диана смеётся, показывает пальцем. Кто-то кричит: «Ура!» Аплодируют. Я смотрю на них, на их лица, на плакаты, на руки, которые хлопают. Не знаю, куда девать глаза. Привыкла быть изгоем. Не героем.

Мать подходит, обнимает.

— Ты вернулась, — шепчет.

— Вернулась.

— Навсегда?

— Нет, — смотрю на Максима, на его улыбку, на кольцо на своём пальце. — Но теперь я знаю, куда возвращаться.

Академия изменилась. Я вижу это по стенам — новые стенды, фотографии стипендиатов, их имена. Не только «золотых». Всех. Диана ведёт меня по коридору, показывает.

— Это ты сделала, — говорит.

— Мы сделали, — поправляю.

Захожу в свою комнату. Комната тринадцать. Всё на месте: четыре койки, шкаф с дверцей на одной петле, стол из ДСП, учебники. Моя кровать у стены, на тумбочке фотография матери, в углу старые коньки. Сажусь на койку, пружины скрипят. Диана садится рядом. Молчим. Смотрим в окно. Сосны, небо, облака.

— Всё изменилось, — говорит.

— Нет, — качаю головой. — Всё только начинается.

ГЛАВА 14. ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА

Месяц после чемпионата России пролетает как один день. Мы живём на катке. Утром — лёд, днём — тренажёрный зал, вечером — хореография. Елена не даёт расслабляться, Олег Николаевич требует идеальной чистоты. Колено окрепло, страх остался, но я научилась с ним жить. Он сидит где-то в груди, напоминает о себе, когда захожу в прыжок. Дышу — и он отступает. Максим рядом, его рука на моей спине, его дыхание на моей шее. Мы работаем как один механизм, как одно тело, как один человек. Каждое утро, когда затягиваю шнурки, смотрю на старые коньки, которые стоят в углу. Они напоминают, откуда пришла. Куда иду.

Кабинет тренера пахнет кофе и бумагой. Олег Николаевич сидит за столом, снял очки, трёт переносицу. Под глазами тени, лицо усталое. Мы с Максимом на стульях напротив. Тишина такая плотная, что слышно, как тикают часы на стене, как гудит вентиляция за стеной. Он смотрит на нас долго, тяжело. Потом говорит:

— Вы сильнейшие, — голос сухой, ровный, но я слышу в нём то, чего раньше не было. Усталость. Или сожаление. — Я не буду вам льстить. Вы лучшие из тех, кого я тренировал. Может быть, лучшие, кого я вообще видел.

Максим сжимает мою руку под столом. Пальцы тёплые, сухие, сжимают крепко.

— Но есть проблема, — продолжает тренер. Кладёт очки на стол, сцепляет пальцы. — Федерация хочет включить в состав другую пару. Их спонсоры настаивают. У них больше финансирования, больше связей. Ваши результаты их не интересуют. Им нужны свои.

— Мы выиграли чемпионат России! — Максим вскакивает, стул отодвигается с сухим скрипом, ножки царапают пол. — Мы первые! Какие ещё могут быть вопросы? Что им нужно? Золото? Мы его принесли!

— Садись, — голос тренера твёрдый, как сталь. Максим садится, сжимает челюсть, желваки играют под кожей. — Спорт — это не всегда справедливость. Это политика. Деньги. Связи. Вы оба это знаете. Я знаю, вы через это прошли. Но сейчас ставки выше. Это Олимпиада. Там решают не судьи, там решают чиновники в кабинетах.

Смотрю на свои руки, на кольцо, которое блестит под лампой. Серебряный конёк, маленький, изящный. Внутри холодок, но не страх. Решимость. Смотрю на тренера, смотрю прямо.

— Мы докажем на льду, что мы лучшие, — голос ровный, не дрожит. — И они не смогут нас игнорировать. Если мы откатаем так, что у них не останется сомнений, если мы побьём рекорды, если мы покажем то, что никто не показывал — они не посмеют нас убрать. У них не будет выбора.

Тренер смотрит на меня долго. Потом кивает.

— Это единственный способ. — Берёт очки, надевает,

смотрит поверх оправы. — Тогда работайте. У вас две недели.

Начинаем тренироваться с удвоенной силой. Елена ставит новую программу — максимальная сложность, поддержки, которые никто не делал, прыжки, которые раньше казались невозможными. Колено выдерживает, но страх остаётся. Каждое утро, когда затягиваю шнурки, пальцы чуть дрожат. Вхожу в прыжок — сердце колотится. Но я дышу. Я делаю. Я не останавливаюсь.

За неделю до отбора приходит письмо. Конверт плотный, бумага дорогая, с золотым тиснением. Адрес от руки — знакомый почерк. Его. Отец Максима. Разрываю, внутри лист, ровные строчки, без единой пометки. Читаю. «Ты думаешь, что выиграла. Но я не проигрываю. У тебя есть неделя, чтобы исчезнуть. Иначе твоя мать поплатится. Ты знаешь, я умею держать слово». Смотрю на строчки, на подпись, на герб в углу. Пальцы не дрожат. Убираю письмо в карман. Завтра скажу Максиму. Завтра будем решать. Сегодня — тренировка.

Показываю письмо Максиму на следующий день. Мы сидим в раздевалке на скамейке, пластик холодный, жёсткий. Лампы мерцают, стены бледно-зелёные, в углу шкафчик с открытой дверцей. Он читает, лицо бледнеет, челюсть сжимается так, что желваки играют под кожей. Кулаки сжаты, костяшки белые, пальцы впиваются в бумагу, она мнётся,

трещит. Встаёт, ходит по комнате, шаги гулкие, тяжёлые, отдаются эхом от бетонных стен.

— Я убью его, — голос глухой, чужой, не его. Я не узнаю этот голос. — Клянусь, я убью его. Если он тронет твою мать, если он ещё раз...

— Нет, — встаю, беру за руку. Пальцы холодные, сжимаю крепко. — Мы не станем такими, как он. Мы не опустимся до его уровня.

— Он трогает твою семью! Он угрожает твоей матери! Он уже отправил её в больницу!

— Поэтому мы не должны играть по его правилам. — Смотрю в глаза. — Если мы сейчас ответим тем же, мы ничем не будем отличаться от него.

— А если она умрёт? — голос срывается. — Если он добьётся своего?

— Не добьётся.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я не позволю.

Он смотрит на меня долго. Потом кивает. Садится, прячет лицо в ладонях. Плечи дрожат. Сажусь рядом, обнимаю. Чувствую, как бьётся его сердце — часто, неровно. Молчим. Вентиляция гудит, лампы мерцают.

Звоню матери. Гудки. Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Шесть. Сброс. Набираю соседку, тётю Веру из тридцать пятой квартиры. Она отвечает сразу, голос взволнованный, срывается.

— Лера? Слава богу, ты позвонила. Твою мать увезли в

больницу. Сердечный приступ. Скорая приехала через десять минут, но она была без сознания. Я сидела с ней, пила чай, она вдруг побледнела, схватилась за сердце и упала.

Внутри всё обрывается. Телефон выскальзывает из рук, падает на пол, глухой удар. Максим поднимает, смотрит на меня. Лицо белое, глаза чёрные.

— Что?

— Мать в больнице. Сердечный приступ. Это он.

— Я знаю.

В это же время в своём офисе отец Максима сидит в кожаном кресле, смотрит на человека в тёмной форме. Тот стоит перед столом, руки за спиной, лицо без выражения. За окном снег, низкое небо. На столе стакан с водой, не тронутый.

— В больнице она?

— Да. Врачи говорят, состояние стабильное, но слабое. Ещё один приступ — и она не выкарабкается.

— Этого достаточно. — Он снимает очки, протирает стёкла белой тканью. — Она должна исчезнуть до отбора. Сделайте это тихо. — Пауза. — Без шума. Никаких следов.

Человек кивает, выходит. Дверь закрывается бесшумно.

Еду в больницу одна. Максим рвётся со мной, спорит, кричит, я стою на своём. «Ты нужен здесь. На тренировке. Если мы оба пропадём, они заподозрят. Ты должен быть на льду. Должен кататься. Ради нас. Ради неё». Он не соглашается, я повторяю. Потом сжимает кулаки, кивает. Выхожу, сажусь в такси. Город серый, низкое небо, снег с дождём. Смотрю

в окно, не вижу ничего. Дворники скребут по стеклу, монотонно, тяжело. Водитель что-то говорит, я не слышу.

В больнице пахнет лекарствами и дезинфекцией. Коридоры длинные, лампы горят ровно, пол кафельный, скользкий. У палаты матери — охранник. Широкий, в форме, лицо без выражения, руки за спиной.

— Только родственники.

— Я её дочь.

— Не положено.

— Я сказала — я её дочь!

Пытаюсь пройти, он преграждает путь рукой. Широкая ладонь, мозолистые пальцы.

— Не положено, — повторяет, не глядя на меня.

Из лифта выходит Елена. Опирается на трость, лицо бледное, но глаза спокойные, твёрдые. Подходит, смотрит на охранника. Трость стучит по кафелю.

— Я адвокат этой семьи, — голос твёрдый, не дрожит. — У вас есть три минуты, чтобы пустить девушку. Иначе я подам в суд на больницу за воспрепятствование допуску законного представителя пациента. У меня есть связи в прокуратуре. Хотите проверить?

Охранник смотрит на неё, на меня. Отступает. Захожу. Мать лежит на койке, бледная, худая, под глазами тени, синие круги. Вокруг капельницы, трубки, монитор пикает, показывает пульс. Увидела меня, улыбнулась слабой улыбкой. Я беру её за руку, пальцы холодные, тонкие, костяшки вы-

ступают. Кожа сухая, шершавая.

— Я знаю, что случилось, — голос тихий, почти шёпот.
— Не волнуйся. Я сильная. Я выдержу.

— Мам...

— Не плачь, — шепчет. — Ты справишься. Ты всегда справлялась.

Плачу. Сжимаю её руку. Капельница капает, монотонно, тяжело. Монитор плачет. Я сижу, смотрю на неё. Она закрывает глаза, дышит ровно. Спокойно. Я не отпускаю.

Два дня сижу у постели матери. Палата общая, на четверых, но соседок нет — только мать, капельницы, мониторы. За окном серое небо, снег падает ровно, без ветра. Я смотрю на её лицо — бледное, осунувшееся, под глазами синие круги. Волосы редкие, седые, разметались по подушке. Губы сухие, потрескались. Она спит, дышит ровно, но я слышу каждый вдох — тяжёлый, с хрипотцой. Рука её лежит поверх одеяла, я держу её, пальцы холодные, тонкие, костяшки выступают. Капельница капает, монотонно, тяжело. Монитор плачет, показывает пульс — слабый, неровный.

В голове прокручиваю варианты. Если я продолжу, если поеду на отбор, если выиграю — он может сделать с ней что-то ещё. Следующий удар может быть последним. Врач сказал: «Сердце слабое. Ещё один приступ — не выдержит». Слова висят в воздухе, тяжёлые, холодные.

Почти готова сдаться. Взять телефон, позвонить ему, ска-

зять: «Я ухожу. Только не трогайте её». Пальцы тянутся к телефону, лежащему на тумбочке, замирают. Экран горит, на нём сообщение от Максима: «Держись». Не отвечаю. Смотрю на мать, на её руки, на шрам на запястье — порезалась стеклом, когда мыли окна, мне было десять. Тогда она смеялась, говорила: «Ничего, дочка, заживёт». Сейчас не смеётся. Сейчас она спит, и я боюсь, что она не проснётся.

Она открывает глаза. Медленно, веки тяжело поднимаются. Смотрит на меня долго, пристально. В её глазах — туман, но я вижу — она здесь. Она со мной. Берёт меня за руку, пальцы холодные, но сжимают крепко, неожиданно сильно.

— Я знаю, что ты думаешь, — голос тихий, хриплый, но твёрдый. — Не смей.

— Мам...

— Если ты сдашься сейчас, он победит. А я не хочу, чтобы моя дочь жила в мире, где такие люди побеждают.

— Но ты...

— Я выдержу. Я всегда выдерживала. И ты выдержишь.

Смотрю на неё. В её глазах — то, что я видела в детстве, когда она учила меня кататься на замёрзшей реке. Сила. Та, которая не сломалась. Та, которая не сломается. Она сжимает мою руку, пальцы дрожат, но взгляд не отпускает.

— Ты моя дочь, — продолжает. — Ты из нашего рода. Мы не сдаёмся.

Возвращаюсь в Академию. Выхожу из такси, снег хрустит под ногами, ветер бьёт в лицо, щиплет щёки, забивается под

куртку. Максим ждёт у ворот, лицо бледное, глаза красные, волосы растрёпаны — не спал, ждал. Обнимает, не отпускает долго. Пахнет хвоей и холодом, пальцы впиваются в спину через ткань куртки.

— Я нашёл способ, — голос глухой, в плечо. — Мы не будем играть по его правилам.

— Какой?

— Сделаем программу заявлением. Покажем всем, кто мы. А после отбора ты дашь интервью. Расскажешь про угрозы. Про его человека в больнице. Про письма.

— Он уничтожит меня.

— Он уже пытался. Не уничтожил.

Идём к тренеру. Кабинет на втором этаже, дверь из матового стекла. Стучим, входим. Олег Николаевич поднимает глаза от планшета, смотрит на нас. На столе остывший кофе, ручка с обгрызанным колпачком. В комнате пахнет бумагой и табаком.

— У нас есть план, — говорю.

Выслушивает, не перебивая. Молчит. Снимает очки, трёт переносицу. Смотрит в окно, на сосны, на снег.

— Это рискованно.

— Всё, что мы делали, было рискованно.

— Если вы провалитесь, вас выгонят. Обоих. Навсегда.

— Не провалимся.

Молчит. Долго. Потом кивает.

— Делайте.

Звоню Саше. Он отвечает сразу, голос встревоженный.

— Случилось что-то?

— Нужна помощь. Свяжись с журналистом, который писал первую статью. Пусть будет готов. Если со мной что-то случится — история выйдет. Видео, письма, всё.

— Понял. Ты уверена?

— Да.

— Тогда держись. Я сделаю.

Сбрасываю. Накануне отбора не сплю. Лежу на койке, смотрю в потолок. Диана дышит ровно, спит. Смотрю на кольцо, на кулон, на старые коньки, которые стоят в углу. Они видели всё. Мои падения, мои победы, мои слёзы.

Выхожу на лёд под свет прожекторов. Он бьёт в глаза, я щурюсь, но не отвожу взгляда. Трибуны гудят, тысячи людей, флаги, камеры. В первом ряду — отец Максима. Вижу его боковым зрением, чувствую взгляд. Не смотрю. Смотрю на лёд. Он ровный, белый, скользкий. Сегодня он будет слушаться.

Максим рядом, беру его за руку. Пальцы холодные, но сжимает крепко.

— Смотри на лёд, — шепчет.

— Смотрю.

Разминка. Делаю круг, второй. Тело разогревается, мышцы тянутся, колено слушается. Пробую прыжок — тройной флип. Чисто. Ещё один. Чисто. Лёд принимает, не подводит.

В ложе отец Максима наклоняется к главе федерации, что-то шепчет. Тот кивает, но смотрит на лёд. Не на него.

Короткая программа. Музыка начинается, и я перестаю существовать. Прыжки — отталкивание, ось, вращение, приземление. Чисто. Дорожка шагов — ноги сами идут. Поддержка — его руки, его дыхание. Зал аплодирует. Судьи ставят высокие баллы.

Отец Максима сидит неподвижно, лицо каменное. Рядом с ним человек в тёмном костюме что-то записывает в блокнот.

Произвольная программа. Выходим на лёд. Я смотрю на Максима. В его глазах — всё, что мы пережили. Первая ночь на катке, когда я сказала ему про корпус. Его злость, потом удивление, потом странная тишина. Первое перемирие в столовой, когда он сел напротив и поставил тарелку с едой. Его улыбка на ночных тренировках, когда у него наконец получился тулуп. Первый поцелуй на синем льду, лёгкий, почти невесомый.

Музыка начинается. Первый аккорд — «Зима» Вивальди. Вкладываю в каждое движение всё. Боль, когда меня подрезали на малом катке и я лежала, смотрела в серый лёд, сжимала зубы. Страх, когда свет бил в глаза на комиссии, и я не знала, поверят мне или нет. Ненависть, когда он смотрел на меня поверх очков и говорил о моей матери как о вещи. Надежду, когда Диана дала ключ от катка, и я вышла на лёд ночью, одна. Любовь, когда он поцеловал меня впервые.

Каскад из трёх прыжков. Вхожу в первый. Отталкивание, ось, вращение. Приземление. Чисто. Второй. Чисто. Третий — тройной риттбергер. Вхожу с той же яростью, что и в первый день на малом катке. Отталкивание, ось, вращение. Лёд чуть подводит — вязкий, тяжёлый, нога уходит вниз. Группируюсь, добираю вращение. Приземление. Чисто.

В зале кричат. Я не слышу. Только музыка, только лёд, только он.

Финальная поддержка. Максим поднимает меня на одной руке. Я держу равновесие, руки расправлены, как крылья. Смотрю в зал. Вижу мать — она приехала из больницы, сидит с Еленой, бледная, но улыбается. Вижу Диану — она кричит, плачет, машет плакатом. Вижу Сашу — стоит, сжимает кулаки, сломанный зуб блестит. Вижу тренера — у бортика, в старомодном свитере, кивает.

Отец Максима сидит неподвижно. Его лицо не меняется. Но я вижу, как его пальцы сжимают подлокотник кресла.

Опускаюсь. Музыка затихает. Зал встаёт. Аплодисменты не стихают.

Смотрю на табло. Цифры прыгают, складываются. Рекордные баллы.

Максим обнимает, крепко. Я чувствую, как он дрожит.

— Мы сделали это.

— Сделали.

Схожу со льда. Ноги дрожат, колено пульсирует. Диана бросается к бортику, сжимает мою руку, не говорит ни слова

— только плачет. Елена кивает, улыбается.

Отец Максима встаёт. Смотрит на нас долго. Потом разворачивается, уходит. Не оглядывается. Человек в тёмном костюме за ним.

Подходит глава федерации, пожимает руку Максиму, потом мне.

— Поздравляю. Вы в сборной.

Киваю. Не могу говорить.

В раздевалке сижу на скамейке, смотрю на свои коньки. Старые, потёртые, с царапиной на левом лезвии. Они вывели меня сюда. Они помнят всё. Я помню всё.

Максим заходит, садится рядом, берёт за руку. Молчим.

— Что теперь? — спрашивает.

— Теперь Олимпиада.

— Боишься?

— Нет, — смотрю на него, он улыбается. — Я уже ничего не боюсь.

Вечер после отбора. Каток пуст. Синие аварийные лампы горят ровно, без мерцания. Лёд блестит, в стеклянном куполе отражаются наши тени. Сижу на трибуне, смотрю вниз. Максим рядом, локти на коленях, смотрит на свои руки. Вентиляция гудит где-то под трибунами, лёд трещит, оседает. За стенами ветер качает сосны, иголки скребут по стёклам.

— Отец улетел, — голос тихий, почти шёпот. — В Швейцарию. Говорят, навсегда.

— Он всё равно останется с тобой. В твоей памяти.

— Думаешь, это когда-нибудь перестанет болеть?

— Не знаю. Но со временем станет легче.

Смотрю на лёд. Белый, ровный, скользкий. Здесь я упала в первый раз, когда меня подрезали на разминке. Лёд был серым, с трещинами. А этот — идеальный. Но он тот же. Он помнит.

— Не чувствую облегчения, — говорю. — Только пустоту.

— Это нормально, — он берёт меня за руку, сжимает. — Когда долго борешься, а потом всё заканчивается, внутри образуется дыра. Она заполнится. Со временем.

— Ты веришь в это?

— Пытаюсь.

— Я тоже.

Смотрю на кольцо. Серебряный конёк блестит на пальце.

— Я выйду за тебя замуж. После Олимпиады.

— Когда мы завоюем золото?

— Если завоюем.

— А если нет?

— Всё равно выйду. Золото не главное.

Улыбается. Встаёт, тянет за руку.

— Идём. Там ждут.

Выходим из катка. У выхода останавливаюсь, оборачиваюсь. Лёд пустой, синие лампы горят, трибуны темнеют ступенями.

— Ты идёшь? — он держит дверь.

— Иду.

На улице темно. Сосны стоят чёрными стенами, ветер стих, небо чистое, звёзды мелкие, колючие. Снег скрипит под ногами. У входа — они. Мать опирается на Диану, лицо бледное, но глаза блестят. Елена с тростью, улыбается. Саша в худи сборной, сломанный зуб блестит. Тренер Олег Николаевич в старомодном свитере, руки скрещены. Стипендиаты с плакатами.

— Вы чего? — спрашиваю.

— Ждём вас, — Диана смеётся, вытирает слёзы. — Куда же вы без нас?

Мать подходит, обнимает. Плечи худые, руки дрожат, но она улыбается.

— Я горжусь тобой.

— Спасибо, мам.

— Ты не сдалась.

— Ты научила.

Беру мать под руку. Максим — Елену. Идём по улице. Снег скрипит, фонари горят жёлтым, в воздухе пахнет морозом и дымом из труб. Диана и Саша идут сзади, смеются, что-то обсуждают. Тренер шагает чуть поодаль, молчит. Стипендиаты расходятся по домам, машут на прощание.

— О чём думаешь? — спрашивает Максим.

— О том, что впереди Олимпиада. Новые тренировки. Новые падения.

— И новые победы.

— Возможно.

— Ты сомневаешься?

— Нет. Просто не загадываю.

Он сжимает мою руку. Идём дальше. Снег под ногами, его рука в моей, мать рядом, звёзды над головой.

ГЛАВА 15. ОЛИМПИЙСКАЯ КОМАНДА

Конференц-зал Федерации спорта заполнен до отказа. Пластиковые стулья расставлены ровными рядами, спинки касаются друг друга. Сажусь на своё место, сжимаю пальцы на коленях, чувствую, как ногти впиваются в ладони через тонкую ткань штанов. Рядом Максим, его рука на моей — сухая, горячая, сжимает. С другой стороны Диана, приехала как психолог сборной, но я знаю: она здесь ради меня. В зале шумно, переговариваются, шуршат бумагами, кто-то кашляет. В первом ряду чиновники в строгих костюмах, лица без выражения.

Глава Федерации выходит на сцену. В чёрном костюме, белой рубашке, галстук завязан идеальным узлом. В руках конверт из плотной бумаги. Тишина падает мгновенно — никто не дышит, не кашляет, не шевелится. Слышно, как гудит вентиляция под потолком, как скрипит стул под чьим-то весом. Он открывает конверт, медленно, будто специально растягивает секунды. Достает лист, поправляет очки, смотрит в зал.

— Первая пара, представляющая нашу страну на Олимпийских играх в Корее — чемпионы Европы Елена Волкова и Сергей Морозов.

Аплодисменты. Кто-то кричит, свистит, хлопает. Я сжимаю руку Максима, он отвечает. Плечо у него всё ещё болит, но он держится ровно, не показывает. Смотрю на сцену, не отвожу взгляда.

— Вторая пара — серебряные призёры прошлого чемпионата мира Анна Петрова и Илья Соколов.

Снова аплодисменты. В зале напряжение растёт, оно давит на плечи, на грудь, на горло. Осталось одно место. Одно. Глава делает паузу. Смотрит в зал, медленно переводит взгляд с одного лица на другое. Я чувствую, как сердце колотится, как кровь шумит в ушах, как пульс отдаётся в кончиках пальцев, в висках, в горле.

— Третья пара — Валерия Соболева и Максим Воронцов. Зал взрывается. Не слышу аплодисментов — только шум в ушах, только стук сердца, только его рука, которая сжимает мою так, что костяшки хрустят. Максим обнимает, я утыкаюсь лицом ему в плечо. Пахнет хвоей и потом, ткань пиджака шершавая, прилипает к мокрым щекам. Слёзы текут, не вытираю. Кто-то хлопает по плечу, кто-то кричит поздравления, кто-то жмёт руку. Не различаю лиц.

Диана обнимает с другой стороны, шепчет: «Я говорила. Я говорила». Смеюсь сквозь слёзы.

После церемонии в холле толпа журналистов. Камеры, микрофоны, вспышки режут глаза. Ко мне подходит девушка в синем пиджаке, протягивает диктофон, красный огонёк мигает.

— Валерия, что вы чувствуете?

Смотрю на неё, на диктофон, на камеру за её плечом.

— Я чувствую, что все мои страхи были зря. Я здесь, я в команде. Сделаю всё, чтобы не подвести страну.

Она улыбается, благодарит, отходит. Я смотрю ей вслед.

Вечером возвращаюсь в Академию. Автобус подъезжает к воротам, и я вижу их. Стипендиаты выстроились в коридоре, человек двадцать, с плакатами. На одном крупно: «Лера, ты наша гордость». На другом: «Мы не мебель». Диана смеётся, показывает пальцем. Кто-то кричит: «Ура!» Аплодируют, хлопают в ладоши, звук бьётся о стены, разносится по этажу. Иду по коридору, они хлопают. Впервые в истории Академии стипендиат едет на Олимпиаду. Не знаю, куда девать глаза. Улыбаюсь. Машу. Внутри тепло.

Тренировки идут по десять часов в день. Утром встаю за-темно, в пять, когда за окном ещё темно. Натягиваю форму, затягиваю шнурки, коньки в сумку. Коридоры пустые, лампы мерцают, пол бетонный, холодный. На катке уже горит свет — Елена пришла раньше, стоит у бортика, опирается на трость. Провожает взглядом, кивает.

Елена ставит новые поддержки. Рискованные, зрелищные, такие, которые никто не делал. Объясняет, показывает на себе. Трость отставляет в сторону, выходит на лёд без неё. Максим напрягается, смотрит, не отрываясь. Пальцы сжимают бортик, костяшки белые.

— Не бойся за меня, — говорит она.

— Я не боюсь.

— Боишься. Но это не страшно. Страшно — не пробовать.

Повторяем одну поддержку сорок раз. Я лечу вверх, держу равновесие, он ловит. На сорок первом срыв — я падаю на лёд, колено встречается с поверхностью, боль вспышкой от ноги до затылка. Максим подхватывает, не даёт удариться сильнее. Дышит тяжело, спрашивает: «Цела?». Киваю. Начинаем снова.

На пятой тренировке он падает. С поддержки. Срыв, рывок, я лечу вниз, успеваю сгруппироваться, но он подхватывает — и в этот момент плечо хрустит. Глухо, сухо. Я слышу этот звук, и внутри всё обрывается. Он бледнеет, сжимает зубы, не кричит. Съезжает к бортику, держится за плечо. Пот стекает по лицу, капает на лёд, замерзает мелкими шариками.

— Ничего, — голос хриплый. — Не в первый раз.

Врачи в медпункте щупают плечо, качают головами. Растяжение, как минимум. Нужен покой. Минимум неделя. Максим сидит на кушетке, смотрит в пол, кулаки сжаты, пальцы впиваются в ладони. Я рядом, держу за руку.

— Я подведу тебя, — голос глухой.

— Нет.

— Если не восстановлюсь...

— Восстановишься. Мы команда. Если ты не можешь, я

сделаю это за нас двоих. Но ты будешь готов.

Он смотрит на меня. В его глазах — злость, страх, благодарность. Потом кивает.

Каждый день приношу ему лёд, мази, сижу рядом, когда он делает упражнения. Он злится, психует, швыряет вещи. Я не уйду. Через пять дней выходит на лёд. Плечо зафиксировано эластичным бинтом, двигается осторожно, но катается. Подходит ко мне, берёт за руку.

— Осторожнее, — говорю.

— Постараюсь.

Тренер наблюдает с трибуны, потом спускается к бортику. В старомодном свитере с косами, лицо спокойное, но я вижу — он улыбается краем губ.

— Вы готовы. Но помните: Олимпиада — это не только техника. Это нервы. Вы должны быть спокойны, как лёд.

Киваю. Выхожу на центр. Максим рядом. Делаем поддержку. Получается.

За неделю до отлёта приходит письмо. Конверт без обратного адреса, почерк знакомый. Алиса. Разрываю, внутри открытка с видом её нового города, горы, снег, маленькие домики. «Я буду болеть за вас. Покажи им, кто такая Лера Соболева». Смотрю на строчки, на подпись. Прячу в карман.

Стеклянные двери аэропорта разъезжаются, пропуская внутрь холодный ветер с улицы. Он бьёт в лицо, щиплет щёки, забирается под воротник куртки. За спиной — стоян-

ка такси, сигналы машин, голоса провожающих. Впереди — стойки регистрации, табло с рейсами, очередь из спортсменов в олимпийской форме. Я сжимаю ручку чемодана. Колесо заедает, я тяну сильнее, оно поддается, скрипит.

Рядом Максим. Его сумка через плечо, лицо спокойное, но я вижу — желваки играют. Пальцы сжимают лямку рюкзака так, что костяшки белеют. С другой стороны Диана, в руке маленький рюкзак, глаза блестят, на щеках румянец — волнуется, но держится. Елена опирается на трость, смотрит на сына, не отрываясь. Ветер с улицы треплет её седые волосы, она не поправляет.

Мать не смогла приехать. Вчера звонила, я слышала её голос — тихий, с хрипотцой. «Сердце шалит, врачи не пускают. Но я буду смотреть. Каждый прыжок». Я сжимала телефон, смотрела на фотографию на стене. Она улыбалась, но глаза были грустными. Обещала звонить каждый день. Она сказала: «Не надо каждый. Когда будет время. Я знаю, ты будешь занята». Я не спорила. Положила трубку, посидела на койке, сжавшись в комок. Диана обняла, ничего не сказала. Не нужно было.

Вокруг журналисты. Камеры, микрофоны, вспышки. Они окружили нас плотным кольцом, кто-то лезет с вопросом прямо в лицо, дышит перегаром и кофеином. Голоса накладываются, я не успеваю разобрать, кто что спрашивает. Свет прожекторов бьёт в глаза, я щурюсь, отворачиваюсь. Вижу свои руки — пальцы дрожат, ногти впиваются в ладони.

— Как вы готовились?

— Не боитесь ли вы конкуренции?

— Ваши отношения — это пиар или правда?

Максим делает шаг вперёд. Встаёт передо мной, загораживает от камер. Говорит, глядя прямо в объектив, не моргая:

— Это правда. И мы докажем это на льду.

Журналисты переглядываются. Кто-то свистит. Кто-то аплодирует. Первое публичное признание. Я сжимаю его руку. Пальцы у него холодные, но сжимает крепко. Чувствую, как его ладонь обхватывает мою, как большой палец гладит тыльную сторону.

В другом конце аэропорта, у выхода на лётное поле, стоит отец Максима. Я замечаю его краем глаза. В дорогом пальто, без галстука, седина на висках. Смотрит издалека, не подходит. Рядом с ним человек в тёмном костюме, что-то спрашивает. Отец кивает. Не оборачивается. Максим тоже его замечает. На секунду замирает, потом отворачивается. Берёт меня за руку, тянет к выходу на посадку.

— Идём.

— Идём.

Заходим в самолёт. Салон тесный, пахнет кожей и дезинфекцией, в воздухе висит запах чужого табака и духов. Ищем свои места, убираю сумку наверх, сажусь у окна. Максим рядом, Диана и Елена через проход. Смотрю в иллюминатор. Взлётная полоса мокрая, отражает серое небо. Механик в

жилетке машет флажками, кто-то бежит с планшетом. Самолёт дрожит, начинает выруливать.

— Боишься? — спрашивает Максим.

— Нет. Просто волнуюсь.

— Я тоже.

Взлетаем. Смотрю вниз, на город, который становится маленьким. Дома — как спичечные коробки, река — блестящая лента, машины — муравьи. Потом облака закрывают всё, и остаётся только белое поле. Я откидываюсь на спинку кресла, закрываю глаза. В ушах шум двигателей, вибрация проходит через тело. Максим берёт меня за руку, пальцы переплетаются. Не отпускает.

Олимпийская деревня встречает гулом. Спортсмены со всего мира, флаги, улыбки, напряжение. Выхожу из автобуса, и воздух бьёт в лицо — холодный, влажный, незнакомый. Пахнет выхлопными газами и чужой едой. Высокие здания, люди в форме разных сборных, кто-то смеётся, кто-то серьёзен. Китайцы в красном, американцы в синем, японцы в белом. Чувствую себя муравьём в огромном муравейнике. Рядом Максим, его рука на моей спине, пальцы чуть сжимают. Диана и Елена сзади, переговариваются, но я не разбираю слов.

Нас ведут к корпусу. Коридоры длинные, стены белые, под ногами ковролин глушит шаги. Комната на двоих. Небольшая, но чистая. Две кровати с белым постельным бельём,

тумбочка между ними, настенная лампа с жёлтым абажуром, маленький шкаф-купе. Диана сразу начинает раскладывать вещи, я вешаю на стену фотографию матери. Смотрю на неё, на её улыбку, на руки, сложенные на коленях. Там, дома, она сейчас, наверное, пьёт чай, смотрит телевизор, ждёт новостей. Максим в соседнем блоке. Слышно, как он ходит, как открывает дверь, как разговаривает с Еленой.

Первая тренировка на олимпийском льду. Арена огромная, купол уходит вверх, свет льётся ровный, белый, без теней. Трибуны пустые, но я чувствую — через несколько дней они заполнятся, будут кричать, свистеть, хлопать. Пахнет бетоном и свежим льдом, тем особенным холодом, который ни с чем не спутать. Лёд идеальный, ровный, скользкий. Ступаю на него, и внутри всё замирает. Это тот самый лёд. Олимпийский. Тот, на котором решаются судьбы, на котором становятся легендами или никем.

Максим рядом, разминается, делает круг, второй. Лезвия режут поверхность, звук разносится под куполом, бьётся о стёкла, о пластик кресел.

— Просто делай то, что умеешь, — говорит. — Мы здесь не случайно.

— Я верю.

— Этого достаточно.

Киваю. Делаю прыжок. Тройной флип. Отталкивание — левая нога толкает, правая уходит вверх. Ось держу ровно, вращаюсь. Считаю обороты. Приземление — лезвие режет

лёд ровно, без скольжения. Чисто. Лёд принимает, не подводит. Ещё один. Ещё. Тело разогревается, мышцы работают, колено слушается.

После тренировки знакомимся с соперниками. Канадская пара улыбается, жмёт руки, но в глазах — холодный расчёт. Американцы громко смеются, хлопают по плечам, но я чувствую — они изучают нас, ищут слабые места. Японцы молчаливы, кланяются, не смотрят в глаза. Здесь друзей нет. Есть только конкуренты. Каждый смотрит на тебя и прикидывает, как обыграть, как обойти, как оставить за бортом.

Ночью не могу уснуть. Лежу, смотрю в потолок. Диана дышит ровно, спит. Выхожу в коридор. Максим уже там, сидит на полу, прислонившись к стене. В руке два стакана, пар поднимается. Протягивает один. Беру. Чай горячий, сладкий, с мёдом. Он запомнил. Сажусь рядом, плечо к плечу.

— Мы здесь, — говорит. — Мы сделали это.

— Мы сделаем ещё больше.

— Надеюсь.

— Я тоже.

Пьём молча. Слышно, как где-то внизу хлопает дверь, как кто-то смеётся, как гудит вентиляция. Завтра жеребьёвка. От того, в какую группу попадём, зависит многое. Но сейчас — важен именно этот момент. Его рука в моей, его дыхание рядом, тишина.

Конференц-зал Олимпийской деревни заполнен до отка-

за. Сажу среди сотен спортсменов, сжимаю руку Максима. Пальцы у него горячие, чуть влажные. Диана осталась в комнате — сказала, что не выдержит напряжения, будет ждать новостей. Елена стоит у входа, опирается на трость, смотрит на нас. На сцене — представители федераций, главы делегаций, судьи. Свет яркий, белый, бьёт в глаза, я щурюсь. Жеребьёвка проходит по группам. Называют первые номера, зал вздыхает, аплодирует. Кто-то радуется, кто-то бледнеет, закрывает лицо руками.

Объявляют нашу группу. Первая. Та, где выступают фавориты. Канадцы, американцы, японцы. Холодок пробегает по спине, внутри всё сжимается. Максим сжимает мою руку, не отпускает.

— Это хорошо, — говорит тихо. — Мы сразу увидим, кто есть кто. И они увидят нас.

— Боишься?

— Немного.

— Я тоже.

Киваю. Смотрю на сцену. Нас вызывают для уточнения деталей. Поднимаемся, подходим к столу. Чиновник в очках что-то помечает в планшете, кивает, не глядя. Спрашивает про фамилии, проверяет по списку. Я отвечаю, голос не дрожит. Максим рядом, его рука на моей талии.

Возвращаемся на место. В зале шумно, кто-то обсуждает результаты, кто-то уже ушёл. После жеребьёвки к нам подходит тренер Олег Николаевич. В старомодном свитере с коса-

ми, лицо спокойное, но я вижу — он тоже волнуется, пальцы теребят край рукава.

— Вы в хорошей компании. Докажите, что вы достойны быть там.

— Докажем, — отвечает Максим.

Тренер кивает, уходит. Я смотрю ему вслед, потом на Максима.

— Группа смерти.

— Значит, мы там, где должны быть.

— Ты правда так думаешь?

— Верю.

Возвращаюсь в комнату. Диана ждёт, сидит на кровати, поджав ноги. Смотрит на меня, не спрашивает — видит по лицу.

— Мы в группе с фаворитами.

— Страшно?

— Немного.

— Это нормально. Ты всегда боялась. Но делала.

Она права.

Ложусь на кровать, смотрю в потолок. Завтра первый день соревнований. Разминка, короткая программа, судьи, баллы. Всё, к чему мы шли. Закрываю глаза. Вижу лёд, мать, Максима. Вижу, как мы выходим на старт, как замираем в центре. Слышу музыку. Верю. Готовлюсь.

Конференц-зал Олимпийской деревни напоминает

огромный аквариум. Стекланные стены, белый свет, люди в яркой спортивной форме — красной, синей, жёлтой, зелёной. Сажу на жёстком пластиковом стуле, пальцы сцеплены на коленях, костяшки побелели. Рядом Максим, его бедро касается моего, он сидит неподвижно, как каменное изваяние. Диана осталась в комнате, сказала, что не выдержит, будет ждать новостей по телефону. Елена стоит у входа, опираясь на трость, я вижу её седую голову среди толпы.

На сцене длинный стол, покрытый синей скатертью. За ним — представители федераций, главы делегаций, судьи. У каждого микрофон, стакан воды, папка с бумагами. Свет направлен на них, их лица кажутся плоскими, без теней. Ведущий — мужчина в очках, с аккуратной бородкой — подходит к микрофону, проверяет звук. Короткий свист, потом тишина.

— Начинаем жеребьёвку олимпийского турнира по фигурному катанию. Первая группа — парное катание.

В зале тихо. Только слышно, как кто-то переворачивает страницу блокнота, как скрипит стул под тяжестью тела. Называют первые номера. Пары поднимаются, подходят к сцене, тянут бумажки из стеклянной вазы. Кто-то радуется, кто-то бледнеет. Я смотрю на них, но не вижу. Внутри пустота и напряжение одновременно. Сердце колотится где-то в горле, пульс отдаётся в кончиках пальцев.

Объявляют нашу группу. Ведущий читает по списку:
— Валерия Соболева и Максим Воронцов.

Поднимаемся. Ноги ватные, иду по проходу, Максим рядом, его рука на моей спине — давит, направляет. На сцене пахнет полировкой для мебели и потом. Подхожу к вазе, опускаю руку. Бумажки шуршат, холодные, гладкие. Вытягиваю одну, разворачиваю. Номер. Смотрю на него, не понимаю. Максим заглядывает через плечо, читает. Его лицо не меняется.

— Первая группа, — говорит он. — Фавориты.

Киваю. Ведущий объявляет: «Первая группа — Соболева и Воронцов, канадская пара, американцы, японцы». В зале шёпот. Я слышу своё имя, но не разбираю слов. Спускаюсь со сцены, ноги не слушаются. Максим берёт за руку, ведёт к месту. Сажусь, смотрю перед собой. Внутри холодно.

К нам подходит тренер Олег Николаевич. В старомодном свитере с косами, лицо спокойное, но я вижу — он кусает губу.

— Вы в хорошей компании, — голос сухой, ровный. — Докажите, что вы достойны быть там.

— Докажем, — отвечает Максим.

Тренер кивает, уходит. Я смотрю ему вслед, потом на Максима.

— Группа смерти.

— Значит, мы там, где должны быть.

— Ты не боишься?

— Боюсь. Но это не важно.

Сжимаю его руку. Пальцы холодные, но он отвечает тем

же.

Выходим из зала. В коридоре пусто, лампы горят ровно, пахнет дезинфекцией. Идём к лифту, нажимаю кнопку. Двери открываются, входим. В зеркалах отражаюсь несколько раз — бледная, под глазами тени, волосы выбились из пучка. Максим стоит рядом, молчит.

В комнате Диана ждёт. Сидит на кровати, поджав ноги, в руке телефон. Смотрит на меня, не спрашивает.

— Мы в первой группе, с фаворитами.

— И ты?

— Нервничаю.

— Это нормально.

— Знаю.

Ложусь на кровать, смотрю в потолок. Завтра первый день соревнований. Разминка, короткая программа. Закрываю глаза. Вижу лёд. Он белый, ровный, скользкий. Выхожу на центр, замираю. Музыка начинается. Открываю глаза. Диана сидит на своей кровати, смотрит на меня.

— Всё будет хорошо, — говорит.

— Откуда ты знаешь?

— Не знаю. Но надеюсь.

Встаю, подхожу к окну. За стеклом — олимпийская деревня, огни, флаги. Где-то там, за горизонтом, дом. Мать, брат, Академия. Всё, что было. Завтра начинается то, ради чего мы приехали. Я готова.

ГЛАВА 16. ОЛИМПИАДА.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Просыпаюсь за два часа до будильника. В комнате темно, только щель под дверью пропускает жёлтый свет из коридора. Диана спит на соседней кровати, свернувшись калачиком, дышит ровно, тихо. Смотрю в потолок. В голове прокручивается программа. Каждый прыжок, каждое движение, каждый аккорд. Первый прыжок — тройной флип. Отталкивание левой, ось, вращение, приземление. Поддержка — его руки на талии, пальцы чуть сжимают. Дорожка шагов — ноги сами помнят, но я проверяю, перебираю мысленно каждое движение. Сбиваюсь на середине, возвращаюсь к началу. Сердце колотится, дыхание сбивается, хотя я лежу неподвижно. Страх — липкий, холодный — сидит в груди. Сегодня первый день Олимпиады.

Встаю. Ступни касаются ковролина — мягкого, ворсистого, тёплого. Иду в ванную, умываюсь ледяной водой. Щиплет кожу, прогоняет остатки сна. Смотрю в зеркало. Лицо бледное, под глазами тени — не спала, и это видно. Волосы собираю в тугий пучок, пальцы скользят, выбившиеся пряди прилипают ко лбу. Кожа сухая, на скулах лёгкий румянец — от холода, от волнения, не знаю.

Начинаю делать зарядку прямо в комнате. Ноги на ши-

рине плеч, наклоны — спина прямая, пальцы тянутся к полу. Касаюсь, чувствую, как тянутся мышцы задней поверхности бедра. Выпады вперёд — правое колено сгибается под прямым углом, левое почти касается пола. Колено слушается, не болит. Вращения — развожу руки в стороны, делаю несколько оборотов, голова кружится, но я не останавливаюсь. Дышу глубоко, носом, выдыхаю ртом, стараюсь успокоить пульс. Пот выступает на лбу, капельки стекают к бровям, я вытираю их тыльной стороной ладони.

Диана открывает глаза, садится на кровати, смотрит на меня. Её волосы спутаны, лицо помятое со сна.

— Ты не спала?

— Спала. Проснулась.

— Волнуешься?

— Немного.

Она кивает, не спрашивает больше. Спускает ноги с кровати, тянется к своей одежде. Я слышу, как скрипят пружины под её весом.

Завтрак в столовой Олимпийской деревни. Длинные столы, пластиковые подносы, запах кофе и тостов. Гул голосов — спортсмены со всего мира, кто-то смеётся, кто-то серьёзен. Я беру кружку с чаем. Чай горячий, пар поднимается, обжигает нос. Отпиваю — язык чувствует горечь и сладость, но я не различаю вкуса. Кусок в горло не лезет, отодвигаю тарелку с омлетом.

Максим садится напротив. На нём чёрная футболка, во-

лосы ещё мокрые после душа, на плече полотенце. Смотрит на меня, потом кладёт на мою тарелку банан.

— Съешь. Нужны силы.

— Не могу.

— Не можешь или не хочешь?

— И то, и другое.

— Съешь половину.

Беру банан. Кожура холодная, шершавая. Чищу, откусываю. Во рту сухо, мякоть сладкая, но я жую через силу, глотаю с трудом. Он сидит, пьёт свой чай, молчит. Не давит. Я доедаю банан до конца.

Выходим из столовой. По дороге на каток встречаем других спортсменов. Китайцы идут плотной группой, молчат, лица сосредоточены. Американцы громко обсуждают что-то, смеются, но смех натянутый. Воздух давит, атмосфера сгущается, как перед грозой. Кто-то пробегает мимо, задевает плечом, даже не извиняется.

Максим берёт за руку. Пальцы тёплые, сухие, чуть шершавые.

— Смотри на лёд, — говорит. — Не на них.

— Смотрю.

— Не на них, Лера. На лёд.

— Я смотрю на лёд.

Он сжимает мою руку, я сжимаю в ответ.

В раздевалке раздеваюсь до нижнего белья. Прохладно, по коже бегут мурашки. Достаю из сумки форму. Тёмно-си-

нюю, ту, что подарил Максим. Ткань мягкая, ложится по телу, не жмёт. Надеваю штаны — тянутся, облегают ноги, на поясе резинка. Куртку застёгиваю на молнию, чувствую, как ткань прилегает к плечам, к груди. Воротник касается шеи, чуть щиплет.

Коньки — старые, потёртые, с царапиной на левом лезвии. Беру их в руки, чувствую тяжесть. Провожу пальцем по лезвию — холодное, гладкое, острое. Шнурки затягиваю туго, до хруста в пальцах, дёргаю каждый узел, проверяю. Нога входит плотно, пятка упирается в задник, пальцы не сжимаются.

Встаю, делаю шаг. Лезвия цокают по пластиковому полу, звук разносится по пустой раздевалке. Смотрю в зеркало. Девушка, которая прошла через ад, но не сломалась. Глаза смотрят в ответ. Я выдыхаю.

Объявляют первую разминку. Динамик над дверью хрипит, голос отдаётся эхом.

— На лёд приглашаются участники первой разминки.

Выходим в коридор. Максим уже там, ждёт. Берёмся за руки. Идём к выходу на лёд.

Аплодисменты бьют по ушам, трибуны полны — люди, флаги, камеры. Свет заливает арену, я щурюсь, но не отвожу взгляда. В первом ряду флаги нашей страны, белый, синий, красный. Слышу своё имя, кто-то кричит, не разобрать. Максим рядом, его рука на моей спине. Лёд ждёт. Ступаю на него, и всё замирает.

Выезжаю на лёд, и свет бьёт в глаза — яркий, белый, безжалостный. Купол уходит вверх, стеклянный, в нём отражаются флаги, трибуны, тысячи лиц. Делаю круг, разгоняюсь. Лезвия режут поверхность, звук разносится под куполом, бьётся о стёкла, о пластик кресел. Пробую прыжок — тройной флип. Отталкиваюсь левой, нога толкает, тело уходит вверх. Ось держу, вращаюсь. Но лёд другой. Тяжёлый, плотный, вязкий. Он не пружинит, не отталкивает, а тянет назад, гасит скорость. Приземляюсь на ребро, едва не падаю, рука касается льда, пальцы скользят по холодной поверхности. Не чисто.

Максим подъезжает, тормозит рядом. Лезвия его коньков высекают крошку льда, белые искры разлетаются в стороны.

— Лёд медленный, — голос тихий, только для меня. — Будем брать скоростью. Не высотой.

— Поняла.

— Не думай о прыжках. Думай о скольжении.

Киваю. Делаю ещё круг, чувствую, как мышцы напрягаются, как колено принимает нагрузку. Лёд под лезвиями скользит, но не так, как вчера. Вчера он был упругим, быстрым. Сегодня — тяжёлым, как мокрая глина.

На разминке все фавориты. Канадская пара проносится мимо, мужчина высокий, широкоплечий, женщина маленькая, гибкая. Она бросает взгляд через плечо, оценивает. Я чувствую этот взгляд, он царапает кожу. Не отвожу глаза.

Пусть смотрят. Пусть ищут слабые места. Я не прячусь.

Американцы отрабатывают поддержку. Мужчина считает вслух: «Раз, два, три — пошла!» Женщина взлетает вверх, держится ровно, красиво. Зал аплодирует, но я не смотрю на них. Смотрю на лёд.

Японцы молчаливы. Они катаются в своём углу, не мешая никому, но я вижу, как их тренер с секундомером следит за каждым движением. Они не улыбаются, не переговариваются. Просто работают.

Пробую каскад. Тройной тулуп — отталкивание, ось, вращение. Приземление. Чисто. Лезвие режет лёд ровно, без скольжения. Второй прыжок — двойной тулуп. Отталкиваюсь с той же ноги, вращаюсь. Приземление. Чисто. Лёд начинает поддаваться. Я чувствую, как он меняется под лезвиями, как становится чуть мягче, чуть податливее.

Максим улыбается краем губ.

— Вот так.

— Ещё.

— Успеем.

Подъезжает тренер Олег Николаевич. Он в старомодном свитере с косами, руки скрещены на груди. Лицо хмурое, но я вижу — он смотрит на нас, не отрываясь.

— Не выкладывайтесь на разминке, — голос сухой, ровный. — Оставьте силы на программу. Помните: чистота важнее сложности.

— Помним, — отвечает Максим.

Тренер кивает, отходит к бортику. Я смотрю ему вслед, потом на Максима.

— Он волнуется.

— Все волнуются.

— Ты?

— И я.

Съезжаю к бортику. Пот заливает глаза, щиплет, я вытираю рукой. Ладонь мокрая, горячая. Диана подаёт бутылку с водой. Беру, пальцы скользят по пластику. Открываю, пью — вода холодная, горло сжимается, я давлюсь, но глотаю. Капли стекают по подбородку, падают на форму.

— Ты готова? — спрашивает Диана. Голос тихий, но я слышу его сквозь гул трибун.

— Готова.

— Я здесь.

— Знаю.

Она не уходит. Стоит за бортиком, сжимает поручень. Пальцы её побелели.

Объявляют: «На лёд приглашаются Валерия Соболева и Максим Воронцов». Делаю глубокий вдох. Воздух холодный, сухой, обжигает горло. Выезжаю на центр. Максим рядом. Свет бьёт в глаза, я шурюсь, но не отвожу взгляда. В первом ряду флаги нашей страны. Я слышу, как кто-то кричит: «Россия!» Голос знакомый, но я не оборачиваюсь.

Выезжаю на центр. Лёд под старыми коньками знакомый,

но сегодня он кажется глубже, чем обычно. Свет заливает арену, белый, ровный, без теней. Трибуны гудят, тысячи голосов сливаются в один шум, но я его не слышу. Слышу только своё дыхание. Максим рядом, его рука на моей талии, пальцы чуть сжимают.

Останавливаемся. Стартовая поза. Руки подняты, голова чуть назад, левая нога на ребре, правая сзади. Замираю. Тишина давит на уши, я слышу, как колотится сердце, как кровь шумит в висках, как где-то далеко скрипнуло кресло. Закрываю глаза на секунду. Вспоминаю замёрзшую реку, мать на берегу, её голос: «Терпи, дочка». Открываю.

Первый аккорд — «Зима» Вивальди. Музыка проходит сквозь меня, заполняет лёгкие, грудь, голову. Начинаю движение. Руки сами поднимаются, тело само ведёт, я не думаю — просто чувствую. Лёд скользит под коньками, он тяжёлый, вязкий, но я не сбавляю. Каждое движение — через силу, но я не показываю.

Первая поддержка. Максим поднимает меня, лечу вверх, руки расправлены, как крылья. Чувствую его пальцы на талии — сильные, уверенные, чуть шершавые. Его дыхание рядом, горячее, прерывистое. В зале тишина — на секунду, на две. Потом вздох. Сотни людей выдыхают одновременно, я слышу этот звук, он накрывает меня, но не давит. Опускаюсь, лезвия касаются льда, выезжаю. Чисто.

Каскад из трёх прыжков. Вхожу в первый. Тройной флип. Отталкиваюсь левой, нога толкает, тело уходит вверх. Ось

держу ровно, вращаюсь. Считаю обороты: раз, два, три. Приземление. Лезвие режет лёд ровно, без скольжения. Чисто. Зал выдыхает снова, но я уже не слышу — только музыка, только лёд, только он.

Второй прыжок. Тройной тулуп. Отталкиваюсь той же ногой, ось, вращение. Приземление. Чисто.

Третий — тройной риттбергер. Тот самый, которым всё началось. Вхожу с той же яростью, что и в первый день на малом катке. Отталкивание, ось, вращение. Лёд подводит — слишком мягкий, нога уходит вниз, теряю равновесие. На секунду страх, липкий, холодный. Но тело помнит. Группируюсь, добираю вращение. Приземление. Лезвие врезается, режет, скребёт. Чисто.

Зал взрывается. Я слышу крики, свист, аплодисменты, но не разбираю звуков — только шум, только гул. Не останавливаюсь. Дорожка шагов. Иду на пределе, ноги гудят, мышцы горят, дыхание сбивается. Лёд сопротивляется, тянет назад, но я не сбавляю. Каждое движение — как удар, каждый шаг — как крик. Помню каждую ночь на замёрзшей реке, когда мать стояла на берегу, куталась в старую шаль и кричала: «Ещё раз!» Помню каждое падение и каждое «вставай». Помню, как он смотрел на меня впервые — с презрением, с ненавистью. Помню, как его взгляд изменился. Всё это в каждом шаге, в каждом повороте.

Максим рядом, слышу его шаги, его дыхание. Синхронны как никогда.

Финальная поза. Я в его руках, наши лица рядом. Он держит меня, пальцы на талии сжимают крепко. Я смотрю в его глаза. В них — всё, что мы пережили. Музыка затихает, последняя нота повисает в воздухе, тает.

Зал встаёт. Аплодисменты бьют по ушам, люди свистят, кричат. Я слышу своё имя, оно летит отовсюду, бьётся о стёкла, о лёд, о меня.

Смотрю на табло. Цифры прыгают, складываются. 82.34. Личный рекорд. Временное первое место.

Плачу. Слезы текут по щекам, я не вытираю. Максим обнимает, крепко, так, что трудно дышать. Чувствую, как он дрожит. От напряжения, от облегчения, от всего сразу.

— Мы сделали это, — шепчет в ухо.

— Сделали.

— Ещё не всё. Завтра произвольная.

— Знаю. Но сегодня — мы выиграли.

Он улыбается. Я тоже.

Сходим со льда. Диана бросается к бортику, сжимает мою руку, не говорит ни слова — только плачет. Елена кивает, улыбается, вытирает глаза. Тренер Олег Николаевич стоит чуть поодаль, руки скрещены, но я вижу — он улыбается краем губ.

В раздевалке сажусь на скамейку, снимаю коньки. Пальцы дрожат, шнурки не поддаются. Максим садится рядом, помогает. Молчим. Слышно, как за стеной объявляют результаты следующей пары.

— Канадцы чисто, но без души, — говорит он. — 81.90.

— Американцы?

— Падение на поддержке. 79.40.

— Японцы?

— 82.10.

— Мы первые.

— Первые.

Смотрю на свои коньки, на царапину на левом лезвии.

Они вывели меня сюда. Они помнят всё. Я помню всё.

Завтра произвольная. Завтра всё решится. Но сейчас — этот момент. Его рука в моей, его дыхание рядом, тишина.

Сажу в раздевалке на пластиковой скамейке. Лампы горят ровно, без мерцания, стены выкрашены в бледно-голубой. Пахнет потом, дезинфекцией и холодом, который тянется со льда. Коньки сняты, стоят на полу, лезвия блестят, на левом — царапина. Смотрю на экран телевизора, подвешенного под потолком. Трансляция идёт в прямом эфире. Канадская пара на льду.

Они катаются чисто. Технично, мощно, без ошибок. Каждый прыжок выверен, каждая поддержка отточена. Мужчина высокий, женщина маленькая, гибкая. Она улыбается в конце программы, но улыбка не доходит до глаз. Внутри пустота. Судьи ставят баллы. 81.90. Второе место после короткой программы. Я выдыхаю. Воздух выходит из лёгких шумно, тяжело, плечи опускаются.

На экране американцы. Они выходят на лёд с громкой музыкой, агрессивные, напористые. Мощные прыжки, сложные поддержки. Но на середине программы мужчина срывается, женщина падает. Лёд встречает её плечо, звук глухой, даже через телевизор слышно. Зал вздыхает. Они заканчивают, но я вижу — лицо женщины мокрое от слёз. Результат — 79.40. Четвёртое место. Напряжение в моей груди отпускает ещё чуть-чуть, но не полностью. Ещё одна пара впереди. Японцы.

Японцы выходят спокойно, сосредоточенно. Они катаются идеально, без единой ошибки. Но без огня. Каждое движение правильное, но холодное, как лёд под ними. Результат — 82.10. Третье место.

Я занимаю первое место после короткой программы. Смотрю на табло на экране, на свою фамилию, на цифры. Не верю. Пальцы сжимают край скамейки, пластик холодный, жёсткий.

В это же время в своём кабинете отец Максима смотрит трансляцию. Он сидит в кожаном кресле, бокал в руке, но не пьёт. Вино тёмно-красное, почти чёрное. Рядом с ним человек в тёмном костюме, стоит, руки за спиной.

— Поздравляю, ваша ставка сыграла, — голос ровный, без эмоций.

Отец молчит. Смотрит на экран, на меня, на сына. Пальцы сжимают бокал так, что костяшки белеют. Не отвечает.

Выхожу из раздевалки. Коридор длинный, лампы горят ровно, ковролин глушит шаги. В конце коридора — журна-

листы. Камеры, микрофоны, вспышки. Свет бьёт в глаза, я щурюсь. Ко мне подходит девушка в синем пиджаке, протягивает диктофон.

— Валерия, какие у вас ощущения после короткой программы?

Смотрю на неё, на диктофон, на камеру за её плечом.

— Я счастлива. Но завтра произвольная. Всё только начинается.

Она улыбается, благодарит, отходит. Другой журналист что-то спрашивает, но я не слышу. Максим берёт меня за руку, ведёт к выходу.

— Хватит. Идём.

— Идём.

Возвращаемся в Олимпийскую деревню. Автобус трясёт на кочках, я смотрю в окно на огни города, на флаги, на людей в форме разных сборных. Рядом Максим, его рука на моей. Молчим.

В комнате Диана уже сидит на кровати, поджав ноги. Смотрит на меня, улыбается.

— Ты первая!

— Пока да.

— А завтра?

— Завтра посмотрим.

Звоню матери. Телефон греет ухо, гудки длинные, тяжёлые.

— Алло? — голос матери тихий, с хрипотцой.

— Мам, мы первые после короткой.

— Я видела. Я смотрела. Ты была прекрасна.

— Завтра произвольная.

— Ты справишься. Я знаю.

— Я люблю тебя.

— И я тебя.

Сжимаю телефон, не хочу отпускать. Потом сбрасываю. Смотрю на экран, на фотографию матери на заставке. Она улыбается. Там, дома, сейчас поздний вечер. Она сидит на диване, укутавшись в плед. Я знаю. Я чувствую.

Диана встаёт, подходит, обнимает. Молча. Я кладу голову ей на плечо.

— Завтра будет ещё лучше, — шепчет.

— Ты веришь?

— Верю.

Засыпаю с этой мыслью.

Комната погружена в темноту. Диана спит на соседней кровати, свернувшись калачиком, одеяло сбилось, край свесился на пол. Её дыхание ровное, тихое, иногда переходит в едва слышный всхлип — что-то снится. Лежу, смотрю в потолок. Белый, гладкий, в углу трещина, которую я разглядела ещё в первый день. Считать её уже надоело. В голове снова программа. Каждый прыжок, каждое движение, каждый аккорд. Тело помнит, но страх не уходит. Он лежит в груди, тяжёлый, как камень. Сегодня я была первой после короткой.

Завтра произвольная. Завтра всё решится.

Не могу больше лежать. Спускаюсь с кровати, ступни касаются ковролина — мягкого, тёплого. Натягиваю спортивную куртку поверх футболки, джинсы. Выхожу в коридор. Лампы горят вполне накала, ковролин глушит шаги, тишина давит. На стенах плакаты с олимпийской символикой, цвета флагов разных стран. Иду к лифту, нажимаю кнопку. Двери открываются с тихим звоном, вхожу, спускаюсь на первый этаж.

В холле Олимпийской деревни никого. Только стойка регистрации, за которой дремлет дежурная в синей форме. Сажусь на диван, смотрю в окно. За стеклом — ночь, огни, флаги на флагштоках полощет ветром. Где-то далеко слышны голоса — спортсмены возвращаются с тренировок, смеются, обсуждают. А я сижу одна.

Из коридора выходит Максим. В тренировочных штанах, футболке, волосы мокрые — только из душа. Замечает меня, подходит, садится рядом. Молчит. Потом говорит:

— Тоже не спится?

— Не могу. В голове программа. Каждый прыжок, каждое движение.

— Я знаю. У меня то же самое.

— И что делать?

— Ничего. Просто сидеть.

Сидим. Смотрим в окно. За стеклом ночь, огни, где-то вдалеке силуэты гор. Я кладу голову ему на плечо. Пахнет

хвоей и шампунем, свежестью.

— Помнишь нашу первую ночь на катке? Я тогда не знал, бояться тебя или восхищаться.

— Ты хотел меня ударить.

— А ты не боялась. Ты просто сказала: «Твой корпус опаздывает». И я понял, что ты — другая.

Смеюсь. Он тоже. Смех тихий, короткий, но от него становится легче.

— Мы стали командой, — говорит.

— Стали.

Берёт за руку. Пальцы тёплые, сухие, сжимают крепко.

— Что бы ни случилось завтра, мы уже победили. Ты здесь. Мы вместе. Всё остальное — детали.

— Ты правда так думаешь?

— Верю.

Смотрю на его лицо. В темноте коридора оно кажется мягче, чем обычно. Родинка под левым глазом, которую он ненавидит. Я её люблю.

— Я люблю тебя, — тихо. — Я никогда не говорила этого. Но я люблю.

Он молчит. Потом поворачивается, смотрит в глаза.

— Я тоже. С первого раза, когда ты вышла на лёд в старых коньках и сделала тот чёртов прыжок.

— Я упала тогда.

— Встала.

Сидим, держась за руки. В холле тихо, только часы на сте-

не тикают, отсчитывая секунды до рассвета.

— Идём, — говорит. — Завтра тяжёлый день.

— Идём.

Встаём, идём к лифту. Двери открываются, входим. В зеркалах отражаюсь несколько раз — бледная, под глазами тени, волосы растрёпаны. Он рядом. Его рука на моей спине.

На своём этаже расходимся. Он останавливается у своей двери, я у своей.

— Лера.

— Что?

— Ты готова?

— Готова. А ты?

Улыбается. Заходит. Я — в свою комнату.

Диана спит, не просыпается. Ложусь на кровать, смотрю в потолок. Завтра самый важный день в моей жизни. Закрываю глаза. В темноте вижу лёд, белый, ровный, скользкий. Выхожу на центр, замираю. Музыка начинается. Я лечу.

Засыпаю с улыбкой. Завтра я выйду на лёд и сделаю всё, на что способна. Не ради медали. Ради нас. Ради того, чтобы доказать себе, что я не зря прошла через весь этот ад.

ГЛАВА 17. ОЛИМПИАДА. ПРОИЗВОЛЬНАЯ

Будильник не успевает зазвенеть — я открываю глаза за секунду до его трели. В комнате ещё темно, только жёлтый свет из коридора пробивается под дверь, ложится тонкой полоской на ковролин. Диана уже не спит. Сидит на своей кровати, поджав ноги, на коленях у неё поднос с двумя тарелками, кружками, хлебом. Пар от чая поднимается, дрожит в холодном воздухе. Она приготовила завтрак сама — встала раньше меня, пока я спала. Я не слышала, как она выходила. Значит, спала крепко. Впервые за много ночей.

— Ты выглядишь спокойной, — голос у неё тихий, осторожный, будто она боится спугнуть это спокойствие.

— Я спокойна, — отвечаю. И это правда. В груди нет того ледяного кома, который душил меня перед прошлыми стартами. Нет дрожи в пальцах, нет пульсации в висках. Только тишина. Пустота. И лёгкость, как после долгого, изнурительного бега, когда ты наконец остановился и понял, что сделал всё, что мог.

Встаю, ступни касаются тёплого ковролина. Натягиваю халат поверх футболки, сажусь напротив Дианы. Беру кружку, грею ладони о горячий фарфор. Чай сладкий, слишком сладкий — она перестаралась с мёдом. Но я не жалуюсь. Пью

мелкими глотками, чувствую, как тепло растекается по горлу, по груди, опускается в живот. Диана смотрит на меня, жуёт хлеб, не спрашивает ни о чём. Молчание не тяготит. Оно такое же спокойное, как моё дыхание.

После завтрака выхожу в коридор. Телефон в руке, экран горит, фотография матери на заставке. Набираю номер. Гудки — раз, два. Она отвечает сразу, будто сидела с телефоном в руке и ждала.

— Я знаю, что ты справишься, — голос у неё тихий, но твёрдый, без капли сомнения. — Просто выйди на лёд и кататься, как умеешь. Как на реке. Как в детстве.

— Хорошо, мам.

— Я смотрю. Я всегда смотрю.

Сбрасываю. Смотрю на экран, на её улыбку, на морщинки вокруг глаз. Там, дома, сейчас раннее утро. Она сидит на диване, укутавшись в плед, пьёт чай из своей любимой кружки с трещиной. Я знаю. Я чувствую.

В столовой Максим уже ждёт. Сидит за столом, перед ним две кружки — одна для меня. Пар поднимается, тает в воздухе. Волосы у него ещё мокрые после душа, на плече полотенце. Увидел меня, улыбнулся краем губ, но я вижу — желваки играют, пальцы сжимают кружку чуть сильнее, чем нужно.

— Ты сегодня другая, — говорит.

— Я сегодня свободна.

— От чего?

— От страха. Я сделала всё, что могла. Остальное — не от меня.

Смотрит на меня долго, потом кивает. Берёт мою руку поверх стола, сжимает. Пальцы тёплые, сухие, чуть шер

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.